

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XXXV международной научно-практической конференции*

№ 3 (35)
Март 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 34
ББК 67
В 74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин филиала Российского государственного гуманитарного университета, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Калтинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедры уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кириянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 3 (35). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 170 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности 7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 7

Андреева Любовь Александровна

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 14

Латыпов Вадим Сагитьянович

Латыпова Наталия Сергеевна

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ,
СОВЕРШАЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ 18

Спектор Людмила Александровна

Секция 2. Актуальные вопросы противодействия преступности в сфере экономики 26

НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ
И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ) 26

Андреева Любовь Александровна

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДОХОДОВ,
ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ 32

Кириленко Виктория Сергеевна

Секция 3. Гражданский и арбитражный процесс 37

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ТРЕТЕЙСКОМ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ 37

Нечаева Элина Дмитриевна

Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право 44

О СВОЕВРЕМЕННОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ
ВВЕДЕНИЯ В ПРАКТИКУ ЮРИДИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК,
ОБЛАДАЮЩИХ НЕОБХОДИМЫМ КАДРОВЫМ
И НАУЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ 44

Гайтова Лаура Хаджи-Муратовна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Кулаженкова Александра Петровна Сагалаков Эдуард Алексеевич	49
ПРИЗНАКИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПУБЛИЧНОГО ПРАВА Кулаженкова Александра Петровна Сагалаков Эдуард Алексеевич	54
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДВОЙНОГО, СПЕЦИАЛЬНОГО И ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ Щербачева Любовь Владимировна	59
Секция 5. Информационное право	66
ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКОЙ ПРАКТИКИ С АСОЦИАЛЬНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ Ложкина Анастасия Ивановна	66
Секция 6. Конституционное право	71
КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ, СУДЕБНАЯ СИСТЕМА, ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Белозерцев Сергей Владимирович	71
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ КОНСТИТУЦИЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН Казарян Давид Мехакович	83
Секция 7. Международное право	93
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БЕЖЕНСТВА Гафаровский Дмитрий Олегович	93
Секция 8. Правоохранительные органы	100
ПОРЯДОК ВЫНЕСЕНИЯ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ Насонов Сергей Александрович	100

Секция 9. Предпринимательское право и правовые основы банкротства	105
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НУЖДЫ КАК ПРИЗНАК ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ) Малолетнева Веста Константиновна	105
Секция 10. Теория государства и права	117
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Индрисова Зара Нальбиевна	117
Секция 11. Уголовное право	123
ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ СУДИМОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Алтыншин Алик Гаязович Галиуллин Надир Кадилович Шагабалова Ляйсан Бирхатовна	123
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА Купрейченко Анастасия Борисовна	129
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ Матвеева Яна Максимовна	137
ПРОБЛЕМЫ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ Нургалиев Бахыт Молдатьяевич Лакбаев Канат Саметович	145
НАЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАК ФОРМА УЧЁТА СОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВИЮ Шишкин Алексей Александрович	151

Секция 12. Финансовое право и финансовая политика **160**

ОСОБЕННОСТИ ЗАКУПОК ДЛЯ НУЖД БЮДЖЕТНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ 160

Пивоварова Ольга Николаевна

СЕКЦИЯ 1.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент РГГУ,

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

**IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION
AGAINST TAX CRIME**

Andreeva Lybove

candidate of juridical sciences, associate professor

of Russian State Humanitarian University,

Russia, Veliky Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам совершенствования уголовного законодательства по противодействию налоговой преступности. Автор, проанализировав состояние налоговой дисциплины и современные новации системы уплаты налогов, рассматривает проблемы, возникающие в области нормотворчества и правоприменения налогообложения.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of improving the criminal law against tax crime. The author analyzed the state of fiscal discipline

and the modern innovations of tax issues arising in the area of norm-setting and enforcing taxation.

Ключевые слова: преступление; уголовное законодательство; нормотворчество; экономика; налоги.

Keywords: crime; criminal law; norm-setting; the economy; taxes.

Уголовный Кодекс Российской Федерации, вступивший в силу более 15 лет назад, в условиях иной экономической политики, когда многие институты экономики еще не существовали или только зарождались. Соответственно, посягающие на них опасные деяния предусмотрены не были. Экономические отношения в современных условиях уже представляют крупные подотрасли или даже отрасли экономики, где сформированы свои эффективные механизмы обеспечения их безопасности. Поэтому посягательства на экономическую безопасность уже не представляют такой общественной опасности, которая существовала в условиях их неразвитости.

Действующий уголовный закон, с одной стороны, характеризуется излишней криминализацией деяний, с другой — не предусматривает всего спектра новых общественно опасных деяний в сфере экономики.

В настоящее время уголовное законодательство не содержит эффективных мер защиты мелкого и среднего предпринимательства, банковского сектора, прав и законных интересов инвесторов.

В современных условиях роль коллективных субъектов в противоправной деятельности существенно возросла.

Причастность к совершению преступления юридического лица во многих случаях значительно повышает общественную опасность деяния, так как организация обладает несоизмеримо большими финансовыми, организационными и иными возможностями для подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Вместе с тем действующее российское законодательство предусматривает лишь гражданскую и административную ответственность юридических лиц, исключив их уголовную ответственность. Несмотря на то, что по сравнению с указанными видами правонарушений преступления представляют большую социальную опасность, ответственность юридических лиц за причастность к преступлению в российском праве отсутствует.

Возложение полного бремени уголовной ответственности на физическое лицо в случаях, когда преступление совершалось в интересах юридического лица, представляется не вполне оправдан-

ным. При направленности воли юридического лица на совершение преступления оно должно также в определенной мере разделить указанные неблагоприятные последствия.

Российская Федерация присоединилась к ряду конвенций, предусматривающих для государств-участников обязанность введения уголовной ответственности юридических лиц за причастность к совершению отдельных видов преступлений.

Например, ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности устанавливает обязанность введения уголовной ответственности юридических лиц в связи с «совершением уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с Конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе: выполнения представительских функций от имени юридического лица; осуществления права на принятие решений от имени юридического лица; осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя» [1]. Аналогичная обязанность по отношению к уголовно-правовому противодействию преступлениям коррупционной направленности предусмотрена ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [2].

Наиболее значимым аргументом противников введения уголовной ответственности юридических лиц является то, что подобный подход противоречит традиционно сложившимся в российском уголовном праве представлениям об основаниях уголовной ответственности, в частности принципам персональной ответственности и вины.

Вместе с тем во избежание противоречия указанным доктринальным положениям может быть предусмотрена альтернативная правовая конструкция, предполагающая не отнесение неблагоприятных последствий в отношении юридических лиц к институту уголовной ответственности, а включение их в институт иных мер уголовно-правового воздействия, предусмотренный разделом VI УК РФ [4].

С учетом этого юридическое лицо традиционно для российского уголовного права не будет рассматриваться в качестве субъекта преступления и привлекаться к уголовной ответственности. Вместо этого в отношении его будут предусмотрены уголовно-правовые меры,

влекущие неблагоприятные юридические последствия. Подобный подход, например, был реализован в уголовном законе Латвии [3].

Необходимо отметить, что первый шаг в этом направлении уже сделан. Например, ч. 3 ст. 104.1 УК РФ предусматривает положение о том, что имущество, переданное виновным организации, подлежит конфискации, если принявшая его организация (ее воля выражается через органы управления) знала или должна была знать, что имущество получено в результате незаконных действий. Таким образом, впервые в российском уголовном законе предусмотрена возможность применения меры уголовно-правового характера в отношении организаций.

В качестве оснований для применения указанных мер будет выступать, во-первых, совершение преступления в интересах юридического лица, а во-вторых, объективная направленность воли юридического лица на совершение физическим лицом преступления, включающая в себя следующие элементы:

1. субъективные признаки — осведомленность органов управления юридического лица (их отдельных должностных лиц) о совершении физическим лицом преступления в интересах юридического лица или отсутствие осведомленности в ситуации, при которой в соответствии с законом, подзаконным нормативно-правовым актом или сложившимися фактическими отношениями указанные должностные лица должны были знать о совершении уголовно наказуемого деяния физическим лицом;

2. объективные признаки — совершение действий в виде дачи указания либо предварительного или последующего одобрения уголовно наказуемого деяния физического лица или бездействия в виде воздержания от принятия мер по предупреждению и пресечению уголовно наказуемого деяния физического лица.

В качестве мер уголовно-правового воздействия в зависимости от характера участия в преступлении и имущественного положения юридического лица могут быть предусмотрены: штраф; лишение лицензии, квот, иных преференций или льгот; лишение права заниматься определенным видом деятельности; конфискация всего или части имущества; принудительная ликвидация.

В отношении юридических лиц-нерезидентов также может быть предусмотрена такая мера, как запрет осуществления деятельности на территории Российской Федерации.

Принудительная ликвидация как исключительная мера должна быть предусмотрена лишь за участие в тяжком или особо тяжком преступлении, а также в случаях, когда юридическое лицо было

создано исключительно в целях совершения или сокрытия преступной деятельности.

Введение института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, как представляется, позволит существенно повысить уровень противодействия не только экономической преступности, но и преступлениям коррупционной, экстремистской направленности, а также преступлениям против экологии.

В целях создания в стране благоприятных социально-экономических условий для развития частного предпринимательства необходима декриминализация деяний, которые с учетом особенностей современного этапа развития экономики утратили прежнюю общественную опасность, и отнесение их к разряду небольшой тяжести с преобладанием штрафа в качестве основной меры наказания либо их декриминализация и отнесение к предмету административной юрисдикции.

В конце 2009 — начале 2010 г. были приняты поправки, в результате которых увеличены крупный и особо крупный размеры неуплаченных сумм налогов, образующие составы налоговых преступлений, смягчена мера уголовной ответственности за эти преступления, декриминализованы такие деяния, как лжепредпринимательство, незаконная предпринимательская деятельность в форме нарушения лицензионных требований и условий, в состав ст. 174 УК РФ введен дополнительный криминообразующий признак, почти втрое повышены размеры преступного дохода или ущерба от преступления.

На стадии реализации находятся предложения о декриминализации действий по невыплате заработной платы, если невыплаченная сумма не превышает половины от подлежащей выплаты. Кроме того, законодательство ряда стран с развитой рыночной экономикой допускает возможность при определенных условиях осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

На современном этапе развития экономической и правовой системы государства в Российской Федерации борьба с незаконной предпринимательской деятельностью, в том числе сопряженной с указанными негативными имущественными последствиями, может эффективно осуществляться одними мерами гражданско-правового и административного воздействия.

Поддерживая в целом идею о необходимости декриминализации отдельных деяний, либерализация уголовного законодательства должна происходить взвешенно, иначе это может привести к снижению уголовно-правовой защищенности экономических основ государства, важно, чтобы уголовное законодательство было в первую очередь эффективным.

Какой бы эффективной ни была реформа уголовного законодательства, она не изменит общей картины борьбы с экономической

преступностью без коренной перестройки структуры элементов правоохранительной функции государства — практики его применения.

Несмотря на многочисленные предупреждения и уголовные дела, правоохранительные и контролирующие органы не дают нормально развиваться частному бизнесу.

При этом статистические показатели борьбы с экономической преступностью в основном достигаются за счет не представляющих опасности и сложности в раскрытии преступлений, совершенных представителями малого и среднего бизнеса.

Единичны случаи выявления преступлений в таких важных для экономики и ее частного сектора областях, как финансовый рынок, корпоративное управление, антимонопольная деятельность, частная внешнеэкономическая деятельность.

Между тем фондовый рынок, равно как и финансовый рынок в целом, перенасыщены спекулятивными и мошенническими операциями, которые негативно влияют на экономику страны. Нередки случаи монополистических сговоров, использования фиктивных фирм в аукционах и тендерах для поставки товаров и услуг, создания структур на основе финансовой пирамиды, выпуск суррогатов ценных бумаг и др.

Очевидно, что без реформы правоохранительной системы реализация указанных выше стратегических для страны задач модернизации экономики невозможна.

Одним из направлений реформы в этой области может стать высвобождение органов внутренних дел от функции выявления и раскрытия преступлений экономической направленности и упразднение осуществляющих эту функцию подразделений Департамента экономической безопасности МВД России.

Уровень доверия предпринимательского сообщества к этим подразделениям гораздо ниже, чем уровень доверия населения к полиции в целом. Кроме того, в странах с развитой рыночной экономикой полицейское ведомство, которое создано и в России, не наделено функцией борьбы с экономической преступностью, поскольку обеспечение этой функции нуждается в более специализированном инструментарии.

Деятельность любого полицейского ведомства всегда оценивалась и будет оцениваться статистическими показателями раскрываемости преступлений. Следовательно, остается мотивация к обеспечению таких показателей за счет выявления несложных и быстрых в раскрытии преступлений вместо противодействия представляющим реальную угрозу экономической безопасности страны проявлениям в сфере финансового рынка, банковской деятельности, частной внешнеэкономической

деятельности и т. д. При сохранении полицией указанной функции избирательность (упрощенность) борьбы с экономической преступностью сохранится.

Повышению эффективности противодействия этим видам преступлений могло бы способствовать созданию такого подразделения в структуре СК России. Формирование подобного подразделения СК РФ создаст условия для проведения в стране единой централизованной, а главное — согласованной государственной политики в области воздействия на экономические отношения как регулятивными, так и правоохранными средствами.

Приведенные выше факты и сделанные на их основе выводы свидетельствуют о том, что реализуемая в настоящее время практика правоохранительной деятельности в области борьбы с экономическими правонарушениями не согласуется с общей политикой регулирования экономики.

Следует согласиться с тем, что именно государственная политика в области регулирования экономики должна определять, т. е. задавать, основные стандарты и параметры политики правоохранительной деятельности в этой области, пределы правоохранный воздействия на экономические отношения.

Поэтому приведение правоохранительной деятельности государства в области воздействия на экономические процессы в соответствие с политикой регулятивного воздействия должно стать одним из приоритетных направлений модернизации политической и нормотворческой деятельности страны.

Список литературы:

1. «Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).
2. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).
3. Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и вступ. статья А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб., 2001.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).

**СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Латыпов Вадим Сагитьянович

*преподаватель УЮИ МВД РФ,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru*

Латыпова Наталия Сергеевна

*преподаватель УЮИ МВД РФ,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: marchrose@yandex.ru*

**SYSTEM PRINCIPLES OF ENSURING STATE
PROTECTION OF PARTICIPANTS
OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS**

Latypov Vadim

*the teacher of Ufa juridical Institute of the Ministry of internal Affairs,
the Russian Federation,
Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa*

Latypova Natalia

*the teacher of Ufa juridical Institute of the Ministry of internal Affairs,
the Russian Federation,
Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается система принципов присущих институту обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Авторы дают краткую характеристику каждого принципа на основе современного законодательства, что позволяет определить построение всего института, его сущности и характера. Статья позволяет в конструктивной форме изобразить сложную и многогранную систему принципов института обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

ABSTRACT

The article considers the system of principles inherent in the Institute of ensuring state protection of participants of criminal legal proceedings. The authors give a brief description of each principle on the basis of current legislation, which allows to determine the building of the Institute, its nature and character. Article allows in a constructive way to portray a complex and multifaceted system of principles of the Institute for state protection of participants in criminal proceedings.

Ключевые слова: Принцип; уголовный процесс; государственная защита; обеспечение государственной безопасности.

Keywords: The principle of criminal procedure; the state security; state security.

Вопросам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в настоящее время уделяется в научной среде достаточно пристальное внимание. С уголовно-процессуальной точки зрения, этот институт относительно «молодой» и требует детального анализа. В работе предлагается рассмотреть основополагающие принципы обеспечения безопасности.

А.М. Баранов под принципами уголовного судопроизводства рекомендует понимать закрепленные в Конституции РФ и на ее основе в УПК РФ основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм, составляющие базу, фундамент всего уголовного процесса [3, с. 57].

Принципы осуществления государственной защиты — это основные руководящие положения, которые определяют содержание правовых норм о государственной защите участников уголовного судопроизводства и деятельность по их реализации.

Принципы осуществления государственной защиты закреплены в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ [4]. К этим принципам законодатель отнес:

1. Универсальный и основополагающий принцип законности;
2. уважение прав и свобод человека и гражданина;
3. взаимная ответственность органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц;
4. осуществление государственной защиты под прокурорским надзором и ведомственным контролем;
5. использование гласных и негласных методов;

6. недопустимость ущемления жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав защищаемых лиц;

7. федеральное финансирование.

Под принципом законности принято понимать неукоснительное соблюдение законов и соответствующих им правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами в сфере государственной защиты участников уголовного процесса.

Другими словами, при осуществлении деятельности направленной на обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства компетентные органы не вправе предпринимать действия, противоречащие Конституции РФ, УПК РФ, Федеральному закону от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ и иным нормативным актам.

Часть 2 статьи 5 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ [4] допустила возможность органов, осуществляющие меры безопасности, издавать в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику осуществления мер безопасности, а также руководствоваться ими в последующем.

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина основан на невозможности принудительного применения мер безопасности или применения мер в тайне, от защищаемого лица. Учитываются национальные, возрастные, физические и другие особенности защищаемого лица.

Взаимная ответственность органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц. Указанный принцип нашел свое отражение в статьях 24 и 25 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ [4], которые четко регламентируют права и обязанности органов, обеспечивающих государственную защиту, а также ответственность должностного лица за нарушение требований по обеспечению государственной защиты. Следует отметить, что указанные нормы систематически дополняются, что свидетельствует о непрерывном совершенствовании нормативного регулирования правоотношений возникающих в данной сфере.

Ответственность за нарушение обязательств весьма разнообразна, и может быть: уголовная, административная, гражданско-правовая, материальная, дисциплинарная.

Подчеркнем, что взаимной ответственности подлежит и лицо, в отношении которого избираются меры обеспечения государственной защиты (злоупотребление предоставленными правами или мерами безопасности, создания помех и препятствий в обеспечении своей безопасности и др.).

Осуществление государственной защиты под прокурорским надзором и ведомственным контролем. Деятельность органов прокуратуры регламентирована Федеральным законом от 17.01.1992 г. № 2202-1 [5]. В их задачи входит осуществление контроля за органами, осуществляющими деятельность, направленную на обеспечение государственной защиты в целях недопущения и пресечения отступлений от законодательных предписаний.

Использование гласных и негласных методов. Государственная защита осуществляется гласно в той мере, в какой она не противоречит интересам защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства.

Гласные (открытые) методы деятельности, чаще всего используются с целью профилактики или не допущения возможного на защищаемое лицо.

Негласные же методы используются, как правило, в целях сохранения конфиденциальности применяемых мер государственной защиты.

Применение мер безопасности не должно ущемлять жилищные, трудовые, пенсионные и иные права защищаемых лиц.

Этот принцип гарантирует защищаемым лицам, в отношении которых приняты меры государственной защиты связанные с переездом, возмещение расходов из средств федерального бюджета, оказание материальной помощи, трудоустройство и т. д.

Финансирование мер защиты из средств федерального бюджета. С целью обеспечения государственной защиты Правительством Российской Федерации утверждена Государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей [1, с. 70] и иных участников уголовного судопроизводства, согласно которой общий объем финансового обеспечения реализации Программы на 2014—2018 годы за счет средств федерального бюджета составляет 1405,55 млн. рублей, в том числе [2].

Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ не даёт перечня иных источников финансирования, а также закрепляет прямой запрет на возложение расходов связанных с оказанием мер безопасности на защищаемое лицо [4].

Таким образом, следует отметить важность и необходимость наличия подобного института для современного правового государства, провозглашающего равенства каждого перед законом и судом.

Список литературы:

1. Латыпов В.С. Отдельные аспекты свидетельского иммунитета в уголовном процессе современной России / В.С. Латыпов // Мир юридической науки. СПб.: ООО «МНИОЦ». — 2011. — № 8. — С. 70—77.
2. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014—2018 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 29. — Ст. 3965.
3. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 4-е изд., перераб. И доп. М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2014. — 415 с.
4. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 34. — Ст. 3534.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Спектор Людмила Александровна

*канд. экон. наук, доцент, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал) ДГТУ,*

РФ, г. Шахты

E-mail: spektor2@yandex.ru

OFFENCES AGAINST PUBLIC JUSTICE COMMITTED AGAINST INDIVIDUALS INVOLVED IN THE TRIAL

Spector Lyudmila Aleksandrovna

*candidate of Economical sciences, Associate Professor,
Institute of services industry and businesses (DGTU branch),
Russia, Shakhty*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется уголовное законодательство об ответственности за преступления против правосудия. Выделены объект, субъект, объективная и субъективная стороны преступлений, совершаемых в отношении лиц, участвующих в судебном разбирательстве. Исследуется каждый состав преступления, относящийся к преступлениям против судебной власти, совершаемые в отношении лиц, участвующих в судебном разбирательстве. Приведена статистика по данным преступлениям.

ABSTRACT

The article analyzes the criminal legislation on liability for offenses against public justice. In the given work the author considers object, subject, objective and subjective elements of crimes committed against individuals involved in the proceedings. The author of the article studies each constituent element of the crime relating to crimes against the judiciary, committed against persons involved in the trial, cites the statistics on these crimes.

Ключевые слова: Совершенствование уголовного законодательства о преступлениях против правосудия; правосудие; судебная власть; судопроизводство; объект преступления; субъект; объективная и субъективная стороны.

Keywords: Improvement of criminal legislation on crimes against public justice; justice; judiciary; proceeding at law; object and subject of crime; objective and subjective part of crime.

Особенность данных преступлений выражается в том, что они совершаются в стадии судебного разбирательства, и поэтому и потерпевшими при их совершении являются не только лица, осуществляющие непосредственно правосудие, но и иные участники данного разбирательства. В связи с этим, видовым объектом рассматриваемых преступлений выступает нормальное функционирование

судебной власти, ее авторитет, а также неприкосновенность лиц, участвующих в судебном разбирательстве.

Посягательство на жизнь лица, участвующего в судебном разбирательстве — статья 295 Уголовного кодекса Российской Федерации [10].

Наряду с посягательством на жизнь судьи, присяжного и арбитражного заседателя, участвующих в отправлении правосудия, а равно и их близких, рассматриваемая норма предусматривает ответственность за посягательство на жизнь некоторых лиц, участвующих в рассмотрении дел или материалов в суде, а также их близких в целях воспрепятствования их законной деятельности либо из мести за такую деятельность. К сожалению, как это вытекает из буквального толкования ст. 295 Уголовного Кодекса РФ, сформулирована она крайне неудачно. К числу лиц, участвующих в рассмотрении дел и материалов в суде, в ней указываются прокуроры, защитники, эксперты, специалисты и судебные приставы [10]. К ним можно также отнести следователей и лиц, осуществляющих дознание, когда они вызываются в суд для дачи показаний, либо когда они, в соответствии с п. 6 ст. 5 и ч. 4 ст. 37, 320 и 321 Уголовно-процессуального кодекса РФ, поддерживают государственное обвинение у мирового судьи или в районном суде. Согласно же ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ, следователи и дознаватели могут участвовать в разбирательстве дел и материалов в суде и в качестве свидетелей [11].

Таким образом, круг лиц, участвующих в рассмотрении дел или материалов в суде, значительно шире, чем который приведен, например, в ч. 1 ст. 297 Уголовного кодекса РФ [10].

Анализ признаков рассматриваемого преступления дан автором применительно к посягательству на жизнь судьи, присяжного или арбитражного заседателя, участвующих в отправлении правосудия, а также их близких. Особенность их, применительно к участникам рассмотрения дел или материалов в суде, определяется мотивационной сферой совершения данного преступления виновным при выборе ими круга потерпевших.

Некоторые авторы ст. 295 Уголовного кодекса РФ предлагают в иной редакции:

Статья 295. Посягательство на жизнь лица в связи с осуществлением предварительного расследования, правосудия, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта [1].

Посягательство на жизнь лица с целью воспрепятствования надлежащему осуществлению предварительного расследования, правосудия, исполнения приговора, решения суда или иного судебного

акта, либо за надлежащее участие в такой деятельности, — наказываемся лишением свободы на срок от 12 до 20 лет или пожизненным лишением свободы.

Угроза или насильственные действия в связи с рассмотрением дел или материалов в суде (ч. 2 ст. 296 УК РФ).

В отличие от ч. 1, в ч. 2 ст. 296 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении прокурора, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного пристава-исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде.

Непосредственным объектом рассматриваемого деяния являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование судебной власти в ходе осуществления рассмотрения материалов и соответствующих дел в суде [2]. В качестве дополнительного объекта выступают жизнь и здоровье участников судебного разбирательства, а также их близкие.

Круг потерпевших определяется категориями дел, рассматриваемых в ходе уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, т.е. участниками судебного разбирательства, которыми являются потерпевший и его представитель, свидетель, защитник, государственный обвинитель, эксперт, специалист, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, подсудимый, педагог или психолог, частный обвинитель и его представитель, понятой, переводчик, секретарь судебного заседания, истец, ответчик, третьи лица, заявители и иные заинтересованные лица, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы, а также представители этих органов [3].

Объективная и субъективная сторона рассматриваемого деяния определены применительно к ч. 1 ст. 296 Уголовного кодекса РФ, но при этом их отличие характеризуется не отправлением потерпевшими правосудия, а участием их в судебном разбирательстве, содержание которого раскрывается автором при анализе ч. 1 ст. 297 Уголовного кодекса РФ.

Субъектом данного преступления могут быть любые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Судебная практика Российской Федерации по данной категории дел характеризуется следующими показателями: по части 2 (далее — ч.) ст. 296 Уголовного кодекса РФ в 1999 года (далее — г.) было осуждено 15 человек (далее — чел.) и 3 чел. — по совокупности преступлений, предусмотренных другими статьями Уголовного

кодекса РФ, в 2000 г. соответственно — 1 и 2 чел., в 2001 г. — 10 и 3 чел., в 2002 г. — 8 чел., в 2003 г. — 11 и 1 чел., в 2004 г. — 10 чел., в 2005 г. — 11 и 1 чел., в 2006 г. — 20 и 13 чел., в 2007 г. — 21 и 14 чел., в 2008 г. — 26 и 12 чел. в 2009 г. — 28 и 13 чел. [9].

Неуважение к суду (ч. 1 ст. 297 УК РФ).

В отличие от ч. 2 ст. 297 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление в адрес судьи и лиц, участвующих в отправлении правосудия, в ч. 1 данной статьи установлена ответственность за оскорбление лиц, являющихся участниками судебного разбирательства [4]. Исходя из этого, основным непосредственным объектом данного деяния являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование и авторитет судебной власти в ходе осуществления рассмотрения материалов соответствующих дел. В качестве дополнительного объекта выступает честь и достоинство лиц, участвующих в судебном разбирательстве.

Что же касается содержания характера объективной и субъективной стороны рассматриваемого преступления, то они раскрыты автором применительно к ч. 2 ст. 297 Уголовного кодекса РФ [10]. Их отличие состоит лишь в мотивационной сфере поведения виновных при выборе ими в момент совершения преступления круга потерпевших. При этом, например, в п. 51 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ определено, что в отличие от отправления правосудия судебным разбирательством охватывается судебное заседание судов 1, 2 и надзорной инстанции [11]. Следовательно, рассматриваемое деяние может быть совершено только в период судебного заседания.

Субъектом рассматриваемого преступления могут выступать любые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, в том числе и сами участники судебного разбирательства. Например, подсудимый может нанести оскорбление потерпевшему или свидетелю, гражданский ответчик — гражданскому истцу и другие [5].

Судебная практика по рассматриваемому деянию характеризуется следующими показателями: в 1999 г. по ч. 1 ст. 297 Уголовного кодекса РФ было осуждено 8 человек и 1 — по совокупности с другими преступлениями, в 2000 г. соответственно — 4 и 6 чел., в 2001 г. — 7 и 4 чел., в 2002 г. — 3 и 1 чел., в 2003 г. 4 и 1 чел., в 2004 г. — 5 и 1 чел., в 2005 г. — 16 и 4 чел., в 2006 г. — 18 и 6 чел., и в 2007 г. — 21 и 8 чел., в 2008 г. — 28 и 11 чел. в 2009 г. — 31 и 15 чел. [9].

Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ).

Общественная опасность рассматриваемых преступлений состоит в том, что подкуп или принуждение свидетеля и потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта или специалиста к даче ложного заключения или ложных показаний, а также переводчика к неправильному переводу, принуждение их в этих же целях либо к уклонению от дачи показаний, заключения или к даче неправильного перевода в ходе судебного разбирательства, нарушает нормальное функционирование судебной власти и отрицательно сказывается на отправлении правосудия.

Являясь формальным составом преступления, подкуп признается оконченным с момента передачи виновным предмета подкупа указанным выше лицам. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. подчеркивается, что дача и получение взятки коммерческого подкупа считается оконченным и с момента принятием получателем хотя бы части передаваемых ценностей. При отказе получателя принять предметы подкупа либо когда обусловленная передача не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, пытавшихся передать или получить предмет подкупа, содеянное следует квалифицировать как покушение на подкуп [6]. Отсюда вытекает, что обещание или предложение вознаграждения за ложные показания надлежит квалифицировать как покушение на подкуп по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 309 УК РФ.

Непосредственным объектом подкупа являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование судебной власти по обеспечению правосудия, связанного с получением достоверной информации по рассматриваемому делу, ограждающей лицо от принятия судом незаконного судебного акта. Дополнительным объектом выступают законные права и интересы личности.

Поэтому трудно согласиться с мнением О.В. Лысенко, что подкуп, охватываемый ч. 1 ст. 309 УК РФ, не причиняет ни какого вреда интересам правосудия, предложив исключить за него уголовную ответственность [7].

Объективная сторона характеризуется подкупом указанных лиц, под которым следует понимать незаконную передачу данным лицам денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание им услуг имущественного характера за дачу ложных показаний, заключения или неправильный перевод в ходе судебного разбирательства. Такой вывод следует из содержания диспозиции ст. 204 УК РФ, определяющей понятие коммерческого подкупа.

Субъективная сторона подкупа характеризуется прямым умыслом, т. е. виновный сознает общественную опасность совершаемого

им подкупа, предвидит возможность наступления последствий в виде неправильного разрешения рассматриваемого в суде дела и желает этого. При этом виновный руководствуется целью — добиться в результате подкупа от свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста дачи ими ложных показаний, от эксперта и специалиста — дачи ложного заключения, а от переводчика — неправильного перевода.

Субъектом подкупа могут быть лица, достигшие 16-ти летнего возраста.

Судебная практика свидетельствует, что в 1999 г. по ч. 1 ст. 309 Уголовного кодекса РФ было осуждено 18 человек и такое же количество в соучастии с другими совершенными преступлениями, в 2000 г., соответственно, — 6 и 9 чел., в 2001 г. — 5 и 7 чел., в 2002 г. — 10 и 4 чел., в 2003 г. — 7 и 6 чел., в 2004 г. — 6 и 3 чел., в 2005 г. — 6 и 7 чел., в 2006 г. — 53 и 14 чел., в 2007 г. — 98 и 234 чел., в 2008 г. — 101 и 24 чел., в 2009 г. — 113 и 32 чел. [9].

Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе (ст. 311 УК РФ).

Наряду с обеспечением безопасности деятельности судей, присяжных заседателей и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, меры безопасности могут применяться и к лицам участвующим в судебном разбирательстве, а также в отношении их близких. Данное положение вытекает из содержания ч. 1 ст. 311 Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает ответственность за разглашение указанных мер безопасности в отношении других участников уголовного процесса [10].

Уголовно-процессуальное право обеспечивает законодательные требования при осуществлении процессуальной деятельности органов, осуществляющих досудебное производство (предварительное расследование), судебное производство и исполнение приговора [8].

Судебное производство, являясь предпосылкой и этапом отправления правосудия, предполагает допросы потерпевших, свидетелей, подсудимых, экспертов, специалистов, исследование других доказательств, производство судебных экспертиз и иных действий, образующих судебное следствие. Отсюда следует, что ст. 311 Уголовного кодекса РФ предусматривает и принятие мер безопасности к лицам, участвующим в судебном разбирательстве: потерпевшим, свидетелям, подсудимым и к другим его участникам, к числу которых относятся, например, государственные эксперты, специалисты, переводчики, гражданские истцы и гражданские ответчики, их законные представители, защитники, секретари судебного заседания, судебные приставы [10]. Данные лица и могут выступать в качестве потерпевших при разгла-

шении сведений, о мерах, обеспечивающих их безопасность, а также их близких, в связи с их участием в судебном разбирательстве либо из мести за такое участие.

Следовательно, основным непосредственным объектом при совершении рассматриваемого преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальный ход судебного разбирательства как предпосылки достижения правосудия. Дополнительным объектом могут выступать жизнь и здоровье указанных лиц.

Список литературы:

1. Бриллиантов А.В. Неуважение к суду. Некоторые вопросы квалификации. //Российский судья. 2006. № 9.
2. Епихина А.Ю. Правовые средства защиты участников уголовного процесса по УК РФ. //Сб.: Пять лет действия УК: итоги и перспективы. М., 2003.
3. Кабашный И.Н. О содержании объекта преступлений против правосудия. //Вестник КСЭН. 2004. № 1—3.
4. Лысенко О.В. Уголовно-правовые аспекты незаконного вознаграждения: Автореф. дис. канд. наук. М., 2002. — С. 19.
5. Мархгейм М.В. Правозащитный ресурс судебной власти в Российской Федерации и совершенствование механизма его реализации. //Сб.: Судебная власть и развитие российского законодательства на современном этапе. Ростов-н/Д. 2006.
6. Полуяров С.И. Классификация преступлений против правосудия //Юрист-правовед. 2010. № 2.
7. Рарог А.И. Способы уголовно-правовой охраны личности. // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Материалы научно-практической Конференции (Саратов, 2008 г.). Саратов, 2009. — С. 19—24.
8. Расторопов С.И. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива: учеб. Уголовное право. 5-е изд. М.; Концепт, 2010. — С. 156—158
9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>] (дата обращения 19.03.2014).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации. // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент РГГУ,

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

TAX CRIMES OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES (CRIMINOLOGICAL ASPECT)

Andreeva Lybove

candidate of juridical sciences, associate professor

of Russian State Humanitarian University,

Russia, Veliky Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена криминологическим аспектам налоговых преступлений. Автор анализирует проблемы, возникающие в области нормотворчества и уголовного законодательства в России, требующие оценки и осмысления с точки зрения эффективности уголовного преследования за налоговые преступления.

ABSTRACT

The article focuses on criminological aspects of tax crimes. The author analyses the problems arising in the area of norm-setting and the criminal legislation in Russia that require evaluation and reflection on the effectiveness of criminal prosecution for tax crimes.

Ключевые слова: преступление; уголовное законодательство; налоги; криминология.

Keywords: crime; criminal legislation; taxes; criminology.

Основными квалифицирующими признаками налоговых преступлений являются крупный или особо крупный размер неуплаченных налогов и (или) сборов, а также обязательное наличие личного интереса соответствующего должностного лица налогового агента.

Согласно статьям 198—199.2 УК РФ квалифицирующими признаками налоговых преступлений являются:

уклонение от уплаты налога и (или) сбора, неисполнение в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, совершенное в крупном размере;

уклонение от уплаты налога и (или) сбора, неисполнение в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, совершенное в особо крупном размере.

Квалифицирующими признаками согласно ч. 2 ст. 199 УК РФ являются преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору.

С 1 января 2010 г. вступили в силу поправки, внесенные в часть первую НК РФ, а также УК РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Они смягчили условия привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с нарушением законодательства о налогах и сборах.

Крупным размером в статье 198 УК РФ признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более шестисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая один миллион восемьсот тысяч рублей, а особо крупным размером — сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более трех миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая девять миллионов рублей.

Крупным размером в статье 199, а также в статье 199.1 УК РФ признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более двух миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов

превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая шесть миллионов рублей, а особо крупным размером — сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более десяти миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая тридцать миллионов рублей.

Ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента, совершенное в крупном размере, установлена ст. 199.1 УК РФ.

Налогоплательщики, применяющие специальные налоговые режимы, могут быть признаны налоговыми агентами по перечислению НДС и НДС.

Неисполнение предпринимателем в личных интересах обязанности налогового агента, в т. ч. неперечисление им сумм налогов в крупном или особо крупном размере, является преступлением. Здесь следует обратить внимание на квалифицирующий признак данного преступления — личный интерес налогового агента.

Личный интерес как мотив преступления может выражаться в стремлении извлечь выгоду имущественного, а также неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение дел, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т. п.

Неисполнение налоговым агентом обязанностей по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет соответствующих налогов, не связанное с личными интересами, состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, не образует. Это относится и к совершению деяний в крупном или особо крупном размере. Следовательно, установление процедуры самоначисления налогов во многом будет предопределять личную незаинтересованность налогового агента, а соответственно и отсутствие причин привлечения к уголовной ответственности.

Однако, если действия налогового агента, не перечислившего налог в бюджет, совершены из корыстных побуждений и связаны с незаконным изъятием денежных средств и другого имущества в свою пользу или в пользу других лиц, содеянное следует при наличии к тому оснований дополнительно квалифицировать как хищение чужого имущества.

На основании ст. 15 УК РФ преступления, предусмотренные ст. 199.1 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести, срок исковой давности по ним составляет два года.

Преступление считается оконченным:

- для ст. ст. 198 и 199 УК РФ — после истечения срока уплаты налога;
- для ст. 199.1 УК РФ — в момент перечисления налоговым агентом средств в соответствующий бюджет.

После этого момента даже при последующей уплате налога преступление считается оконченным, и освобождение от уголовной ответственности в дальнейшем будет возможным лишь в связи с деятельным раскаянием либо истечением сроков давности [1].

Статья 199.2 УК РФ устанавливает ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества, за счет которых должно производиться взыскание по налогам. Статьями 198 и 199 УК РФ установлена ответственность за уклонение от уплаты налогов, выражающееся в непредставлении налоговой декларации в налоговый орган или в указании в ней заведомо ложных сведений.

Однако, имеют место ситуации, когда налогоплательщик своевременно и правильно представляет налоговую и иную обязательную к представлению отчетность, но умышленно не производит перечисления в соответствующий бюджет в установленные сроки путем сокрытия денежных средств или имущества (увод денежных средств с расчетного счета, использование при расчетах счетов других организаций и т. д.). По сути, ст. 199.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность уже за фактическую неуплату налогов [3].

Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам, совершенное собственником или руководителем организации либо иным лицом, выполняющим управленческие функции в этой организации, или индивидуальным предпринимателем в крупном размере, — наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Вместе с тем в настоящее время предусмотрено, что лицо, впервые совершившее преступление (уклонение от уплаты налогов), освобождается от уголовной ответственности, если недоимка (пени, штрафы) им будет полностью уплачена в бюджет.

В УПК РФ внесена ст. 28.1, определяющая порядок прекращения уголовного преследования, связанного с нарушением законодательства о налогах и сборах. Данная норма предусматривает дополнительное основание прекращения уголовного преследования: если до окончания предварительного следствия ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме (т. е. недоимка, пени и штрафы уплачены полностью).

В соответствии со ст. 15 УК РФ в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные УК РФ, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает двух лет лишения свободы. Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, превышает два года лишения свободы. Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Следовательно, к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица можно привлечь в течение двух лет при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 198 УК РФ, и в течение шести лет при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 198 УК РФ, после совершения преступления. К уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации можно привлечь в течение двух лет при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, и в течение десяти лет при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199 УК РФ, после совершения преступления.

За неисполнение в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд), можно привлечь в течение двух лет при совершении

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199.1 УК РФ, и в течение десяти лет при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199.1 УК РФ, после совершения преступления.

За сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам (ст. 199.2 УК РФ), можно привлечь к ответственности в течение шести лет после совершения преступления [2].

Таким образом, развитие уголовно-правовых наказаний за налоговые преступления в отношении физических лиц требует оценки общественной опасности деятельности и юридических лиц, как коллективных субъектов, участвующих в процессе уплаты налогов.

Список литературы:

1. Акимова Е. Офшорные инструменты // «Налоговый вестник: комментарии к нормативным документам для бухгалтеров», 2011, № 5.
2. Горшкова Л.Л. Уголовная ответственность за налоговые преступления // «Бухгалтер и закон», 2010, № 7.
3. Карсетская Е.В. Практическое пособие для индивидуального предпринимателя" // «Налоговый вестник», 2010, № 5.
4. Налоговый Кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Кириленко Виктория Сергеевна

*канд. юрид. наук, Доцент, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал) ДГТУ,
РФ, г. Шахты*

E-mail: naukatgp@yandex.ru

LEGALIZATION (LAUNDERING) OF INCOME GAINED BY THE CRIMINAL WAY

Kirilenko Victoria Sergeevna

*candidate of Juridical sciences, Associate Professor,
Institute of services industry and businesses (DGTU branch),
Russia, Shakhty*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы привлечения к уголовной ответственности за нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

ABSTRACT

The article examines the problems of criminal prosecution for breach of legislation on combating legalization (laundering) of proceeds of crime.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; противодействие; прокуратура; уголовная ответственность.

Keywords: legalization of proceeds of crime; combating, the public prosecutor's office; criminal liability.

Доходы, получаемые преступным путем, зачастую сравниваются с доходами, получаемыми от теневой деятельности субъекта экономических отношений. Незаконное предпринимательство считается тяжким преступлением по отношению к системе общественных устоев. Очевидно, что само понимание системы доходов, получаемых преступным путем, несет в себе необходимость уточнения подобного понятия. Отсюда можно сделать вывод о том, что движение в направлении контроля за легализацией доходов, получаемых

преступным путем, следует вести в направлении предотвращения возникновений центров легализации капитала.

Также не стоит забывать и о том, что легализация преступных доходов происходит в настоящее время в условиях развития всемирной свободной торговли, что позволяет в полной мере утверждать, что легализация преступного капитала в одной зоне свободной торговли позволит найти соприкосновение для дальнейшего проникновения его в подобные страны. Стало быть, речь следует вести о разработке значимых национальных мер по противодействию отмыванию денег. Учитывая, что значительная часть средств, получаемых в России, протекает в среде теневой экономики, можно в полной мере рассматривать проблематику межгосударственного воздействия на процессы. Рассмотрим генезис системы региональной борьбы с отмыванием капитала.

В самом начале 1990-х гг. Советом Европы, осознавшим, что рост преступности перестал быть узконациональной проблемой, были предприняты шаги в направлении создания глобальной системы противодействия отмыванию теневых доходов (ПОД). Теоретически создать систему ПОД в одной стране или в группе стран возможно. Однако в условиях открытого информационного пространства и в той степени взаимопроникновения, в которой пребывают современные финансы большинства национальных хозяйств, такая система не принесет практической отдачи. Полнота и достоверность информации о происхождении денежных средств, поступающих в легальную финансовую систему, могут быть достигнуты, только если все препятствия на всех этапах этого прохождения будут устранены. Причины таких препятствий могут иметь институциональный (например, законодательство о банковской тайне, действующее на офшорных территориях), технологический (несоответствие внутринациональных правил о передаче финансовой информации международным стандартам) или политический характер (отдельные государства умышленно скрывают информацию об источниках проходящих через их финансовые системы денежных потоков) [2].

Усилиями европейского содружества, а также примкнувших к нему других ведущих государств к началу нового тысячелетия развернуто международное движение борьбы с отмыванием денег, масштабы которого превышают все иные направления межстранового взаимодействия. Затраты на функционирование этого движения несут как государственные бюджеты, сокращая тем самым ресурсы для социальных и экономических проектов, так и финансовые институты, что ведет к удорожанию финансовых услуг для потребителей.

При этом существенных побед ни над коррупцией, ни над организованной преступностью до сих пор не достигнуто. С целью выявления узких мест в существующей системе мер ПОД, следует изучить саму систему и в первую очередь ее структуру и связи между компонентами.

Формирование всемирной системы ПОД осуществлялось «сверху», т. е. с заключения международных договоренностей и создания международного специализированного органа с наделением его соответствующими полномочиями. На этапе становления за основу всемирной системы ПОД были взяты принципы двухуровневой самоорганизации, всеобщности и взаимного контроля.

Вовлечение всех стран в участие в международной системе ПОД осуществляется на добровольной и принудительной основе. Добровольно объединили свои усилия в этом направлении страны Европейского союза и США, озабоченные ростом преступности в своих странах. Начало предпринимаемым в настоящее время мировым сообществом мерам по борьбе с отмыванием теневых капиталов положено Конвенцией ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (Вена, 1988 г. — Венская конвенция). Конвенция предусматривает обязанность государств-участников установить уголовную ответственность за совершение конверсии или перевода собственности, полученной в результате проведения незаконных операций с наркотическими средствами или психотропными веществами, а также сокрытие или утаивание подлинного характера указанной собственности [3]. Венская конвенция ратифицирована СССР в 1990 г.

Первым документом, содержащим в себе правовое определение понятия «отмывание доходов от преступлений» и основные принципы ПОД, стала Конвенция Совета Европы от 8 ноября 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (Страсбургская конвенция) [6], ратифицированная Российской Федерацией в мае 2001 г.. Далее были приняты Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 2000 г.) [5] и против коррупции (Меридо, 2003 г., вступила в силу 14.12.2005) [4], включавшие в себя меры по противодействию отмыванию преступных доходов.

Таким образом, к началу третьего тысячелетия в мире был создан механизм борьбы с отмыванием денег, не позволяющий ни одной стране избежать участия в движении. Вместе с тем одномоментное практическое внедрение абсолютно всех рекомендаций ФАТФ невозможно не только в тех странах, присоединение которых к ПОД

происходит в принудительном порядке, но и в самих странах-инициаторах. Финансовым учреждениям и контролирующим их органам необходимо сформировать квалифицированные кадры, а мероприятия и процедуры организовать по принципу «минимум затрат - максимум результата». Как показывает практика внедрения мер по ПОД, каждый шаг вперед в этом направлении либо ограничивает, либо отменяет тот или иной финансовый инструмент, предназначенный для определенных целей и имеющий своих потребителей [1].

Росту масштабов организованной преступности во многом способствовал режим благоприятствования зарубежным финансовым потокам, созданный и поддерживаемый правительствами отдельных стран и даже групп стран — офшорных территорий. Если в 1960—1980-е гг. основной причиной, по которой зарубежные собственники капиталов предпочитали пользоваться услугами финансовых учреждений офшоров, были налоговые льготы, то за последние 20 лет их больше привлекает закрытость информации об их операциях. Для таких стран доходы от финансовых услуг составляют весомую часть их национального дохода. Вовлечение в процедуры ПОД неминуемо сократит эти доходы, что, безусловно, негативно отразится на экономике этих стран, в большинстве своем не имеющих других источников развития.

В 2011 г. все страны мира, осуществляющие национальные программы по ПОД, объединены в восемь региональных групп по типу ФАТФ. К ним относятся ЕСААМЛГ (Группа по борьбе с отмыванием денег в Восточной и Южной Африке, основанная в 1999 г.), ГАФИСУД (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег в Южной Америке, основанная в 2000 г.), МЕНАФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег на Ближнем Востоке и в Северной Африке, основанная в 2004 г.), КФАТФ (Карибская группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, основанная в 1990—1992 гг.), АТГ (Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег, основанная в 1997 г.), ЕАГ (Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, основанная в 2004 г.), МАНИВЭЛ (Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, основанный в 1997 г.), ГИЯБА (Межправительственная группа по борьбе с отмыванием денег в Западной Африке, основанная в 1999 г.) [7].

Наряду со специализированными противолегализационными группами многие иные международные организации проводят активную работу по имплементации норм ПОД в национальные законодательные акты своих стран-участников и по их практической реализации. За последние два десятилетия антилегализационная деятельность — одна из основных функций Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Список литературы:

1. Вершинин А.Ю. Легализация средств или иного имущества приобретенных незаконным путем / А.Ю. Вершинин // Уголовное право, — 2007. — № 2. — С. 30—35.
2. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2008. — С. 641.
3. «Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (заключена в г. Вене 20.12.1988) // «Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации», Вып. XLVII. М., 1994. — С. 133—157.
4. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 26 июня 2006 г. № 26 — ст. 2780.
5. «Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН), (с изм. от 15.11.2000) // «Собрание законодательства РФ», 04.10.2004, № 40, — ст. 3882.
6. Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 г. (Заключена в г. Страсбурге 08.11.1990) // Собрание законодательства РФ. 20 января 2003 г. № 3. — Ст. 203.
7. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук / А.Л. Репецкая. М., 2012. — 38 с.

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ТРЕТЕЙСКОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Нечаева Элина Дмитриевна

аспирант кафедры Гражданского права и процесса Юридического факультета ВГУ, ведущий юрисконсульт ОАО «Сбербанк России»,

РФ, г. Воронеж

E-mail: elina_vrn@mail.ru

SETTLEMENT IN ARBITRATION PROCEEDING

Elina Nechaeva

postgraduate of Civil Law and Civil Process Department of Law Faculty of Voronezh State University, leading legal council of Sberbank,

Russia, Voronezh

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы правового регулирования утверждения мирового соглашения в рамках третейского разбирательства, производится анализ судебной практики по вопросу полномочий третейского и государственного суда по утверждению мирового соглашения.

ABSTRACT

In this research there is a view of problems and perspectives in legal regulation of confirmation the settlement in arbitral proceeding. There is also an analysis of law of practice concerning the powers of arbitration and state court in confirmation the settlement.

Ключевые слова: третейский суд; мировое соглашение; судебная практика.

Keywords: arbitration; settlement; law of practice.

Одним из способов прекращения третейского разбирательства, вызывающим наибольшие споры в юридической литературе, является заключение мирового соглашения.

Норма, содержащаяся в п. 3 ст. 32 Федерального закона РФ «О третейских судах в РФ», об утверждении мирового соглашения, является законодательной новеллой, поскольку ранее во Временном положении о третейском суде [7] не содержалось термина «мировое соглашение», хотя сторонам предоставлялась возможность утверждения «соглашения о прекращении разбирательства».

В законодательстве, регулирующем третейское разбирательство, также не содержится дефиниции мирового соглашения. Однако, очевидно, что речь идет о соглашении, прекращающем спор между сторонами [18, с. 542—543].

Представляется, что содержание мирового соглашения, по аналогии с арбитражной практикой, должно быть дословно воспроизведено в решении третейского суда.

К мировому соглашению, заключаемому в рамках третейского разбирательства, предъявляются определенные требования. В частности, оно должно обладать свойством законности и не должно нарушать прав и свобод других лиц. Помимо требований, предусмотренных в законе, в юридической литературе отмечается необходимость учитывать реальную исполнимость мирового соглашения [2, с. 38].

Заключение мирового соглашения процессуально оформляется двумя актами: решением об утверждении мирового соглашения и определением о прекращении третейского разбирательства.

Двойственность действий третейского суда связана с несовершенством процессуального законодательства, поскольку нормами ГПК РФ и АПК РФ предусмотрена возможность принудительного исполнения лишь постановления третейского суда в форме решения [1, 3].

На основании данного обстоятельства некоторыми исследователями процедуры третейского разбирательства был сделан вывод о том, что в случае отказа сторон от совершения действий, предусмотренных мировым соглашением в добровольном порядке, исполнить его принудительно не представляется возможным. Следовательно, единственным способом реализовать свои права является обращение в компетентный суд с иском заявлением [17, с. 174].

Однако с данной точкой зрения, в особенности в отношении арбитражного процесса, сложно согласиться, поскольку сложившаяся арбитражная практика предусматривает возможность принудительного исполнения мирового соглашения в рамках процедуры

выдачи исполнительных листов на принудительное исполнение решение третейского суда.

Кроме того, в целях совершенствования юридической техники и соблюдения принципа процессуальной экономии в юридической литературе встречается мнение о том, что следует внести изменения в статью 38 Федерального закона РФ «О третейских судах в РФ», устранив необходимость вынесения определения о прекращении разбирательства [19, с. 137].

В частности, в ст. 30—32 Проекта Федерального закона РФ «О третейских судах и арбитраже (третейском разбирательстве)», разработанного Минюстом России, предусматривается вынесение только решения об утверждении мирового соглашения [14]

Однако с данной новеллой сложно согласиться, поскольку, по общему правилу, решение прекращает рассмотрение дела по существу, в то время как для разрешения спора посредством мирового соглашения этого не требуется.

Следовательно, представляется целесообразным внесение изменений в процессуальное законодательство, предусмотрев возможность принудительного исполнения определения третейского суда об утверждении мирового соглашения. Данный подход будет верным и с точки зрения процессуальной экономии, поскольку исключит необходимость принимать лишнее определение [13, с. 68].

Другой проблемой, заслуживающей внимание, является выявление стадии третейского разбирательства, на которой стороны вправе заключить мировое соглашение.

По общему правилу прекращение производства по делу влечет невозможность повторного обращения в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям. Однако арбитражная практика, сложившаяся в последнее время, подтверждает обратное.

В частности, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 г. № 16434/11 указано, что «действующее законодательство не содержит ограничений, в которых третейский суд не вправе после принятия решения по существу и до принятия арбитражным судом судебного акта о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение такого решения утвердить мировое соглашение, заключенное сторонами спора» [8].

В пользу данной позиции свидетельствует тот факт, что компетентные суды призваны содействовать примирению сторон. Если же не следовать логике, изложенной в указанном выше Постановлении, то стороны третейского разбирательства вынуждены

обращаться в государственный суд за выдачей исполнительных листов лишь для того, чтобы получить возможность заключить мировое соглашение.

Однако судьи ВАС РФ не были единогласны в принятии решения по данному вопросу. В частности, судьей Горячевой Ю.Ю. было выражено особое мнение, с которым солидарны многие представители отечественной юридической науки [6, с. 121—122].

Нельзя не согласиться с тем, что заключение мирового соглашения не входит в исчерпывающий перечень случаев возобновления полномочий третейских судей, предусмотренный ст. 34—36 Федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации» [20].

Следовательно, ВАС РФ фактически дополнил норму закона новым пунктом, расширив полномочия арбитров.

Очевидно, что при принятии решения Президиум ВАС РФ руководствовался конструкцией, применяемой в арбитражных судах при утверждении мирового соглашения.

Если следовать данной логике, компетентный суд не вправе будет отказывать в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решения третейского суда и в случае, если третейский суд утвердит новое мировое соглашение взамен ранее утвержденного.

Согласно устойчивой практике арбитражных судов неутверждение нового мирового соглашения лишает сторон возможности примирения на согласованных ими новых условиях. Кроме того, действующее процессуальное законодательство не содержит запретов, препятствующих заключению нового соглашения либо дополнительного соглашения к мировому соглашению в том числе и при исполнении судебного акта [9].

Некоторые постоянно действующие третейские суды использовали возможность, предоставленную им арбитражной практикой, и включили соответствующие положения в свои регламенты, в частности, положение, позволяющее арбитрам утвердить мировое соглашение после принятия третейским судом решения по существу спора [15] или после принятия решения об утверждении мирового соглашения [16].

Однако закрепление таких положений представляется сомнительным, поскольку, во-первых, отсутствует практика судов общей юрисдикции по данному вопросу, а, во-вторых, большинство регламентов третейских судов закрепляют окончательность своего решения (в том числе и приведенные выше регламенты),

а следовательно, указанные третейские суды сами ограничивают свою компетенцию в последующем утверждать мировое соглашение.

Тем не менее, позиция ВАС РФ в рассматриваемом Постановлении представляется логичной, однако требует закрепления на законодательном уровне и внесения изменения в ст. 34—36 Федерального закона РФ «О третейских судах в РФ».

Помимо исследования вопроса о полномочиях третейских судей вышеуказанное Постановление примечательно и с другой точки зрения, а именно, какой орган на какой стадии должен утверждать мировое соглашение.

С одной стороны Постановление Президиума ВАС РФ № 16434/11 частично ответило на этот вопрос, указав, что для третейского суда нет препятствий утвердить мировое соглашение после принятия решения по существу и до принятия арбитражным судом судебного акта о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда [8].

Длительное время в практике арбитражных судов господствовала позиция, что арбитражный суд не вправе утверждать мировое соглашение в процессе рассмотрения дела о принудительном исполнении решения третейского суда, поскольку тем самым посягает на компетенцию третейского суда, и пересматривает дело по существу [10, 11].

Подобная позиция встретила несогласие в научных кругах. Арбитражные суды обвиняли в формальном применении норм АПК РФ, отказе в содействии примирению сторон, возложении неоправданных юридических рисков на участников дела, непонимании принципов третейского разбирательства и мирового соглашения [4, с. 131—145].

Указанная проблема была разрешена в Постановлении Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 г. № 11606/12, в котором суд указал, что особенности производства по принудительному исполнению решения третейского суда не исключает возможности утверждения в нем мировых соглашений [12].

Таким образом, представляется, что до вынесения судебного акта о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда стороны могут обратиться за утверждением мирового соглашения и в арбитражный, и в третейский суд.

Примечательно, что практика судов общей юрисдикции складывается иначе. В частности, Определением Судебной коллегии по административным делам Пермского краевого суда отказано в утверждении мирового соглашения на основании отсутствия в главе 47 ГПК РФ, регулирующей процедуру выдачи исполнительных

листов, возможности заключения мирового соглашения. Более того, по мнению суда общей юрисдикции, утверждение мирового соглашения возможно только после возбуждения исполнительного производства [5].

Несмотря на то, что подобная практика не носит массового характера, она подтверждает то обстоятельство, что позиция судов общей юрисдикции может значительно отличаться от арбитражных судов, поэтому так важно закрепить положение о возможности возобновления полномочий третейского суда для утверждения мирового соглашения, в том числе и на новых условиях, на законодательном уровне.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. № 137. 2002.
2. Балашов А.Н. Некоторые проблемы заключения и утверждения мирового соглашения в третейском судопроизводстве // Третейский суд. 2001. № 5/6.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. № 220. 2002.
4. Муранов А.И., Давыденко Д.Л. Мировые соглашения в делах о приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража // Закон. 2008. № 8.
5. Определение Судебной коллегии по административным делам Пермского краевого суда от 21.10.2013 г. по делу № 33-10894 // Справочно-правовая система «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://rospravosudie.com/court-permskij-kraevoj-sud-permskij-kraj-s/act-440304632> (дата обращения 10.03.2014).
6. Погонцев М.И., Костанов С.С. Правоприменительная практика и необходимость совершенствования законодательства о третейских судах // Третейский суд. 2013. № 1 (85).
7. Постановление Верховного Совета РФ от 24.06.1992 г. № 3115-1 «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров». // Российская газета. № 170. 1992.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 г. № 16434/11 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=288890> (дата обращения 10.03.2014).
9. Постановление ФАС Московского округа от 13.12.2012 г. по делу № А40-11629/10-30-93 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AMS;n=173865> (дата обращения 10.03.2014).

10. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 05.10.2004 г. № А33-8956/04-С1-Ф03-4129/04-С2 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AVS;n=19484> (дата обращения 10.03.2014).
11. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.12.2007 г. № Ф04-12/2007 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=61868> (дата обращения 10.03.2014).
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 г. № 11606/12 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=334853> (дата обращения 10.03.2014).
13. Предложения РСПП по совершенствованию законодательства, регулирующего деятельность третейских судов и международных коммерческих арбитражей // Третейский суд. 2013. № 1 (85).
14. Проект Федерального закона «О третейских судах и арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2014 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=114907> (дата обращения 10.03.2014).
15. Регламент постоянно действующего Третейского суда при Межрегиональной ассоциации предпринимателей [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: www.intercourt.ru (дата обращения 10.03.2014).
16. Регламент третейского разбирательства в Третейском суде при Автономной некоммерческой организации «Независимая Арбитражная Палата» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: www.icabr.ru (дата обращения 10.03.2014).
17. Рожкова М.А. О некоторых вопросах принудительного исполнения решений третейских судов // Вестник ВАС РФ. 2004. № 9.
18. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. М.: Волтерс Клувер, 2005. — 704 с.
19. Третейское судопроизводство в Российской Федерации: учебное пособие / А.Н. Балашов, А.И. Зайцев, Ю.А. Зайцева. М.: ЗАО Юстицинформ, 2008. — 224 с.
20. Федеральный закон Российской Федерации «О третейских судах в Российской Федерации» // Российская газета. № 137. 2002.

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

О СВОЕВРЕМЕННОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ В ПРАКТИКУ ЮРИДИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК, ОБЛАДАЮЩИХ НЕОБХОДИМЫМ КАДРОВЫМ И НАУЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Гайтова Лаура Хаджи-Муратовна

соискатель ученой степени канд. пед. наук

*ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова»,*

РФ, г. Владикавказ

E-mail: laura.gaitova@yandex.ru

TIMELINESS AND NECESSITY OF INTRODUCTION TO LEGAL ORGANIZATIONS' AND EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS' PRACTICE OF LEGAL CLINICS POSSESSING NECESSARY STAFF AND SCIENTIFIC POTENTIAL

Gaitova Laura Khadzy-Muratovna

graduate student Department of pedagogics

of the North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,

Russia, Vladikavkaz

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме практико-ориентированной подготовки юристов; она содержит попытку раскрыть роль юридической клиники в процессе обучения студентов-юристов профессиональным,

общекультурным навыкам и компетенциям; наиболее важными параметрами в ходе деятельности юридической клиники вуза считаем межличностное взаимодействие и дисциплину.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of practically-oriented training of lawyers. The article reveals the history and the role of legal clinics in teaching law students to professional, general cultural skills and competencies. Attention is paid to the use of interactive teaching methods in learning and work of law students in legal clinics (student legal advice). The experience of implementation of legal clinics in law faculties of leading universities in Belarus is described.

Ключевые слова: юридическая клиника; межличностное взаимодействие; профессиональная подготовка; обучение; профессиональные навыки.

Keywords: legal clinic; interpersonal interreaction; professional training; teaching; professional skills.

Формирование профессионализма у обучающихся в юридических вузах России — целенаправленный и организованный педагогический процесс развития системы профессиональных знаний, умений и навыков, а также индивидуальных качеств, позволяющих осуществлять межличностное взаимодействие в служебных ситуациях; процесс создания психолого-педагогических условий реализации методической, познавательной, операционно-деятельностной и мотивационной составляющих профессиональной подготовки студентов в соответствии с должностным предназначением.

Как показало проведенное автором исследование, эффективность рассматриваемой сферы образования подразумевает целенаправленное, содержательно насыщенное и организационно оформленное взаимодействие в образовательной деятельности вузовского обучения с юридическими клиниками, имеющими цель сформировать адекватную систему практической профессиональной подготовки; вывести образование на качественно новый уровень, обеспечивающий радикальное повышение профессионализма и правовой культуры кадров.

Главное в практической подготовке студентов в юридической клинике — помогать обеспечению правосудия по гражданским делам доступным для тех слоев населения, которые не имеют средств нанять для своей юридической защиты авторитетного квалифицированного специалиста. «Система гарантий при оказании юридической

помощи должна обеспечивать права всех лиц, обратившихся за защитой» [5, с. 43].

Малообеспеченные слои населения приобретают возможность получить в юридической клинике правовую консультацию совершенно бесплатно; обучение правовой культуре самих студентов и граждан, обращающихся за консультацией, имеет огромное значение, и в этом ценность юридической клиники как социального проекта. «Юридическая клиника — это форма организации процесса обучения студентов, посредством их участия в предоставлении бесплатных юридических услуг социально незащищенным слоям населения» [2, с. 30].

Проведенное исследование показало своевременность и необходимость введения в практику юридических организаций и образовательных учреждений по профилю подготовки в юридических клиниках на основании п. 7.16. Приказа Минобрнауки РФ от 04 мая 2010 г. № 464 и «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» [3] в соответствии с п. 7.12 Приказа Минобрнауки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» [4].

Сейчас в России более 100 юридических клиник [1].

Самым важным элементом юридического клинического образования является соединение теоретических и практических навыков, так как студенты и преподаватели имеют возможность проанализировать взаимосвязь между правовой наукой и реальной юридической практикой.

Созданные в юридической клинике при вузе психолого-педагогические условия направлены на решение профессиональных задач разной сложности, студенты изучают опыт наставников, находящихся всегда рядом и готовых консультировать по возникающим вопросам. Довольно часто приходится вступать в контакты с различными категориями граждан, и эффективность таких контактов зависит от психологической подготовленности специалиста, его образованности и готовности применять имеющиеся знания и умения в ситуациях профессионального общения. Поэтому участие в решении правовых проблем граждан невозможно без организо-

ванного и эффективного межличностного общения работников юридической клиники между собой и с гражданами.

В этой связи пристальное внимание уделяется исследованию процесса профессионального межличностного общения, т. е. процесса специально организованного взаимодействия людей (наставников; руководителей и подчиненных; работников, равных по должностному положению; сотрудников и граждан, студентов), обусловленного профессионально значимой целью, предполагающей персональную ответственность за качество и профессионализм своих решений. Цель общения определяется характером и ситуацией профессиональной деятельности; ее достижение или недостижение указывает на уровень коммуникативной компетентности специалиста, качество выполнения им своих служебных функций.

Рассмотренные в исследовании принципы тесно связаны между собой и обеспечиваются соответствующими методами, приемами, средствами и формами. В сложном и динамичном процессе формирования профессиональной компетентности обучающихся наставникам приходится решать большое количество типовых и оригинальных профессиональных задач. Как правило, эти задачи со многими неизвестными, со сложным и вариативным составом исходных данных и возможных решений.

Чтобы более уверенно прогнозировать искомый результат, определены характеристики профессионализма наставников, которые наиболее полно отражают содержание их общественно- и государственнополезной деятельности:

1. профессиональная (связана с владением необходимыми качествами для осуществления успешной деятельности по должностному предназначению, успешности решения учебных, воспитательных и профессиональных задач);

2. аналитико-конструктивная (предусматривает владение знаниями, необходимыми для правильной оценки обстановки, принятия решений; анализ деятельности и ее результатов);

3. деятельностно-регулятивная (заключается в создании доброжелательной, рабочей и дисциплинирующей обстановки, побуждающей к продуктивному выполнению обязанностей и социально-ценностных функций в коллективе; приучающей студентов к планированию труда и его результатов, системности, самостоятельности и точности исполнения управленческих решений, мобильности в корректировке труда).

Экспериментальное апробирование эффективности предложенной концепции повышения у студентов профессиональной

компетентности дало основание для разработки практических рекомендаций субъектам педагогического процесса в соответствующей сфере.

Основываясь на полученных результатах и учитывая большое желание студентов, участников эксперимента, научиться основам профессионального мастерства под руководством наставников, можно констатировать, что существование таких клиник оправдано. Студент, не только обладающий хорошими теоретическими знаниями, но и понимающий, как на практике надо работать с клиентом, и четко знающий правила такой работы, может добиться больших успехов в своей будущей деятельности.

Из вышеизложенного можно сделать выводы:

- обучение в клинике через практическое действие — это первый шаг к получению профессиональных навыков работы юриста;
- специфической особенностью юридической клиники является то, что она, во-первых, создается преимущественно для учебных целей и не преследует материальных интересов; во-вторых, обеспечивает качественную консультационную деятельность студентов с помощью наставников.

Список литературы:

1. Клиническое юридическое образование в вопросах и ответах // Официальный сайт клинического юридического образования/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://lawclinic.ru/article.phtml?id=1> (дата доступа: 28.02.2014).
2. Мамин А.С., Усов И.С. Теоретико-правовой анализ развития юридического клинического образования в России // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 27—30.
3. Приказ Минобрнауки РФ от 04 мая 2010 г. № 464 (ред. от 31 мая 2011 г.) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 21 мая 2010 г. № 17337) // СПС Консультант Плюс, (дата доступа: 28.02.2014).
4. Приказ Минобрнауки РФ от 14 декабря 2010 г. с п. 7.12 № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»). // СПС Консультант Плюс, (дата доступа: 28.02.2014).
5. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма. 2002. — 208 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Кулаженкова Александра Петровна

*студент II курса, группа МЮ-121, Института истории и права
Хакасского государственного университета,
РФ, Республика Хакасия, г. Абакан
E-mail: akulazhenkova@mail.ru*

Сагалаков Эдуард Алексеевич

*канд. ист. Наук доцент, заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Хакасского государственного университета,
РФ, Республика Хакасия, г. Абакан
E-mail: saglakee@mail.ru*

**ACTUAL PROBLEMS OF CONCEPT
OF THE LEGAL ENTITY OF PUBLIC LAW
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Kulazhenkova Aleksandra Petrovna

*student of the II course, MYu-121 group, Institute of history and right
of the Khakass state university,
Russia, the Republic of Khakassia, Abakan*

Sagalakov Eduard Alekseevich

*candidate of historical sciences associate Professor, head of Department
of theory and history of state and law Khakass state university,
Russia, the Republic of Khakassia, Abakan*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблемам толкования юридического лица публичного права. В ходе исследования выявлено то, что в российском законодательстве нет понятия юридического лица публичного права. Нет такого определения, насколько известно, и в законодательстве зарубежных стран.

ABSTRACT

This article is devoted to problems of interpretation of the legal entity of public law. During research that in the Russian legislation there is no concept of the legal entity of public law is revealed. There is no such definition, as far as we know, and in the legislation of foreign countries.

Ключевые слова: юридическое лицо; государственное учреждение.

Keywords: legal entity; public institution.

Современное российское законодательство твердо придерживается позиции: органы государства — юридические лица. Каких-либо исключений или уточнений в упомянутых выше правовых актах не сделано, равно как нет их и в Гражданском кодексе РФ, где дано общее понятие юридического лица, пригодное, как предполагается, ко всем из них, и указаны их разновидности. Органов государства среди этих разновидностей нет [5, с. 24].

Проблема весьма актуальна. Наблюдается новый поворот в подходах к понятию юридического лица, определенная концепция, или термин, употребляемый по отношению к государственным органам для того, чтобы напомнить о государственной печати, штампах и бланках.

Учреждение как одна из разновидностей юридического лица указано в ст. 120 ГК РФ. Однако, учреждение — это не орган, что в равной мере относится к государственному учреждению и государственному органу. Конституция РФ различает государственный орган и учреждение. В статье 125 Конституции РФ указывается о федеральных органах государственной власти, органах исполнительной власти (ст. 77 Конституции РФ), судебных органах (ст. 126 Конституции РФ), об органах местного самоуправления (ст. 131 Конституции РФ) [2]. Законодательным органом определен парламент. Вряд ли все эти органы можно признать учреждениями с позиций научного понимания данных субъектов. С другой стороны, в Конституции РФ указывается о «государственных и муниципальных образовательных учреждениях» (ст. 43 Конституции РФ), об «учреждениях культуры», о «государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения» (ст. 41 Конституция РФ) [2]. Государственными учреждениями являются, например, государственный научно-исследовательский институт, государственный университет, государственная библиотека и т. д. Такие учреждения, конечно, занимаются управленческой деятельностью (ректор вуза, деканы и т. д. организуют

учебный процесс, награждают или наказывают студентов, дирекция государственной библиотеки устанавливает правила пользования фондами для читателей), но их управленческая деятельность распространяется только на определенный контингент лиц, ограничена определенными вопросами, способы принуждения весьма относительно. Учреждения занимаются главным образом обслуживанием населения в сфере социальных отношений, культуры и т. д., осуществляя в связи с этим и определенную управленческую деятельность (например, Пенсионный фонд), но характер такой деятельности отличается от властного управления со стороны органов государства (например, Правительства РФ) или органов местного самоуправления (например, районного муниципального совета), например, государственный научно-исследовательский институт, государственный университет, государственная библиотека и т. д. Вместе с тем, для всех субъектов обязательно постановление о правилах складирования бытовых отходов. Конечно, имеются государственные учреждения, управленческая сфера деятельности которых имеет широкий характер, но все-таки признано, что учреждения не являются государственными органами. Различия между органом государства и государственным учреждением учитываются в конкретных решениях. Министерство юстиции, например, имеет, с одной стороны, свои территориальные органы (управления, отделы и др.), а, с другой — учреждения юстиции. Например, в 2004 г. Правительством РФ 68 таких учреждений были переданы как юридические лица из собственности субъектов федерации в федеральную собственность. Следовательно, слово «учреждение», используемое в ГК РФ, не может разрешить вопрос о государственных органах как юридических лицах. В связи с упоминанием об учреждениях в ГК РФ имеется уточнение: особенности правового положения государственных и иных учреждений определяются законом и другими актами. Примечательно, что законодатели усматривали, что учреждения, особенно государственные, не определены в общем понятии юридического лица, но проблема не разрешима: орган — это все-таки не учреждение [4, с. 35].

В ГК РФ указывается в главе 5 «Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством» [1]. В ГК РФ отмечается, что такие образования в гражданских правоотношениях выступают на равных началах с другими участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами. Однако, во-первых, речь идет о гражданских правоотношениях, а не о задачах

осуществления государственной политики и нормативного регулирования, как это определено, например, в положениях о министерствах. О гражданских правоотношениях в положениях об органах государства ничего не усматривается. Что же касается государства — Российской Федерации (по некоторой аналогии также субъектов РФ, муниципальных образований), то действительно они, например, несут имущественную ответственность из причинения вреда (за вред, причиненный их органами, должностными лицами, иными уполномоченными представителями). Федеральные суды удовлетворяли иски об ущербе, причиненном военными служащими (т. е. государственными служащими) во время военных учений (известны случаи, когда военнослужащие уничтожили несколько коров, повредили поля и насаждения). Конституционный Суд РФ указывал, что в этом случае ответчиком от имени государства выступает казна (а вовсе не Министерство обороны), действует и соответствующее постановление Правительства РФ. Во-вторых, в данном случае речь идет опять-таки не об органах государства. Указываются определенные единицы, общности (государство, субъект федерации, муниципальное образование), представителями которых выступают определенные органы или должностные лица. Такие органы отвечают не за свои действия, они уполномочены и обязаны отвечать за действия других органов (Министерство финансов, а точнее, казна возмещает ущерб за действия лиц, подчиненных Министерству обороны). Конечно, не исключена возможность, что и должностные лица, той же казны (в отношении субъектов РФ и муниципальных образований соответствующие понятия не разработаны, видимо, это органы, исполняющие бюджет), могут причинить имущественный вред, но в данном случае применимо общее правило. Разумеется, возможен регрессный иск к конкретному виновнику (но не к министерству).

В российском законодательстве нет понятия юридического лица публичного права. Нет такого определения, насколько автору известно, и в законодательстве зарубежных стран. В научной юридической литературе это словосочетание, а указания на конкретные юридические лица публичного права встречаются нечасто, хотя в российской литературе оно присутствовало уже в начале XX в. Например, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что юридическим лицом публичного права является государство, что в таком качестве оно выступает как казна [6]. М.И. Кулагин в работе «Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо» отмечал, что в зарубежных странах существуют три основных вида юридического лица: частного права, публичного права и «смешанное» [3, с. 122]. Среди

лиц публичного права в «буржуазных странах» М.И. Кулагин указал само буржуазное государство, выступающее в качестве казны, надгосударственные образования, административно-территориальные подразделения государства (штаты, земли, это не административно-территориальные единицы, а субъекты федерации), государственные учреждения и государственные организации, которые одновременно выступают как хозяйствующие субъекты и как органы управления. Некоторые из них ученый определяет, как публичные корпорации, другие — частными, поскольку создаются частными лицами и считается, что преследуют частные цели. К числу частных М.И. Кулагин относит не только хозяйственные и религиозные организации, но также культурные, научные и иные общества [3]. М.И. Кулагин не выделяет специфические признаки юридического лица публичного права, хотя подчеркивает, что такие лица выступают как носители государственной воли, носители публичных прав и обязанностей. В качестве примера М.И. Кулагин указывает государственный банк, а об органах государства не упоминает [3].

Автор полагает, что необходимы новые фундаментальные исследования, посвященные проблемам определения понятия и статуса юридического лица, как в теории права, цивилистике и административном праве.

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2014).
2. Конституция Российской Федерации// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2014).
3. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., Юридическая литература. 1987. — С. 35.
4. Учебник русского гражданского права. М., Статут. 2003. — С. 122..
5. Чиркин В.Е. Понятие юридического лица и орган государства // Конституционное и муниципальное право. — 2006. — № 5. — С. 24.
6. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2014).

ПРИЗНАКИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Кулаженкова Александра Петровна

*студент II курса, группа МЮ-121, Института истории и права
Хакасского государственного университета,
РФ, Республика Хакасия, г. Абакан
E-mail: akulazhenkova@mail.ru*

Сагалаков Эдуард Алексеевич

*канд. ист. наук доцент, заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Хакасского государственного университета,
РФ, Республика Хакасия, г. Абакан
E-mail: saglakee@mail.ru*

MUNICIPALITY SIGNS AS LEGAL ENTITY OF PUBLIC LAW

Kulazhenkova Aleksandra Petrovna

*student of the II course, MYu-121 group, Institute of history and right
of the Khakass state university,
Russia, the Republic of Khakassia, Abakan*

Sagalakov Eduard Alekseevich

*candidate of historical sciences associate Professor, head of Department
of theory and history of state and law Khakass state university,
Russia, the Republic of Khakassia, Abakan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены проблемы толкования признаков юридического лица публичного права. Выявлена характеристика публично-правового статуса муниципального образования, в ходе исследования предлагается классификация юридических лиц публичного права, разделяются на две разные группы муниципальные образования и муниципальные учреждения. На основе проведенного исследования автором предлагается вести определенную цивилисти-

ческую схему, путем разработки и введения особой категории — юридического лица публичного права.

ABSTRACT

In this article problems of interpretation of signs of the legal entity of public law are considered. The characteristic of the public status of municipality is revealed, during research classification of legal entities of public law is offered, municipalities and municipal authorities are divided into two different groups. On the basis of the conducted research by the author it is offered to keep a certain civil scheme, by development and introduction of special category — the legal entity of public law.

Ключевые слова: Юридическое лицо публичного права; муниципальное образование.

Keywords: Legal entity of public law; municipality.

В законодательстве России словосочетание «юридическое лицо публичного права» не используется, но субъекты РФ, муниципальные образования, многие организации публично-правового характера, органы государства, субъектов РФ, муниципальных образований названы юридическими лицами или обладающими правами юридического лица. Некоторые из таких юридических лиц могут быть и являются участниками гражданского оборота, другие — не могут и не должны, третьи участвуют в гражданско-правовых отношениях только частично. Есть и такие, которые не осуществляют публично-властных функций в обществе, но основы их статуса регулируются нормами публичного права. Все это делает очень сложным создание общего понятия юридического лица публичного права [1, с. 35].

Вырабатывая такое понятие, необходимо обратить внимание на следующие характеристики публично-правового образования, к которым относится муниципальное образование [2, с. 40].

1. Муниципальное образование, как юридическое лицо по своему происхождению и основному качеству — публично-правовое образование.

2. Оно имеет особое целевое назначение: реализация не просто общих, а общественных интересов. Юридическое лицо публичного права не вправе преследовать частные интересы своих членов путем использования принадлежащих ему полномочий или имущества.

3. Муниципальные образования, их органы обладают разными по своему характеру властными полномочиями государственной, муниципальной и общественной корпоративной власти. Такие полномочия могут иметь и нормоустанавливающий, и распорядительный,

и иной характер, но в самом широком понимании это управленческие полномочия.

4. Муниципальные образования являются носителями прав и обязанностей публичного характера. В частности, которые участвуют в гражданском обороте, и некоторые другие могут иметь также права и обязанности частноправового характера, но главным, определяющим суть деятельности муниципального образования являются иные права и обязанности. Осуществляя полномочия, муниципальное образование и его органы, в отличие от юридического лица частного права, которое может делать все, что не запрещено законом, вправе делать только то, что ему предписано или разрешено законом.

5. Муниципальное образование, как юридическое лицо публичного права всегда имеет имущество (без материальной основы его деятельность вряд ли возможна). Такое имущество редко находится на праве собственности, а если это так, то его доля в имуществе, находящемся, как правило, во владении, пользовании, оперативном управлении, невелика. Имущество юридического лица публичного права (и в этом состоит главное) используется не для извлечения прибыли, иной хозяйственной деятельности, а для осуществления его полномочий (компетенции).

6. Юридическое лицо публичного права, в том числе и муниципальное образование, создается особым путем: не в порядке соглашения, учредительного договора и т. д., а на основе признания уже существующего явления (государство, давно возникшая община — муниципальное образование) или путем использования распорядительного порядка (создание некоторых публичных учреждений, например, государственного банка, путем издания соответствующих нормативных актов). Даже если такому образованию юридического лица публичного права предшествуют какие-то переговоры и договоренности с частной корпорацией, которая принимает на себя обязанность по обслуживанию населения (водоснабжение, электроснабжение и др.) и тем самым будет выполнять публичные функции, завершающим этапом должен быть акт органа публичной власти (государства, муниципального образования и др.).

7. Юридическое лицо публичного права не всегда имеет свой устав. Не всегда оно нуждается в государственной регистрации, но всегда создается и действует на основе определенного правового акта. Например, представительный орган муниципального образования, характеризуемый законом как юридическое лицо, действует на основе устава муниципального образования, собственного регламента и других документов. Если юридическое лицо публичного

права принимает свой устав, то в отличие от юридического лица частного права государственной регистрации недостаточно. Устав юридического лица публичного права обычно подлежит утверждению вышестоящим органом.

8. Автономия юридического лица публичного права, в том числе и муниципального образования, может быть довольно широкой (это определяется при его возникновении, создании), может быть узкой, но если это образование — орган — юридическое лицо (в отличие, скажем, от других органов государства), то определенная степень автономии всегда есть. По сравнению с юридическим лицом частного права такая автономия имеет ограниченный характер.

9. Ответственность муниципального образования, как юридического лица имеет не частноправовой, а публично-правовой характер. Частноправовая ответственность, если она есть, всегда имеет меньшее значение.

10. В отличие от юридических лиц частного права в отношениях юридических лиц публичного права в той или иной мере и форме присутствует иерархическое начало. Оно связано с властными элементами характера юридического лица. Этот признак также присущ муниципальным образованиям.

В.Е. Чиркин, предлагая свою классификацию юридических лиц публичного права, разделяет на две разные группы муниципальные образования и муниципальные учреждения. Классификация юридических лиц публичного права, по его мнению, выглядит так [3, с. 20]:

1. сообщества публичного территориального характера, обладающие политической или неполитической публичной властью. К первой группе относятся государства, Европейский Союз, субъекты федерации, территориальные автономные образования политического характера (имеющие свои конституции или право законодательства, собственные правительства и определенную компетенцию органов автономии). К числу сообществ территориального публичного характера с неполитической властью относятся различные региональные и муниципальные образования (территориальные коллективы), территориальная автономия административного характера;

2. государственные и муниципальные учреждения. Выше были отмечены публичные полномочия таких юридических лиц, об осуществлении ими делегированных органами государства или муниципальных образований полномочий. Поэтому вряд ли правильно утверждение общего характера, что «учреждения не обладают государственно-властными полномочиями». Хотя они занимаются в основном обслуживанием населения, властные полномочия в этой сфере у них есть.

Просто такие властные полномочия применяются в определенной области отношений граждан и органов государства, муниципальных образований. Вместе с тем, не все публичные учреждения являются юридическими лицами. Следовательно, еще предстоит выявить те основания, по которым определенная группа публичных учреждений должна получать статус юридического лица публичного права, а другая — не должна. Например, сложен вопрос о том, являются ли министерства РФ юридическими лицами.

3. некоторые органы государства и местного самоуправления, признанные законом юридическими лицами публичного права.

Некоторые исследователи считают, что органы государства и муниципальных образований «никак не могут быть юридическими лицами в строгом смысле этого понятия, в частности, потому, что не подлежат государственной регистрации» [4, с. 151]. Другие авторы это допускают, тем более что отдельные органы уже названы в российских законах юридическими лицами. У органов государства (не у всех) может быть и выделенное имущество, в том числе собственность, которой они могут распоряжаться (например, оплачивая в пределах сметы трудовые соглашения, консультационные работы, подготовку различных проектов и т. д.). Есть и судебные решения о признании некоторых органов государства (например, Управления юстиции администрации Кемеровской области) юридическими лицами, хотя практика Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по таким делам, как считают некоторые авторы, противоречива.

Такие противоречия следует решать не путем отказа от признания за органами государства прав юридического лица потому, что они не подходят под традиционную цивилистическую схему, а путем разработки и введения особой категории — юридического лица публичного права.

Список литературы:

1. Суханов Е.А., Авилов Г.Е. Юридические лица в современном российском гражданском праве. // Вестник гражданского права. — № 1, — 2006, — Том 6. — С. 34—38.
2. Савин В.И., Медолазов К.Л. К вопросу о соотношении норм конституционного и гражданского права в российском законодательстве // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 1, — С. 39—42.
3. Чиркин В.Е. Юридические лица публичного права // Журнал российского права. — 2005. — № 5. — С. 16—26.
4. Чиркин В.Е. Субъекты конституционного права в частноправовых отношениях // Журнал российского права. — 2007. — № 2. — С. 151—154.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДВОЙНОГО, СПЕЦИАЛЬНОГО И ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Щербачева Любовь Владимировна

канд. юрид. наук доцент

РФ, г. Москва

E-mail: dok2081@rambler.ru

INTELLECTUAL ACTIVITY AND ITS RESULTS, SPECIAL AND DUAL MILITARY USE

Scherbachov Lyubov Vladimirovna,

PhD Associate Professor,

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В процессе производства и распределения продукции военного назначения происходит вовлечение в гражданский оборот основной части результатов интеллектуальной деятельности, созданных в Российской Федерации и бывшем СССР. Анализ законодательных актов, позволяет сделать вывод, что принадлежность прав на результаты научно-технической деятельности военного, специального и двойного назначения определено постановлением Правительства РФ «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения».

ABSTRACT

In the process of production and distribution of goods for military use is the involvement in civil circulation of the results of intellectual activity created in the Russian Federation and the former Soviet Union. Analysis of legislative acts, leads to the conclusion that ownership of the rights to the results of scientific and technological activities of military, special and dual-use goods is determined by resolution of the Government of the Russian Federation "on priority measures for the legal protection of the interests of the State in economic and civil traffic results of research, development and technological works, special military and dual-use goods".

Ключевые слова: интеллектуальной деятельности; научно-техническая информация на материальных носителях; вооружения; военная техника; военно-техническое сотрудничество.

Keywords: intellectual activity; scientific and technical information on physical media; weapons; military equipment; military-technical cooperation.

Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [7] дает определение продукции военного назначения, которое включает результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них. Раскрытие содержания термина «вооружение и военная техника» в данном Федеральном законе показывает, какие объекты относятся к данному понятию — в числе прочих поименованных в законе объектов указываются и «результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию, модернизации и (или) уничтожению (утилизации) вооружения и военной техники; научно-техническая информация на материальных носителях, а также изобретения, полезные модели, промышленные образцы и другие результаты интеллектуальной деятельности военного, военно-технического назначения» [7]. Вышеизложенное дает основания сделать вывод о том, что к результатам интеллектуальной собственности (а также объектам, содержащим результаты интеллектуальной собственности) военного назначения относятся объекты вооружения и военной техники, а также объекты обеспечения нужд военно-промышленного комплекса. Однако данное определение не выявляет сущности такого рода объектов. Данное определение не может служить для выделения объектов интеллектуальной деятельности военного назначения из общего числа объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат государству, что, в свою очередь, затрудняет ведение единого реестра объектов интеллектуальной собственности государства, а, следовательно, усложняет задачу инвентаризации РИД.

В процессе производства и распределения продукции военного назначения происходит вовлечение в гражданский оборот основной части результатов интеллектуальной деятельности, созданных в Российской Федерации и бывшем СССР. Длительное время для отечественной продукции военного назначения была характерна слабая патентная защищенность [1]. Характерной особенностью результатов интеллектуальной деятельности и объектов, содержащих РИД, используемых при производстве продукции военного назна-

чения, является то, что упомянутые объекты получены в ходе выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ военного, специального и двойного назначения, и право на них принадлежит государству. Предпосылкой для возникновения прав на указанные результаты Российской Федерации, которая не является автором или непосредственным работодателем, является договор на создание соответствующих результатов интеллектуальной деятельности и объектов, их содержащих.

Федеральным законом «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [7] определено, что результаты интеллектуальной деятельности военного назначения рассматриваются как продукция военного назначения и на них распространяются соответствующие требования и принципы государственной политики в области военно-технического сотрудничества, а также правовые и организационные основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации.

Ситуация, аналогичная вышеизложенной в отношении РИД военного назначения, наблюдается и в отношении результатов интеллектуальной деятельности двойного назначения. Федеральный закон «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации» [8] под технологиями двойного назначения подразумевает технологии, которые могут быть использованы при создании как вооружения и военной техники, так и продукции гражданского назначения. Позже, в 2003 г. Указ Президента РФ «Об утверждении Списка оборудования и материалов двойного назначения, и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, в отношении которых осуществляется экспортный контроль» [9] сформулировал конкретный перечень продукции двойного назначения. Перечень характеризуется достаточно высокой степенью однозначности, и на момент формирования списка его закрытый характер можно было рассматривать, преимущественно, как достоинство. Однако в дальнейшем нельзя исключать трансформацию квалификации технологии из категории обычных, то есть не двойного назначения, технологий в категорию технологий двойного назначения; нельзя исключить и противоположно направленный процесс — трансформацию технологий из категории двойного назначения в категорию технологий гражданского, или мирного, назначения. Однако механизм такой трансформации и процедура последующего учета и последующей инвентаризации технологий в этом случае в нормативно-законодательных актах отсутствует. Существенным является отсутствие

законодательно установленных признаков результатов интеллектуальной деятельности двойного назначения.

Законодательно не определены однозначно и в дефиниции, не подлежащей свободному толкованию, и объекты специального назначения. В 1992 г. был Президентом РФ был подписан Указ «О видах продукции (работ услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» [10], который ввел в действие «Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» [5], в который, наряду с прочими входят результаты научно-исследовательских и проектных работ, а также фундаментальных поисковых исследований по созданию вооружения и военной техники [5]. В 2000 г. Указом Президента РФ «О внесении изменений в отдельные акты Президента Российской Федерации» № 2111 в «Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» были внесены специальные, и иные технические средства, предназначенные (разработанные, приспособленные, запрограммированные) для негласного получения информации, нормативно-техническая документация на их производство и использование [11]. Однако и это расширение упомянутого выше Перечня на решает вопрос исчерпывающе. Научными исследованиями был обоснован подход, изложенный в проекте указа о введении и утверждении «Перечня продукции специального назначения», разработанном в 2003 г., и предлагающий внести дополнения в Указ Президента РФ «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена». Важно, что проект предлагал ввести понятие «продукция специального назначения» под которой «понимаются товары, информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе права на них (интеллектуальная собственность), кроме тех, которые относятся к продукции военного и двойного назначения, предназначенной для применения правоохранительными органами и специальными службами в целях осуществления задач по обеспечению общественного порядка и безопасности государства» [2]. «Перечень продукции специального назначения» представлял собой более сложно структурированный список, нежели «Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», утвержденный Указом Президента РФ «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена». В частности, было предусмотрено составление технического описания изделия и его сопоставление со сведениями, указанными в специальной графе (графа «Наимено-

вание)), аналогичное сопоставление технических характеристик, а также выявление соответствия коду Товарной номенклатуры внешне-экономической деятельности РФ (код ТН ВЭД) [6]. Предложено также ввести понятие продукции двойного назначения, определив ее как «объекты, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники, и другие объекты, предусмотренные законодательством об экспортном контроле» [2].

Несмотря на достаточно конструктивный подход и весьма обоснованную позицию предложенный проект принят не был и в отношении продукции военного двойного и специального назначения и сохранилась практика отнесения ее к соответствующей категории при отсутствии ее в упомянутом выше Перечне осуществляется полномоченными федеральными органами исполнительной власти — Министерством обороны РФ.

Принадлежность прав на результаты научно-технической деятельности военного, специального и двойного назначения определено постановлением Правительства РФ «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» [3]. Кроме того, Постановление РФ «Об использовании результатов научно-технической деятельности» [4] регламентирует принадлежность права интеллектуальной собственности на так называемые гражданские технологии. В соответствии с Постановлением права на результаты интеллектуальной деятельности, полученные за счет средств государственного бюджета всех уровней, закрепляются за государством, если результаты интеллектуальной деятельности не включены в состав приватизированного имущества, не являются объектами исключительных прав физических или юридических лиц и на них не поданы в установленном порядке заявки. В случае закрепления прав интеллектуальной деятельности за государством, распоряжение правами на результаты интеллектуальной деятельности от имени государства осуществляют федеральные органы исполнительной власти, к сфере деятельности которых они относятся (Министерство науки и технологий, Министерство обороны, Министерство экономики).

Список литературы:

1. Калмыкова А.В. Учет и инвентаризация результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения: правовые аспекты // Журнал российского права. — 2004. — № 3. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lawmix.ru/comm/3155> (дата обращения 17.03.2014 г.).
2. Ливадный Е.А. Государственная интеллектуальная собственность на продукцию военного назначения: основания возникновения. Автореферат диссертации к.ю.н. М., 2008 г. «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.03.2014).
3. Постановление Правительства Российской Федерации «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» от 29 сентября 1998 г. № 1132//Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 40. «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.03.2014).
4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об использовании результатов научно-технической деятельности» от 2 сентября 1999 г. № 982//Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 36. «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.03.2014).
5. Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 22 февраля № 179 (в ред. Распоряжения Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 743-рп; Указов Президента РФ от 15 июля 1998 г. № 840, от 30 декабря 2000 г. № 2111). // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 23.03.2014).
6. Таможенный тариф Российской Федерации. Утвержден Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 718. Утратил силу в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2010 г. № 1002 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (в ред. Постановления Правительства РФ от 21 марта 2011 г. № 181) //Собрание законодательства РФ", 11.12.2006, № 50. «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.03.2014).
7. Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 15 октября 2006 г., 17 мая 2007 г., 26 ноября 2007 г., 4 декабря 2007 г., 7 мая 2009 г., 1 июля 2010 г., 5 апреля 2011 г., 10 июля 2012 г.) //«Российская газета» от 19 июля 1998 г. «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.03.2014).
8. Федеральный закон от 13 апреля 1998 г. № 60-ФЗ «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации» // Российская газета 16 апреля 1998 г. № 74 «КонсультантПлюс». (дата обращения 23.03.2014).

9. Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2003 г. № 36 «Об утверждении Списка оборудования и материалов двойного назначения, и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, в отношении которых осуществляется экспортный контроль». //Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, № 9 «КонсультантПлюс».
10. Указ Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 года № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 10, ст. 492; Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1992, № 23, ст. 1998; Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 29, ст. 3538.
11. Указ Президента РФ «О внесении изменений в отдельные акты Президента Российской Федерации» от 30 декабря 2000 г. № 2111. «Консультант Плюс». «Собрании законодательства РФ» — 01.01.20014 (дата обращения 23.03.2014)ю

СЕКЦИЯ 5.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКОЙ ПРАКТИКИ С АСОЦИАЛЬНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ

Ложкина Анастасия Ивановна

*магистр журналистики, администратор сайта Инновационный
Евразийского университета,
Республика Казахстан, г. Павлодар
E-mail: nastyalozhkina@bk.ru*

ETHICAL AND LEGAL REGULATION OF THE INTERACTION OF LANDMARKS JOURNALISM PRACTICE WITH ANTI-SOCIAL PHENOMENA

Lozhkina Anastasia

*master of Journalism, site administrator Innovative University of Eurasia,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье исследуются этико-правовые ориентиры средств массовой информации при освещении асоциальных явлений. В результате теоретического исследования автор сводит в единый перечень правовые, этические, моральные и сверхнормативные регуляторы журналистики ранее изложенные в разрозненных источниках.

ABSTRACT

This paper explores the ethical and legal guidelines of the media in covering anti-social phenomena. A theoretical study author brings into a single list of legal, ethical, moral and excessive controls journalism previously reported in disparate sources.

Ключевые слова: этические нормы; информационное право; ориентиры журналистики; асоциальная информация; сверхнормативные регуляторы журналистского творчества.

Keywords: ethical standards, information law; Landmarks journalism asocial information; excessive controls creativity.

Своей деятельностью средства массовой информации задают определенные ориентиры в подаче асоциальной информации. Именно поэтому, осмысление этих ориентиров следует начать с признания того, что российские СМИ на этапе перехода от советского времени к постсоветскому «не выдержали испытание свободой» [7]. Демократический потенциал современной журналистики зачастую используется не в интересах общества.

Поэтому считаем необходимым обобщить **этико-правовые ориентиры** регламентации освещения современной журналистикой практики асоциальных явлений, которые ранее были изложены в разных теоретических источниках. **Во-первых**, это информационное право, **во-вторых**, профессиональная мораль, **в-третьих**, кодексы этики журналистики, **в-четвертых**, сверхнормативные регуляторы. Рассмотрим их подробнее.

Несмотря на несовершенство законодательства о СМИ, а также массовой позиции в стране “необязательного” выполнения принятых законов, необходимо констатировать, что имеющиеся в нём недоработки не оставлены без должного внимания. Специалистами в области права была выделена новая область юридической науки — **информационное право**. В этом понятии заключается формирование междисциплинарного комплекса правовых норм, определяющих общественные взаимоотношения в области создания, использования, перемещения и защиты информации. «Выделение информационного права из общего массива законодательства обусловлено усиливающимися процессами информатизации современного общества и ростом важности информационных отношений, которые требуют специального комплексного регулирования», указано в определении юридического словаря [9].

Нормативов, выработанных самим журналистским сообществом не мало. Прежде всего это международные документы: «Международные принципы профессиональной этики журналиста» (приняты в Париже 20 ноября 1983 года) [6], «Международная декларация принципов поведения журналистов» (Принята Конгрессом МФЖ в 1954 году) [5]. Российские аналоги: «Кодекс профессиональной этики журналиста» (принят первым съездом Союза журналистов СССР

в 1991 году) [2] и «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» (одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года) [3]. Благодаря таким этическим нормативам, хоть юридически не закреплено, но при этом считается общепринятым правило, согласно которому журналисты, например, воздерживаются от детального описания преступлений, методов работы взломщиков, не сообщают названия ядов, которыми пользуются самоубийцы. Точно так же общественное мнение профессиональной среды требует проявлять осторожность при сообщении в печати об успехах или неудачах медицинских или фармацевтических исследований.

Кодификация журналистской морали требует изучения реального состояния нравов профессиональной среды. Наличие устоявшихся нравственных установок еще не означает, что они воспринимаются как нечто обязательное каждым ее представителем. Без учета степени реального соответствия между должным и сущим в профессиональном поведении самый лучший кодекс может остаться на бумаге [1, с. 16]. Профессионально-этические нормы всегда нуждаются в обосновании нравственным сознанием, и в теоретическом осмыслении этической наукой. Иначе обстоит дело с формированием **профессиональной морали**.

При понимании принципов профессиональной морали, как правило, не возникает особых сложностей, куда сложнее правильно применить их на практике, в нестандартном случае, особенно с противоречивостью изложенных концепций. Ни один, даже самый подробный кодекс не способен предусмотреть всех ситуаций, в которых может оказаться журналист. Боязнь общественного осуждения вынуждает всегда действовать с оглядкой.

С точки зрения Д.С. Аврамова, высшие, **сверхнормативные регуляторы** в настоящее время не проявляются в профессиональных рамках. Это представления об идеале, счастье, смысле жизни, долге, совести, чести и достоинстве. Ведь именно отсюда, берут начало направляющие к тем профессионально-этическим категориям, которые Г.В. Лазутина поместила в вершине своей пирамиды. «Идеал» питает представления о профессиональном долге и справедливости, от «смысла жизни» берет начало ответственность, а «счастье» дает опору самоконтролирующим механизмам. Более того, именно благодаря сверхнормативным регуляторам все остальные нравственные предписания получают возможность не номинального творческого применения [4]. Конечно, поддержка общественным мнением некоторых ограничений гласности не служит гарантией того, что журналисты всегда считаются с этими запретами. Возможно, не случайно

в бестселлере Дэвида Рэндалла «Универсальный журнал» есть циничное, но весьма жизненное замечание: «В основном, чем выше зарплата, тем больше принципов журналист может себе позволить» [8]. Коммерциализация масс-медиа приводит к тому, что зачастую потребителю предлагается тот информационный продукт, который точно зацепит, будет «продан», повысит рейтинг канала (издания) или самого журналиста.

Человечество уничтожило бы себя уже с помощью самых первых своих великих открытий, если бы не способно было поставить перед собой вопрос о последствиях своих поступков. Как свидетельствуют результаты исследований, негативное влияние СМИ также происходит не спонтанно, а осознанно, из определенных ориентиров и идеологических позиций. Поэтому, прогнозирование результатов своего выступления для авторов должно быть обязательной фазой творческого процесса. К сожалению, это не простая работа, а сложнейшая интеллектуальная деятельность, сопряженная с высокой гражданской, моральной и правовой ответственностью.

Один из главных вопросов, который нужно решить начинающим журналистам-практикам, которые будут создавать будущую «журналистскую картину действительности» — это смогут они и захотят ли руководствоваться такими ориентирами.

Список литературы:

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. Уни-та, 1999. — 224 с.
2. Кодекс профессиональной этики журналиста // ПАРАГРАФ — информационные системы Союз журналистов СССР. 1991. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353759 (дата обращения: 26 марта 2014).
3. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Конгресс журналистов России. 1994 // Young Journalists — информационный портал для молодых журналистов. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://yojo.ru/?page_id=81 (дата обращения: 26 марта 2014).
4. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. — 116 с.
5. Международная декларация принципов поведения журналистов. Конгресс МФЖ. 1954. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://yojo.ru/?page_id=82 (дата обращения: 26 марта 2014).
6. Международные принципы профессиональной этики журналиста. Юнеско. 1983 // Young Journalists — информационный портал для молодых журналистов. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://yojo.ru/?page_id=82 (дата обращения: 26 марта 2014).

7. Ненашев М. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985—2009), М., 2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.telenir.net/nauchnaja_literatura_prochee/illyuzii_svobody_rossiiskie_smi_v_ypohu_peremen_1985_2009/p4.php (дата обращения: 22 марта 2014).
8. Рэндалл Д. Универсальный журнал. М.: Международный центр журналистики, 1996. — 120 с.
9. Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, Издательский дом, 2003, — 858 с.

СЕКЦИЯ 6.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ, СУДЕБНАЯ СИСТЕМА, ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Белозерцев Сергей Владимирович

*канд. филос. наук, доцент кафедры Защиты интеллектуального права
Московского государственного открытого университета,
сопредседатель международного Движения против преступности
и коррупции «Наше право»,
РФ, г. Москва
E-mail: ms.blagos11@mail.ru*

CONSTITUTION OF RUSSIA, JUDICIARY, EXISTING LEGISLATION AND HUMAN RIGHTS

Sergei Belozertzev

*candidate of intellectual rights protection Moscow State Open University,
co-chairman of the international movement "Our Right",
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется действие Конституции, норм международного права и судебной системы по обеспечению и защите прав человека в России

ABSTRACT

The article analyzes action of the Constitution, international law and the judicial system in Russia of promotion and protection human's rights

Ключевые слова: Конституция России; права человека; действующее законодательство; международное право.

Keywords: constitution of Russia; human rights; existing legislation; international law.

Минуло два десятка лет с принятия действующей Конституции Российской Федерации. Что же изменилось в России после того, как в её Конституции были закреплены общеизвестные демократические нормы прямого действия.

В процессе становления в России правовых основ Демократии, вся государственная машина законодательно переориентировалась на нужды Человека — права и свободы человека и гражданина провозглашены и закреплены в Конституции России как высшая ценность, которой должно определяться содержание деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, и именно эти ценности должны определять смысл, содержание и реализацию законов. Меняющаяся законодательная база сделала все органы власти правообязанными не только перед государством, но и перед гражданином и обществом. Таким образом, гражданин, общество и государство были поставлены в основание пирамиды с равной перед Законом ответственностью, а её вершиной стало Право, должное отражаться в законодательстве. Практически до середины 90-х закладывалась законодательная база для новых, создающихся общественных политико-правовых отношений и перехода от позиции «человек для государства и государство превыше всего» к позиции «государство — для обслуживания человека и общества, оно — механизм, действия которого строго ограничены законом», к приоритету защиты прав и свобод человека. Статья 2 Конституции РФ объявляет, что отныне «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1], а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, что потребовало не просто обновить законодательную базу государства, а тщательно пересматривать её с учетом социально-политических реалий, положив в основание признанные и реально функционирующие в мировом сообществе в той или иной мере концепции прав человека и правового государства.

Источником власти и Конституции должен быть народ, выбирающий (через группы граждан, самовыдвижение, партии, их блоки и общественные движения) власть и отзывающий из неё. Когда Италия объявила борьбу с коррупцией национальной задачей, прежде всего, запретили списочные выборы, у нас же, при обычном несовпадении провозглашенного и целеполагаемого, напротив, отменили одномандатные выборы, так как время показало неразумность

этого решения. Общественность с удовлетворением восприняла решение о возврате одномандатных округов. Еще одним решением, которое следует пересмотреть — запрет политическим блокам участвовать в выборах, т. к. значительная часть избирателей лишена права выдвижения своих кандидатов.

Конституция установила разделение властей, правда, президента только ограничили необходимостью соответствия его указов Конституции и федеральным законам. Исполнительная власть так и не потеряла возможностей воздействовать на другие ветви власти. Судебная власть стала назначаться президентом, предварительно проходя конституционно не существующую фильтрацию: кадровую комиссию Верховного суда и параллельно с исполнительной и другими властями правящей Администрацией президента. Так называемая четвёртая власть — СМИ, утратили влияние периода перестройки из-за коммерциализации мнений, самоцензуры под давлением собственников и возможности внесудебного закрытия практически любого издания исполнительной властью, а также игнорирования зачастую правоохранительной системой сообщений о правонарушениях и преступлениях, несмотря на сохранение в приказах прокуратуры и МВД обязанности проверять сообщения и возбуждать уголовное преследование виновных. Общий приказ от 29.12.05 г., подписанный многими ведомствами, предписывающий единообразно регистрировать заявления о преступлениях пожарным, полицейским, приставам и передавать материалы по подследственности, в том числе и судьям в ходе любого судебного процесса и на любой его стадии, квалифицирует отказ регистрации как самостоятельное преступление — «сокрытие преступления». Желание бороться с преступностью, начиная с честной регистрации преступлений, постепенно ослабляется последующими отменяющими внутриведомственными приказами и инструкциями, но и возбуждение уголовных дел не всегда ведёт к установлению законности и достижению справедливости.

Глубокая обеспокоенность создателей Конституции России возможностью последующего нарушения закреплённых прав человека и скатывания политической системы к авторитаризму, в условиях противодействия части экономически главенствующих социальных групп изменениям сущности властных отношений привела к появлению ч. 4 ст. 15 Конституции России [1] и беспрецедентного для стран, ранее входивших в СССР, включения международной правовой системы во внутреннее законодательство в качестве нормы прямого действия в случае противоречия общепризнанным международным принципам, нормам и договорам, заключённым Российской

Федерацией, собственного национального законодательства. Это положение позволило международной общественности и ЕС воздействовать на ситуацию с правами человека в России, гуманизацию законодательства.

Судебная система, как основа поддержания законности и эволюционности развития системы политической, должна быть опорой демократии, поскольку главной её целью, как и других государственных структур, должно быть обеспечение законности и соответствия принципам складывающегося права, а не существования и неприкосновенности политического режима и коррупционных возможностей. Наиболее чётко недостатки этой системы видны в регулировании экономической жизни страны, где арбитражные и общей юрисдикции суды выступили главным орудием исполнения законов. Где-то не хватало законов, где-то существовали часто проплаченные в них неясности или целые бреши, и законодательная пустота заполнялась произвольными решениями «по усмотрению» или неписаными правилами («понятиями»), своеобразно восполнявшими нормативные неполноту и несовершенство. Формальные правила вытеснялись неформальными, передаваемыми в качестве «культуры управления», нормами, непрозрачными для непосвященных. Эти правила тоже подвергаются изменениям, и любой может опасаться за какое-нибудь формальное отклонение уже от неформальных правил и привлечения к ответственности по выбранным высоким чиновником статьям ГК РФ, АК или УК РФ.

Первые этапы строительства новой российской государственности в глазах социального большинства, возлагавшего на Демократию, а не то, что под её вывеской вышло, огромные надежды, не всегда представляются воплощением справедливости. Ощущение несправедливости в ключевом конституционном вопросе о собственности не могло не проецироваться на все государственные институты и их действия, тем более, что государство стало восприниматься не как дающее что-либо, а как берущее и отнимающее у граждан всё, что можно.

Именно она способствовала коррупционному сращиванию существенной части бизнеса и государственной бюрократии, коммерциализация глубоко затронула т. н. правоприменительную систему. Судами наказание применяется избирательно, исходя из неясных правил, что, собственно, приводит к различным формам бегства из страны интеллекта и капитала (от преступных махинаций до легального вывода активов в зарубежные юрисдикции), а коммерсанты, не доверяя отечественному правосудию, прописывают

в заключаемых договорах рассмотрение возникающих противоречий и споров в судах за пределами России.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев два года назад в газетном интервью вынужден был признать, что треть дел в российских судах — заказные, значит, рассматриваются «не по Закону, а по Прейскуранту» [2]. Есть опасение превращения судебных органов в касту неприкасаемых и неподсудных.

К услугам заказчиков - полный набор размахивания уголовной дубинкой: от ареста счетов и товаров, изъятия всей документации вместе с оргтехникой на время постоянно продлевающейся проверки до ареста и осуждения по судейскому усмотрению. Рядовой же гражданин по нынешнему законодательству не сможет возбудить уголовное дело даже против гражданина, нарушившего его права и свободы, за исключением факта изнасилования, которое доказать против заинтересовывающей виновной стороны становится невозможно.

Санкционирование возбуждения уголовного дела целиком и полностью прерогатива прокуратур.

Арбитражная система также оказалась подвержена коррупции, хотя именно она сформировалась как наиболее эффективная, открытая и продуктивная судебная система, в которой существуют реальные шансы выигрывать у государства предпринимателям. Арбитражный суд на фоне судов общей юрисдикции демонстрирует удивительную независимость от силовых структур, исполнительной власти и так называемых «интересов государства» (т. е. подмены равной, открытой и эффективной судебной системы интересами отдельных госорганов, групп и лиц).

Никакие решения Конституционного Суда РФ и пленумов Верховного Суда РФ об ориентации на решения ЕСПЧ по нарушениям Европейской Конвенции не могут заставить судей учитывать их в правоприменении и не относиться к ним только как к занимательному чтиву. Применение имеющейся в действующем законодательстве реституции и компенсация государству наложенных на него штрафов самими виновными судьями, следователями, прокурорами и чиновниками позволило бы заметно и без государственных затрат изменить ситуацию.

В арбитражном процессе избавились от постыдно абсурдной процедуры судов общей юрисдикции, где решение об отводе судьи принимает сам отводимый судья. Банк решений арбитражных судов дает уникальный даже по мировым меркам, полностью открытый доступ к почти всем решениям, позволяет отслеживать их и понимать

логику суда и пр. Давние предложения сделать обязательной аудио-запись всех судебных процессов, чтобы устранить возможность массовой фальсификации протоколов судебных заседаний — основных документов судопроизводства, вызывают отторжение, так как приведёт к отрешению от власти до 90% судей и постепенному возвращению законности в судопроизводство, что, видимо, одинаково неумодно законодателю.

Сложно пока судить о том, каковы будут последствия слияния Верховного и Высшего Арбитражного судов, приведет ли это к растворению арбитров в массе судей общей юрисдикции и к потере процессуальных достижений или накоплению нового положительного опыта. Попытка объединения ГПК РФ и АПК РФ при учёте невозможности серьёзного переобучения судей общей юрисдикции из-за их перегрузок и численного превосходства может привести в итоге только к тиражированию на практике именно их процессуального опыта. Изъятие из ст. 71 Конституции РФ упоминаний об арбитражном процессе подтверждает намерение уничтожить сложившийся более прогрессивный процесс судопроизводства. Альтернативами судебной системе выступают постепенно приобретающие популярность третейские суды и пока неизвестная для России медиация, которую с 2015 г. внедряют все страны ЕС через организацию всеобщей онлайн-платформы для контроля и разрешения споров (что сэкономит, как считают исследователи, до 80 % судебных издержек на адвокатов, консультации, премии).

Впечатляющим примером «защиты» прав граждан является периодическое секвестирование правомочий суда присяжных заседателей. Справедливости ради, стоит заметить, что и после судебной реформы 1864 г. царская власть стала урезать объём рассматриваемых дел и проблем. Ныне участие народа в судопроизводстве по самым болезненным проблемам — коррупции и хищений госсобственности ограничено, так как страшно ожидаемых обвинительных вердиктов, а в остальном народ распоясался: при вынесении в российских судах, по обыкновению, менее 1 % оправдательных приговоров, присяжные вдруг стали считать невиновными по обвинительным заключениям 18 % подозреваемых. Конечно, фальсифицированные и разваливающиеся дела без обвинительного уклона против здравого смысла и незаинтересованности не выдерживают. БЕЗ присяжных давно уже правосудием в стране не считается.

Судьи легко меняют прокуроров, особенно, когда слабость обвинения явно видна и прокурор по ходу судебного процесса склоняется отказаться от него полностью или частично, чего требует логика процесса. По обыкновению, судьи пытаются не позволять

задавать вопросы обвинению, естественно, без ссылок на отсутствующие запрещающие нормы, что приводит к тому, что прокуроры не утруждают себя ознакомлением с делом, довольствуясь беспочвенными утверждениями: «следствием достаточно доказано, что...». Реальное равенство сторон вынуждает давать ответы на вопросы защиты и, как правило, конкретно подтверждать фактами положения обвинения или объяснять, почему для сбора доказательств вины не проделаны необходимые экспертизы, а проведенные сделаны с нарушениями, не допрошены и не вызваны настоящие свидетели, почему роль свидетелей выполняют сотрудники полиции, в состоянии свидетельствовать не по факту преступления, а только о том, что говорили обвиняемые или подозреваемые в ходе расследования и тн. др., Особенно выигрышными для защиты такие ситуации выглядят в судах присяжных.

Для удобства обвинения и обеспечения заказных дел все адвокатские альтернативные объединения ещё в прошлом веке соединили в единые коллегии — попытка через руководство влиять на действительно независимых ото всего кроме Закона адвокатов. Правозащитников, в том числе и имеющих юридическое образование, со стадии предварительного расследования (куда они и так только в редких случаях допускались) вытеснили, начиная с невыдачи разрешений на свидание с подзащитными и заканчивая не допуском в процесс рассмотрения дела судом первой инстанции под надуманными предложениями. В отношении недопуска защитников не членов коллегий адвокатов в суд кассационной инстанции практикуется прием отказа в защите из-за отсутствия официозного адвоката, который, имитировав защиту в первой инстанции, часто по заказу, после формальной и бессодержательной кассационной жалобы в суд второй инстанции, как правило, уже не является. В суде надзорной инстанции не позволяют защищать права доверителя из-за неучастия в судебном процессе в первой и кассационной инстанциях. Пленум Верховного Суда РФ в ноябре 2004 г. принял Постановление о недопуске «иных лиц» в суды кассационной и надзорной инстанций в отсутствие официального адвоката, в том числе даже уже участвовавших в защите по первой инстанции, а также сделал невозможной защиту этими лицами осуждённых по их доверенности в суде надзорной инстанции.

Следовало бы изменить порядок распределения дел, например использование по аналогии со Штатами лототрона исключило бы периодичность попадания дел к «выгодным» судьям, уменьшило бы перегрузки и дало бы нормальную нагрузку честным судьям,

которых по распоряжению председателей судов специально обносят делами денежных или властных заказчиков решений.

Почему не ввести жёсткие дисциплинарные санкции к судьям, выносящим приговор путём копирования обвинительных заключений с флешек прокуроров, где текст содержит даже те же самые грамматические ошибки. Исполнение заказа даже без доказательств конкретной выгоды должно приравниваться к коррупционной сделке. Судейский корпус можно очищать отрешением от власти и тех, кто фальсифицирует протоколы судебных заседаний, теряет или подменяет ранее находившиеся в деле материалы, то выносит постоянно отменяемые вышестоящими судами решения. Причём, чтобы избежать эмоциональных накладок и внутренних противоречий, стоит оцифровать деятельность судей — когда, например, 20—30 решений в год отменяются вышестоящими инстанциями, судья должен автоматически отрешаться от власти.

Требует прекращения и практика подачи жалоб апелляционных, кассационных и по промежуточным судебным решениям только через суд первой инстанции, поскольку это ведёт к чрезмерному затягиванию сроков их передачи (по промежуточным решениям их теряют или передают во вторую инстанцию вместе с приговором или определением, когда смысл утрачен и отрицательный результат предсказуем), расшиванию и изменению содержания материалов дел. Уменьшение сроков давности или процессуальных сроков по обжалованию тоже направлено не в пользу граждан и юридических лиц.

Вызывают протест, особенно при нынешней практике правоприменения, изменения в пользу якобы убыстрения следственно-судебной процедуры: выведение понятых из досудебного следствия, которые теперь будут привлекаться по усмотрению следователя, заменяться обязательной фиксацией техническими средствами, а при невозможности по каким-либо причинам их применить, — в протоколе просто будет делаться об этом запись. Если раньше подставных понятых (не присутствовавших на месте) можно было обнаружить по ошибкам в адресе, нахождению их в то же самое время при оформлении протокола по административному правонарушению, в КПЗ и т. п., то теперь вместо них — наблюдателей за честностью процесса, будут просто делаться записи в протоколах.

Сомнительны нестатистические преимущества следователей и судей при сокращённом порядке производства, когда признание вины допускает осуждение без доказывания, а обещания следователями минимального наказания за такого рода сотрудничество — ничего не стоят, т. к. суд обычно не обращает на это внимания. Более

того, согласившиеся лишаются права судебного оспаривания вины и последующего обжалование приговора. Легкость сокращённой процедуры позволит взявшим на себя вину по незначительному преступлению избежать наказания за тяжкое в связи с не обнаружением и т. п.

Работа всех судов должна быть гласной, все процессы должны обязательно вестись под аудиозапись, которая должна храниться вместе с материалами дела и расшифровываться в случае появления замечаний на протокол судебного заседания для проверки отсутствия фальсификации протокола. При наличии в процессе материалов, являющихся государственной тайной, от участников процесса берётся подписка об уголовной ответственности за её разглашение, либо они на время удаляются из судебного заседания.

Установить связь между квалификацией судьи и тяжестью обвинений. Чем тяжелее обвинение (а в арбитражном суде — чем выше сумма иска), тем выше должна быть квалификация и ответственность судьи.

Ввести в процесс отрешения судьи от власти 1) право граждан, обжалующих действия судьи, поддерживать свою жалобу в заседании квалификационной коллегии судей — участвовать в рассмотрении дела в качестве полноправной стороны; 2) заключение квалификационной коллегии по вопросу о прекращении полномочий судьи должно приниматься в судоподобном порядке. Судья должен иметь право обжалования неблагоприятного заключения и лично осуществить его в ВККС и/или в суде. Имеет смысл ввести порядок пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении судей, чьи полномочия были прекращены по порочащим основаниям. Должно быть преодолено состояние, сложившееся с председателями судов, что будет возможно при переходе к практике, при которой должности председателей судов замещаются по очереди судьями данного суда либо достаются старшим по стажу работы судьям; срок полномочий председателя суда не должен превышать 2 лет — без права повторного назначения (кроме односоставных судов). Такое положение позволит устранить избирательное распределение дел, превратившее судебные рассмотрения дел с одними и теми же обвинителями, истцам и ответчикам в надёжную коррупционную кормушку.

Судей следует обязать в любых случаях и по любым делам оглашать публично полный текст приговора вместо только резолютивной части, что автоматически устранил составление полных текстов вне зала суда и иным составом авторов, а также ведение переговоров с «заинтересованными лицами», для последнего в совеща-

тельных комнатах имеются запрещённые стационарные телефоны (кроме личных мобильных, принадлежащих самим судьям).

Тема защиты прав человека не позволяет обойти вниманием тех, кто сделал эту проблему своей профессиональной деятельностью. Затронем проблемы, существующие в адвокатском сообществе.

Адвокатура стала государственной корпорацией, монополизировавшей обеспечение права на защиту по уголовным делам. Именно для этого все многочисленные адвокатские образования, реально ставшие конкурировать во время перестройки, принудительно вогнали в единые территориальные и вертикализировали в единую Федеральную палату, структурированную на манер прокуратуры. Для большей управляемости ею сделали её подконтрольной органам юстиции, наделенным правом собирать на адвокатов компрометирующие материалы.

Хотя УПК РФ и КоАП РФ не содержат ограничений на представительство в процессе любых лиц по выбору стороны, что было бы грубейшим нарушением ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека, закон об адвокатуре покусается на создание монополии и в гражданском и в административном судопроизводстве, устанавливая, что представителями организаций (в том числе и общественных) могут быть только адвокаты. В уголовном процессе монополизация уже осуществилась. Суды в большинстве своем не способны обеспечить граждан необходимой юридической поддержкой. Это выражается:

- в низком профессиональном уровне адвокатуры, не владеющей, в частности, опытом прямого применения Конституции РФ, международного права, не знакомой с решениями Европейского суда по правам человека, не представляющей и не использующей методы внесудебной защиты;
- в повсеместной практике сговора адвокатов со стороной обвинения и «договоренности» с судьями; что, случается, приводит к не отстранению адвокатов от защиты после их отвода подзащитными, а оставлению их вопреки воле «защищаемых» в зале суда для имитации осуществления защиты при отказе впустить в процесс другого защитника, избранного подсудимым;
- в вытекающих из этих сговоров и договоренностей злоупотреблениях доверием подзащитных, сокрытии от них процессуальных прав и возможностей, склонении подзащитных к признанию своей вины и к неправовым сделкам, превращающим адвокатов в приводные ремни коррупции;
- в игнорировании процессуальных нарушений, допускаемых следствием и судом, отсутствии адекватного реагирования на злоупот-

ребления властью, в установках «не злить следователя» и «не раздражать суд» якобы избыточными требованиями и жалобами;

- в формальном, незаинтересованном и поверхностном исполнении обязанностей защитниками по назначению, фактически превращающихся в безмолвных «понятых» при исполнении процессуальных действий; а также при отсутствии оплаты со стороны родственников подзащитных прямо не исполнении ими своих обязанностей (месяцами не посещают СИЗО, пропускают судебные заседания, не заявляют необходимых ходатайств и протестов, используют один текст ответа судье даже после заявленных ходатайств подзащитными — «на усмотрение суда», не присутствуют при оглашении приговоров);

- в необоснованных и завышенных гонорарах, поддерживаемых страхом подзащитных перед уголовным преследованием; в запугивании платежеспособных клиентов не существующими рисками, умышленном затягивании процесса в целях извлечения из подзащитного максимальной прибыли.

Перечисленные явления порождены рядом причин:

- заниженными квалификационными требованиями к юристам, вступающим в адвокатуру;

- игнорированием судами того, что реальная защита обвиняемых не обеспечивается;

- перетеканием в адвокатуру значительного числа полицейских, следственных, прокурорских и бывших чекистских и судейских (зачастую изгнанных оттуда за противозаконные деяния вместо запрета на профессию) работников, сохраняющих и использующих тесную связь с прежними сослуживцами, как в пользу клиентов, так и в виде дружеского содействия обвиняющей стороне;

- массовым использованием временных подставных адвокатов, не выходящих потом в судебный процесс, но закрывающих ст. 75 УПК РФ по приглашению следователя, оперативного работника, а то и вообще подписывающих в свое отсутствие протоколы, и «подтверждающих» в судах, таким образом, допустимость тех доказательств, от которых в судебном процессе отказываются подсудимые;

- использованием подставных адвокатов по принуждению путем признания необязательности для дознавателя, следователя, прокурора ст. 52 УПК РФ о праве отказа подозреваемого или обвиняемого от защитника, навязанного, а не выбранного самостоятельно.

Быть может, удаление из судебного процесса общественных защитников (от организаций) еще можно как-то оправдывать их около юридической эмоциональной болтовней и в основном по поводу

характеристики личности обвиняемого, но устранение «по усмотрению суда» представителей правозащитных организаций, защищающих по существу дела, а тем более защитников по доверенности, выбранных самими подзащитными, вообще лишает неденежных обвиняемых и потерпевших права на защиту. Потерпевшему, в отличие от обвиняемого, при недопуске в судебный процесс избранного им защитника назначение даже плохонького адвоката не положено.

Рассмотренные реальные проблемы осуществления гражданами права на защиту в уголовном судопроизводстве позволяют сделать несколько выводов:

Во-первых, жизненно необходимым для осуществления реального права на защиту является укрепление процессуального института «иных лиц», допускаемых по собственному выбору нуждающегося в защите потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого (невыполняемое прямого требования Европейской Конвенции);

Во-вторых, усиление ответственности и контроля за эффективностью деятельности адвокатов, в том числе через введение в руководство адвокатских палат (коллегий) представителей независимой юридической (не адвокатской, не государственной) и правозащитной общественности;

В-третьих, расширить реальные процессуальные права защиты, представителей потерпевших на сбор доказательств и проведение самостоятельного расследования по делу, на обязательное приобщение к делу отводимых следователем или судом документов, протоколов опросов, а также полученных ими заключений специалистов (институт депонирования доказательств, предложенный Независимым экспертно-правовым советом);

В-четвертых, пока судьи не несут никакой ответственности за неправосудные решения, за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных — ничего не изменится даже при наличии честных и профессионально грамотных адвокатов и защитников. Поскольку, пока судьи сами не защищены от коррумпированной руководящей части своего сообщества и не обладают правом на судебную защиту, пока отсутствует выборность и существует зависимость судей от исполнительной власти, пока нет никакой ответственности судей за массово отменяемые кассационной и надзорной инстанцией вынесенные ими приговоры и иные решения, пока не перекрыты пути коммерческого решения вопросов судопроизводства вместо решений по букве Закона — о какой-то судебной реформе и реальной защите прав человека вообще говорить рано.

В значительной мере решение любых проблем кроется и в переориентации мышления граждан с поисков самого честного,

лучшего и правильного вождя, который всё изменит и сделает за них, на неотвратимость действия Закона и создание безличных механизмов, которые даже при проникновении обезьяны на трон не позволят ей ничем навредить обществу. **Без заинтересованной активности самих людей никакие механизмы работать не будут, без жесткого контроля за властью, без высокого правосознания, чести и совести самих граждан, желающих нормально жить в своей стране.**

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ)//СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 22.03.2014).
2. Лебедев В.М. Судебная защита рассматривается гражданами как приоритетная. (Председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев — о судебной реформе) / «Коммерсантъ», № 238 от 17.12.2012. — С. 1.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ КОНСТИТУЦИЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Казарян Давид Мехакович

*аспирант кафедры юриспруденции
Академии государственного управления,*

Армения, г. Ереван

E-mail: Davit.ghazaryan2010@yandex.ru

AXIOLOGICAL ROOTS OF CONSTITUTION OF THE WESTERN EUROPEAN COUNTRIES

Davit Ghazaryan

*PhD student of the chair of law of the Public Administration Academy,
Armenia, Erevan*

АННОТАЦИЯ

В новом тысячелетии роль общественного регулятора взяла на себя конституция. В статье подчеркивается, что конституционализм

как одна из основных категорий конституционной аксиологии в Западной Европе является результатом буржуазно-демократической революции, то есть перехода от феодализма к капитализму. В настоящих реалиях среди основных ценностей конституций стран Западной Европы — приоритетность прав человека, демократия, либерализм, верховенство закона и т. д.

ABSTRACT

Article deals with essences of the formation and development of axiological roots of Western European countries. In particular, the article reveals the axiological roots of English, French and German constitutions. In the article was conditioned that constitutionalism as one of the main categories of constitutional axiology in the Western Hemisphere is the result of the bourgeois-democratic revolution, that is, after the transition from feudalism to capitalism. Today, among the core values of the constitution of Western European countries can be called human rights, democracy, liberalism, rule of law and etc.

Ключевые слова: конституционная аксиология; конституционализм; либерализм.

Keywords: constitutional axiology; constitutionalism; liberalism.

Прежде чем рассматривать вопросы, связанные с аксиологическими корнями конституции западноевропейских государств, считаем необходимым, во-первых, выявить сущность самого понятия «аксиология». Термин «аксиология» (axia — ценность, gnosis — учение) имеет древнегреческие корни. Еще в древней Греции аксиология считалось философской дисциплиной, изучающей категорию «ценность», явления связанные с ценностями, их природу и восприятие этих ценностей народом.

После появления таких дисциплин, как энциклопедия права (современная теория государство и права), философия права и т. п., целью которых были вопросы, связанные с понятием и познанием термина «право», появилась и необходимость выяснение вопроса, какую ценность имеет право вообще.

Правовая аксиология является одной из важных частей права, так как она является отраслью философии права, которая решает проблему правовых ценностей, освещая равным образом, на каких ценностях в первую очередь должно базироваться право, с помощью каких ценностей можно будет построить идеальный тип права. Формирование ценностей общества будет определять проекцию ее правовой системы.

Одним из видов правовой аксиологии является конституционная аксиология. Понятие конституционной аксиологии многие авторы связывают с понятиями как морально-этического, так и правового характера. Конституционную аксиологию как форму непосредственного отношения к модели и практике реального конституционализма отличает прежде всего исключительный статус ее источника — конституции, осмысление и реализация которой предполагают и момент аксиологической интерпретации [12, с. 34]. Нельзя не согласиться с точкой зрения В.И. Крусса, согласно которой конституционная аксиология дает особые и отчетливые ценностные ориентиры и личного самоопределения, и публично-властной практики [8, с. 9; 6, с. 125].

Выявляя сущность термина «аксиология» и связанный с ним ряд категорий, таких как правовая аксиология, конституционная аксиология и т. д., можем приступить к изучению вопроса об аксиологических корнях конституций западноевропейских государств.

Как правильно отметил Б. Страшун, конституционализм изначально складывался в Западной Европе как идеологическое представление о должном устройстве государства, предполагающее ограничение его власти над человеком путем гарантий прав и свобод и недопущение концентрации власти в рамках какой-либо из ее ветвей благодаря применению принципа разделения властей [11, с. 43].

Конституционная аксиология не может быть рассмотрена вне конституционной идеологии, поскольку в конституции любого государства прямо или косвенно присутствуют идеологические начала [4, с. 21]. На взгляд автора, конституционализм как одна из основных категорий конституционной аксиологии в европейском континенте возникает в результате буржуазно-демократических революций, т. е. после перехода от феодализма к капитализму.

Конституционализм как правовая категория многогранен и понимается различными авторами по-разному. С аксиологической точки зрения к термину «конституционализм» относился известный советский правовед, академик РАН, основатель либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянц. Он расценивает конституционализм как общегосударственную идеологию [2, с. 16].

В Англии появление предпосылок для зарождения конституционализма можно связывать с Английской революцией XVII века — ограничением власти монарха, а если быть точнее, то перехода от абсолютной монархии к конституционной монархии (но следует заметить, что в конституционных монархиях власть правителя ограничивается законодательным органом, а не правом). Этому последовало

также принятие Habeas Corpus Акта, которое до сих пор является составной частью неписаной конституции Великобритании.

Во Франции шаги к конституционной демократии были предприняты в конце XVIII века. Это было связано с Великой французской революцией 1789-ого года, в ходе которой была принята Декларация прав человека и гражданина, которая до сих пор является неделимой частью действующей конституции (1958 г.) французской республики [7, с. 528].

Что же касается Германии, то здесь общество переходило в стадию нового развития не столько революционным, сколько эволюционным путем. Конечно же, следует также учесть и то обстоятельство, что в Германии первые идеи конституционализма появились в изречениях германских философов-правоведов (И. Кант, К. Велкер, Р. фон Мольте и т. д.), а сам конституционализм зародился после краха фашистской Германии.

Конституционная культура и конституционные ценности стран Западной Европы имеют родственную идеологию. Речь, во-первых, идет о христианских корнях Европы, во-вторых, это либерализм, демократия и т. д.

Но, несмотря на это, недавняя эволюция так и не вступившей в силу конституции ЕС и ее замена Лиссабонским договором свидетельствует об опасениях, в первую очередь в политических кругах, от признания давно уже применяемого юристами принципа примата общеевропейского права. Об опасениях свидетельствует также тот факт, что Европейское сообщество не провозгласила за христианством идеологическую основу Лиссабонского договора, документа заменившего Конституцию Европейского Союза [1, с. 86].

Американо-европейская традиция конституционализма основана на собственном историческом опыте, который тесно связан с социальными процессами и, как отмечает Э.Ю. Петерсман, исторически конституционными задачами на Европейском пространстве выступали укрепление функции государственной власти в защиту индивидуальных прав (государство защиты) и обеспечение производства (государство производство). Также в данные задачи входило и ограничение органов государственной власти конституцией, контроль над ними, их сбалансированность, защищенность общества от государственных ошибок в целях обеспечения, по выражению А. Линкольна, «управления народом со стороны самого народа и для народа» [13, с. 2; 1, с. 87].

Признание этого принципа в настоящее время наблюдается скорее как прецедентное. Так, например, в практике судов итальян-

ской Республики сложилось правило, что судьи не применяют законы в случае их противоречия законами Европейского Союза, причем без запросов в Конституционный суд, последний также отмечает, что европейское право определяет границы действия национального конституционного право [16, с. 67—68].

Разумеется, глобализация права не должно приводить к разрушению конституционной идентичности отдельных государств и тем более к установлению европейской наднациональной идентичности, которая способна пренебречь разнообразием культурного наследия Европы и навязать отсутствующую в Европе духовную идентичность [10, с. 149].

Автор согласен с точкой зрения председателя Конституционного Суда Республики Армения Г.Г. Арутюняна касательно того, что конституционализм как образ правовой материи присущ таким социальным системам, которые достигли определенной эволюции признания и гарантирования социальных свобод и общественного согласия на основе соответствующей системы социокультурных ценностей [3].

Следует также рассмотреть, насколько западноевропейским странам присущ такой правовой феномен, как конституционализм в период перехода от модерна к постмодерну.

Англия. Английской конституционализм очень необычен. Английская неписаная Конституция представляют собой коллекцию разных документов, в их числе можно выделить Великую хартию вольностей (1215), Билль о Правах (1689), Акт о Союзе и т. п. [7, с. 490].

Краеугольным камнем в формировании и становлении английской конституционности стало судебское право (роль судебного права стало не только основой для становления английской правовой системы, но и всего общего права в целом.). Об этом свидетельствует изречение американского теоретика права Реско Паунда: «Статуты отстают перед устоявшимися навыками правового мышления, которое мы называем общим правом. Судьи и юристы, не колеблясь, утверждают, что существуют надконституционные ограничения законодательной власти, которые ставят догмы общего права за пределы досягаемости статутов» [9, с. 133].

Основными признаками английского конституционализма многие века и до сих пор являются верховенство парламента во взаимодействии и взаимоотношении трех властей: законодательной, исполнительной и судебной, ответственность министров за результаты своей деятельности перед парламентом, независимость судей,

судебный контроль за законностью арестов и лишением свободы граждан с возмещением причиненного морального вреда и любого другого в пользу пострадавшего.

Теперь рассмотрим сущность конституционных ценностей стран континентального права.

Франция. Неотъемлемой ценностью современного французского конституционализма, несомненно, является Декларация прав человека и гражданина 1789 года, которая стала прототипом для многих стран для принятия своих национальных основных законов. Автор не считает нужным выделять отдельные статьи из Декларации, так как они Декларации в совокупности образуют ее как систему ценностей, но все-таки есть статьи, которые и в отдельности содержат важнейшие конституционно-ориентирующие положения.

Люди рождаются и остаются свободными в правах (статья 1). Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению (статья 2). Источником суверенной власти является нация (статья 3). Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила; она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена (статья 12). Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции (статья 16) [21, с. 1—2]. Влияние французских мыслителей (Ж.Ж. Руссо, Ф. Вольтер, Д. Дидро, П. Гольбах и др.) эпохи просвещения на Декларацию сомнению не подлежит.

Германия. Как уже было указано автором, Германский конституционализм имеет свои особенности. Автор считает нужным подчеркнуть некоторые статьи Основного Закона ФРГ. Статья 1 Основного Закона закрепляет, что достоинство человека должно быть неприкосновенным. Часть 3 ст. 1 Основного закона устанавливает, что указанные в последующих статьях основные права обязывают законодательную, исполнительную и судебную власть как непосредственно действующее право [20, с. 15].

Еще одной ценностью германской конституции, несомненно, является часть 3 статьи 20 Основного закона, которая устанавливает: «Законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие — законом и правом» [20, с. 27]. Данную формулировку, без каких-либо сомнений, можно назвать проявлением кантовской доктрины правового государства в Основном законе.

Конечно же, следует учесть, что непосредственно само понятие правового государства в нем (Основном законе) не было отражено. Оно появилось позже, в 1992 г., когда в основной закон были внесены

поправки, определившие обязанности соблюдения принципов правового государства (статья 23) [20, с. 28—30].

Германия, Франция, Швейцария и остальные страны романо-германской правовой семьи развивали эти ценности и в точном соответствии с традициями континентального права. В то же время общепринятые правовые доктрины, в частности англо-американская доктрина верховенства права, в настоящее время уже стала общим достоянием человечества. В целом влияние доктрины верховенства права усиливается, привлекая все большее число государств, в том числе континентальной традиции права — второго источника идеи права как высшей ценности конституционного развития. Не подлежит сомнению тот факт, что сейчас доктрина верховенства права стала мировой доктриной. Вышесказанное обусловливается и тем, что на международном (ООН [18] и СЕ [19]) уровне принят ряд документов.

Никто не оспорит, что в настоящее время Федеративная Республика Германия не только в рамках Основного закона, но и в правоприменительной практике полноценно обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина. С точки зрения автора, это во многом заслуга Федерального Конституционного Суда. Может возникнуть вопрос, а почему страны постсоветского пространства не могут воплотить в жизнь конституционные формулировки? Ответ однозначен. Пока Конституционные Суды не смогут разрешать споры между различными ветвями властей, пока гражданин не сможет обратиться в Конституционный суд за защитой своих конституционных прав, пока не будут сформированы правовые механизмы для исполнения решений Конституционных Судов, постсоветские страны не будут иметь воплощенную в жизнь конституцию, т. е. возникнет оторванность конституции от конституционализма.

Автор не отрицает роль общества в формировании конституционной демократии, но в то же время хотим подчеркнуть, что интенциональность (целеустремленность) общества — необходимое, но не недостаточное условие для формирования конституционализма.

Как справедливо замечает конституционалист В. Рейнкуист, если бы в США проводился опрос на тему, какой должна быть Конституция США: живой или мертвой, то, несомненно, определяющее большинство сказали бы живой (опровергли бы только некрофилы) [17, с. 401]. Несомненно то, что лишь немногие понимают истиной смысл словосочетания «живая конституция».

На формирование конституционных ценностей в странах СНГ влияет также тот факт, что конституционное строительство

в Восточной Европе и в Азии началось после развала коммунизма с 1989 года [15, с. 12]. Автор надеется, что шаг за шагом страны постсоветского пространства достигнут того уровня конституционализма, что в настоящее время присущ Германии или Англии. Автор придерживается мнению председателя КС РФ В.Д. Зорькина о том, «что демократические ценности становятся для граждан ценностями в собственном смысле слова, только начиная с определенного уровня благосостояния общества» [5, с. 93].

Идеологи современного либерализма опираются на принципы автономии и независимости индивида и считают, что государство должно сокращать свое вмешательство в дела личности. Опасность чрезмерной государственной опеки состоит не столько в подавлении ее свободы, сколько в потере собственного, внутреннего иммунитета, позволяющего сопротивляться опасному влиянию чужого. Это происходит, когда государство отрывается от человека, бюрократизируется и начинает работать само на себя. Государственная власть должна быть ограничена прежде всего правами человека и гражданина. Между тем в Западной Европе процесс построения гражданского общества протекал медленно и сопровождался созданием институтов, ограничивающих произвол не только государства, но и индивида. Некоторые конституционалисты, которые отмечают ограничение национального суверенитета [народной власти — Д. Казарян]. Ограничителем в данном случае выступает не что иное, как природа прав человека [14, с. 298].

Обобщая вышеизложенное, констатируем, что западноевропейские страны достигли таких высот исключительно благодаря либеральному мышлению, чему способствовала замена одной общественной формации (феодальной) другой (капиталистической). С точки зрения автора, конституционализм как субстанция конституционной аксиологии может реально функционировать лишь в либеральном (свободном) социуме. В современных реалиях среди основных ценностей конституций западноевропейских стран можно назвать их антропоцентричность, т. е. превалирование прав человека, демократию, либерализм, верховенство права и т. д.

Список литературы:

1. Аничкин Е.С., Рудт Ю.А. Соотношение универсальных и национальных конституционных ценностей в странах Европейского Союза. Конституционная аксиология в практике органов конституционной юстиции: российский и зарубежный опыт// Вестник Алтайской академии экономики и права. — № 2 (29). — 2013. — С. 86—88.

2. Арутюнян Г.Г. Конституционализм: уроки, вызовы, гарантии// Сборник избранных публикаций и выступлений на международных форумах, посвященных данной проблематике. Киев: Логос, 2011. — 308 с.
3. Арутюнян Г.Г.: Подлинное лицо трансформационного конституционализма (2012, декабрь 24)/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: // <http://www.concourt.am/>.
4. Богданова Н.А. Идеология Конституции и ее отражение в принципах конституционного строя// Конституция Российской Федерации и развитие в современный период/ Материалы Всероссийской научной конференции. Т. 1. М., 2003. — С. 20—22.
5. Зорькин В.Д. Конституция в XXI веке / 2-е изд., доп. М., 2008. — 591 с.
6. Исаева Н.В. Конституция Российской Федерации как объект идентификации: К вопросу о конституционных ценностях в системах правовой идентичности личности// Актуальные проблемы Российского права. — № 3. — 2009. — С. 123—129.
7. Конституционное право зарубежных стран: Учебник/ под об. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2012. — 1088 с.
8. Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: Актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. М.: Юрист, — 2007. — № 2. — С. 7—14/.
9. Лафитский В.И. Право как высшая ценность конституционного развития (очерк исторического и сравнительно-правового исследования). — Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания / Сборник статей под редакцией Е.Г. Тарло, Д.В. Кравченко. М., 2013. — С. 126—168.
10. Понторо М.К. Европейская конституция и национальные конституционные идентичности // Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности: Сборник научных трудов/ Отв. Ред. Е.В. Алферова, Г.Н. Андреева. М., 2011 (244 с.) — С. 146—149.
11. Страшун Б.: Конституционализм: идеал, реальность и возможная перспектива// Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (84) 2011 М., — С. 43—48.
12. Малько М. П. Предмет конституционной аксиологии: Вестник Челяб. гос. унив. — 2010. — № 19 (200). — Вып. 24. — С. 34—38.
13. Petersmann E.U. National Constitutions, Foreign Trade Policy and European Community Law // European Journal of International Law. — 1992. — Vol. 3. — p. 1—35.
14. Luhterhand O. Human Rights and Separation of Powers: Universal Factors of the Constitutionalization of State Power and the Limitation of National Sovereignty. (New Millennium Constitutionalism: Paradigms of Reality and Challenges. Published on the Initiative and with a Foreword of Dr. G.G. HARUTYUNYAN.): NJHAR Yerevan, 2013. — P. 526.

15. Rosenfeld M., Sajó A. Constitutionalism: Foundations For The New Millennium; (New Millennium Constitutionalism: Paradigms of Reality and Challenges. Published on the Initiative and with a Foreword of Dr. G.G. HARUTYUNYAN); NJHAR Yerevan, 2013. — P. 526.
16. Rossi L.S. How Fundamental are Fundamental Principles? Primacy and Fundamental Rights after Lisbon // Yearbook of European Law. 2008. — p. 65—87.
17. The notion of a living constitution: W. H. Rehnquist Harvard Journal of Law & Public Policy [Vol. 29] — p. 401—415.
18. United Nations declaration of the high-level Meeting of the 67th Session of the General Assembly on the Rule of law at the national and International levels. 2012)/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: (<http://www.ipu.org/splz-e/unbrief12/dr-declaration.pdf>).
19. CDL-AD (2011) 003 rev report on the rule of law Adopted by the Venice Commission at its 86th plenary session (Venice, 25—26 March 2011)/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: www.concourt.am.
20. Basic Law for the Federal Republic of Germany. Published by: German Bundestag Public Relations Division Platz der Republik 1, 11011 Berlin) Print version As at: October 2010 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://www.btg-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf>.
21. Declaration of human and civil rights of 26 august 1789. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/anglais/cst2.pdf.

СЕКЦИЯ 7.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БЕЖЕНСТВА

Гафаровский Дмитрий Олегович

*аспирант, Институт России и Восточной Европы
Ягеллонский Университет,
Польша, г. Краков*

E-mail: dymitr.gafarowski@interia.pl

INTERNATIONAL LAW AS AN INSTRUMENT OF REFUGEES FLOWS PREVENTION

Gafarowski Dymitr

*Ph.D. student, Institute of Russian and East European Studies
Jagiellonian University,
Poland, Cracow*

АННОТАЦИЯ

В статье ставится задача рассмотреть эффективность применения международного права в области предотвращения беженства. В частности анализируется потенциал традиционных международно-правовых способов, приемов и методов в области мирного разрешения международных споров для разработки превентивных стратегий предотвращения беженства. Проведенный анализ показал, что традиционные инструменты международного права, несмотря на все свои недостатки, могут найти эффективное применение, особенно как дополнение к политическим мерам, в сфере предупреждения и искоренение беженства.

ABSTRACT

The present article focuses on the efficiency of international law application in relation to refugee prevention. The main attention is paid to the analysis of the potential of traditional legal means, techniques

and methods of peaceful dispute settlement so as to make it possible to develop strategies for the prevention of the refugee phenomenon. The research reveals that conventional instruments of international law, in spite of their weaknesses, can be applied effectively, especially as the complement to political measures for refugee movement prevention and elimination.

Ключевые слова: международное право; предотвращение беженства.

Keywords: international law; refugee prevention.

Вопросы, связанные с беженством и вынужденной миграцией, несмотря на свое многовековое присутствие в истории человечества, долгое время оставались за рамками исследований научного сообщества. Одними из первых интерес к общим проблемам территориальной мобильности проявили еще в XIX в. представители географических наук, демографии и статистики. Проблематика же вынужденного перемещения населения оказалась в центре внимания исследователей, представляющих различные научные дисциплины, только в XX веке, получившим название «столетие вооруженных конфликтов и войн». Необходимо отметить, что начиная с начала XX в. проблема беженства и ее разрешение становится предметом все большего количества исследований историков и юристов, а со второй половины XX в. — социологов, антропологов, политологов, экономистов и представителей других общественных и гуманитарных дисциплин. В статье проводится обзор основной юридической литературы в области проблемы беженства.

Для представителей юридической науки и практики особый интерес вызывает, чаще всего, проведение анализа различных источников права, определяющих юридический статус беженцев, а также проведение исследований, посвященных влиянию законодательных актов на уровень вынужденной миграции. Документы международного права, регулирующие правовое положение беженцев в первой половине XX в., а также уставы межправительственных организаций по оказанию помощи беженцам в отмеченный период были предметом исследования многих ученых [16; 17], включая также современных [13, с. 348—380]. Трагический опыт второй мировой войны способствовал ускорению развития правовых институтов, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами, что непосредственно отразилось на расширении прав беженцев в международном праве. В связи с этим, принятые в данный период универсальные [11; 22] и региональные [1; 23] международные инструменты, а также официальные документы,

принятые УВКБ ООН и его исполнительным комитетом, стали толчком к проведению исследований для многих представителей юридической науки и практики. Среди богатой юридической литературы, связанной со статусом и положением беженцев в международном праве, необходимо отметить работы следующих авторов: Г.С. Гудвин-Гилла [9], Г.С. Гудвин-Гилла и Д. МакАдама [10], А. Грахл-Мадсен [12], а также Д.С. Хатавэя [14]. Однако без труда можно заметить, что большая часть юридической литературы посвящена вопросам, связанным с определением понятия беженец, правовым положением беженцев и их защитой в принимающих государствах, переселением, репатриацией и т. д., т. е. направлена преимущественно на разрешение следствий проблемы беженства. Необходимо подчеркнуть, что проблематика причин беженства долгое время практически полностью игнорировалась. Как отмечает Б. Вежбицки [24, с. 10—16], это связано было, главным образом, с разделением двух отраслей международного права: права беженцев и права прав человека. Такое разделение привело, по сути, к ликвидации фундаментального принципа, согласно которому беженцы являются людьми, обладающими всеми правами человека независимо от «позитивных» прав беженцев [24, с. 12]. Отмеченное выше разделение препятствовало проведению комплексных исследований, сочетающих в себе использование инструментов отдельных отраслей международного права, которые позволили бы провести всесторонний анализ причин и следствий беженства. Вместе с распространением в 80-х гг. XX в. модернизированного восприятия данного вопроса, в соответствии с которым право стало считаться единым и неделимым, ситуация изменилась коренным образом, и права человека начали отождествляться с универсальными принципами, наделяющими право канонической согласованностью [24, с. 12]. На фоне отмеченных изменений появились первые юридические исследования в сфере первопричин беженства (*root causes*), главная задача которых сводилась к нахождению возможных путей разрешения кризиса беженства. Особый интерес у исследователей вызывал потенциал различных средств (особенно в области мирного урегулирования международных споров и обеспечения соблюдения прав человека в странах происхождения) в отношении превентивных стратегий предотвращения беженства. Подробный анализ юридических исследований, связанных с вопросами *root causes* и превентивной защиты, проведен в работах Г. Гилберта [7, с. 413—436; 8, с. 207—228], Г.С. Гудвин-Гилла [9, с. 282—295] и А.С. Хелтона [15, с. 160—165].

Представители юридической науки часто обращают внимание на то, что традиционные международно-правовые способы, приемы

и методы в области мирного разрешения международных споров имеют значительный потенциал для разработки превентивных стратегий предотвращения беженства, особенно когда споры и противоречия могут перерасти в конфликт и вызвать вынужденное перемещение населения [9, с. 283]. В этом контексте особого внимания заслуживают институты следственных и согласительных комиссий, так как установление истинных фактов является необходимым условием эффективности процесса принятия решений, а также основой всех других правовых инструментов и механизмов разрешения споров. Несмотря на то, что данные средства урегулирования международных споров появились еще на рубеже XIX и XX вв. на основе постановлений Гаагской конвенции 1899 г. и Трактатов Бриана (Bryan) 1913—1914 гг., их применение в международной практике не получило широкого распространения [4, с. 345, 347]. В значительной степени это было связано с тем, что в компетенцию следственной комиссии входит лишь установление фактов, а результат ее работы, представляемый, как правило, в форме доклада, не имеет для сторон обязательного характера [19, с. 524]. Постановления согласительных комиссий, которые хоть и получили более широкие полномочия и возможность предлагать варианты разрешения спорных вопросов, не имеют непререкаемой обязательности для исполнения [3, с. 237].

Другим институтом, имеющим огромный потенциал мирного разрешения спорных ситуаций, которые могут привести к беженству, является международный арбитраж, т. е. международный третейский суд. Сущность арбитража заключается в том, что разбирательство спора происходит на основе соглашения сторон и производится отдельным лицом (арбитром) или группой лиц (арбитрами), решения которых обязательны для сторон и не подлежат обжалованию (если стороны не договорились иначе). В настоящее время институт международного арбитража часто становится объектом критики и поэтому все реже используется в международной практике. Данное утверждение подтверждается значительным уменьшением количества третейских судов с момента окончания второй мировой войны по сравнению с первой половиной XX века [4, с. 352]. Ограничение использования средств международного права в области мирного урегулирования споров, как точно подметили Ф.С. Нортедге (F.S. Northedge) и М.Д. Донелан (M.D. Donelan), связано с тем, что решения «должны основываться прежде всего на политических, а не правовых средствах и инструментах, а также скорее на попытках сбалансировать противоречащие интересы, переговорах, медиации

и поиске взаимоприемлемых решений, чем на судебном процессе» [21, с. 320].

Необходимо отметить, что вместе с распадом биполярной международной системы произошло качественное изменение явления беженства. Современное беженство является результатом преимущественно внутригосударственных, а не, как это было ранее, межгосударственных конфликтов [18, с. 171; 25, с. 416; 5, с. 13]. Данные изменения привели к тому, что традиционные средства международного права, направленные, главным образом, на урегулирование межгосударственных споров, в значительной степени утратили свое значение. Однако, по мнению Г.С. Гудвин-Гилла [9, с. 290], это совсем не означает, что они должны быть полностью исключены из международной практики. Все еще они могут находить успешное применение в разрешении многих внутригосударственных споров, механизма возникновения и развития которых аналогичен механизму присущему межгосударственным спорам. В частности, они могут быть использованы при разрешении споров, связанных с вопросами национальных меньшинств и получения автономии [9, с. 290]. В таких случаях данные средства имеют огромный потенциал, особенно при их использовании на региональном уровне [2, с. 207—219; 6, с. 119—130].

На основании вышеизложенного автор сделал вывод, что рассмотренные в статье традиционные международно-правовые средства мирного разрешения споров, несмотря на все свои недостатки, могут найти эффективное применение, особенно как дополнение к политическим мерам, в сфере предупреждения и предотвращения беженства.

Список литературы:

1. Arboleda E. Refugee Definition in Africa and Latin America: The Lessons of Pragmatism // *International Journal of Refugee Law*. — 1991. — vol. 3. — № 2. — С. 185—207.
2. Bakwesegha C.J. The Role of Organization of African Unity in Conflict Prevention, Management and Resolution // *International Journal of Refugee Law*. — 1995. — vol. 7. — Special Issue-Summer. — С. 207—219.
3. Bar-Yaacov N. *The Handling of International Disputes by Means of Inquiry*. Oxford: Oxford University Press, 1974.
4. Bierzanek R., Symonides J. *Prawo międzynarodowe publiczne*. Warszawa: LexisNexis, 2002.
5. Bourtus-Ghali B. *Program dla pokoju 1995*. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 1995.

6. Dieng A. Addressing the Root Causes of Forced Displacement in Africa: A Theoretical Model // *International Journal of Refugee Law*. — 1995. — vol. 7. — Special Issue-Summer. — C. 119—130.
7. Gilbert G. Root Cause and International Law: Refugee Flows in the 1990s? // *Netherland Human Rights Quarterly*. — 1993. — vol. 11, — № 4. — C. 413—436.
8. Gilbert G. The Best ‘Early Warning’ is Prevention: Refugee Flows and European Responses // *International Journal of Refugee Law*. — 1997. — vol. 9. — № 2. — C. 207—228.
9. Goodwin-Gill G.S. *The Refugee in International Law*. 2-nd edition. Oxford: Clarendon Press, 1996.
10. Goodwin-Gill G.S., McAdam J. *The Refugee in International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
11. Grahl-Madsen A. *Commentary on the Refugee Convention*. Centre for Documentation and Research. Geneva: UNHCR, 1963.
12. Grahl-Madsen A. *The Status of Refugees in International Law*. 2 vols. Leyden: A. W. Sijthoff, 1972.
13. Hathaway J.C. The Evolution of Refugee Status in International Law: 1920—1950 // *International and Comparative Law Quarterly*. — 1984. — vol. 33 — № 2. — C. 348—380.
14. Hathaway J.C. *The Rights of Refugees under International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
15. Helton A.C. The Legal Dimension of Prevention Forced Migration / Azrael J.R., Payin E.A. (eds.). *Cooperation and Conflict in the Former Soviet Union: Implications for Migration*, Santa Monica, Washington: RAND Center for Russian and Eurasian Studies, 1996. — C. 160—165.
16. Holborn L. The Legal Status of Political Refugees, 1920—1938 // *American Journal of International Law*. — 1938. — vol. 32. — № 4. — C. 680—703.
17. Lewis R., Schibsbly M. Status of the Refugee Under American Immigration Laws // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 1939. — vol. 203. — C. 74—82.
18. Loescher G. Protection and Humanitarian Action in the Post-Cold War Era / Zolberg A.R., Benda P. M. (eds.). *Global Migrants, Global Refugees. Problems and Solutions*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2001. — C. 171—206.
19. Makowski J.E. *Podręcznik Prawa Międzynarodowego*. Warszawa: Biblioteka Zrzeszenia Prawników Demokratów, 1948.
20. Manson E. Sources of International Refugee Law: A Bibliography // *International Journal of Refugee Law*. — 1996. — vol. 8. — № 4. — C. 597—621.
21. Northedge F.S., Donelan M.D. *International Disputes: The Political Aspects*. London: Europa Publications Ltd., 1971.

22. Robinson N. Convention Relating to the Status of Refugees: It's History, Contents, Interpretation. A Commentary. Geneva: Institute of Jewish Affairs, World Jewish Congress, 1953.
23. Rwelamira M. Two Decades of the 1969 OAU Convention Governing the Specific Aspects of the Refugee Problem in Africa // International Journal of Refugee Law. — 1989 — vol. 1 — № 4. — C. 557—561.
24. Wierzbicki B. Sytuacja prawna uchodźcy w systemie międzynarodowej ochrony praw człowieka. Białystok: AG Red, 1993.
25. Zolberg A.R. The Next Waves: Migration Theory for a Changing World // International Migration Review. — 1989. — № 3. — C. 403—430.

СЕКЦИЯ 8.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

ПОРЯДОК ВЫНЕСЕНИЯ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ

Насонов Сергей Александрович

*канд. юрид. наук, доцент Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

РФ, г. Москва

E-mail: sergei-nasonov@yandex.ru

VERDICT PROCEDURE BY THE JURY

Sergey Nasonov

*candidate of Juridical Sciences, associate professor
of Kutafin Moscow State Law University (MSLA),*

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена законодательному регулированию порядка вынесения вердикта присяжными заседателями и некоторым проблемам, возникающим в судебной практике, применительно к различным аспектам этого порядка.

В статье раскрываются особенности регламентации голосования присяжных заседателей, формы ответов на поставленные вопросы, обязательность указания на результат подсчета голосов, оформление вердикта и т. д.

ABSTRACT

The article is devoted to legislative control of verdict procedure by the jury and to some problems appearing in judicial practice with regard to different aspects of this procedure.

The article deals with regulation peculiarities of poll of the jury, response forms to the raised questions, obligatoriness of directions for return, execution of a verdict etc.

Ключевые слова: производство в суде присяжных; порядок вынесения вердикта; вердикт присяжных заседателей; единодушное решение присяжных; голосование присяжных заседателей; вопросный лист.

Keywords: proceeding in jury; verdict procedure; verdict of the jury; unanimous decision of the jury; poll of the jury; question list.

Согласно ч. 1 ст. 343 УПК РФ присяжные заседатели при обсуждении поставленных перед ними вопросов должны стремиться к принятию единодушных решений по каждому из них. Желательность вынесения единодушного решения определяется важностью вопросов, которые разрешаются присяжными. Закон настраивает присяжных заседателей на максимально ответственное и полное обсуждение поставленных перед ними вопросов, чтобы исключить ошибочное, поспешное решение. Единодушное решение, кроме того, усиливает доверие общества к вердикту присяжных заседателей. Верховный Суд РФ отметил, что «... единодушность вердикта свидетельствует об отсутствии у коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта сомнений по поводу каких-либо фактических обстоятельств содеянного» [1].

Для вынесения единодушного решения по всем, поставленным перед ними вопросам, закон предоставляет присяжным заседателям три часа.

Для принятия решения по большинству голосов необходимо время сверх указанных в законе трех часов. Поэтому отражение в протоколе судебного заседания времени нахождения присяжных в совещательной комнате «три часа» с результатами голосования по большинству голосов свидетельствует о нарушении ч. 1 ст. 343 УПК РФ. Истечение трех часов для проведения такого голосования обязательно. Во избежание отступлений от этого требования необходимо указывать в протоколе судебного заседания время удаления комплектных присяжных заседателей в совещательную комнату и время их возвращения в зал судебного заседания после подписания вопросного листа. Это означает, что если присяжные прервали совещание с просьбой к председательствующему разъяснить им возникший на совещании вопрос (ст. 344 УПК РФ), то время продолжительности такого перерыва также следует отражать в протоколе судебного заседания, как и время начала и окончания перерыва для отдыха присяжных заседателей.

Несоблюдение порядка проведения совещания присяжных заседателей в части, касающейся времени, по истечении которого

принимается решение большинством голосов в результате голосования, признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона [8].

При проведении голосования в случаях, когда единодушие по поставленным вопросам не достигнуто, обвинительный вердикт считается принятым, если за утвердительный ответ по каждому из трех основных вопросов проголосовало большинство присяжных заседателей.

Если за отрицательный ответ хотя бы на один из этих вопросов голосовало не менее шести присяжных, считается принятым оправдательный вердикт.

На «другие» вопросы ответы определяются простым большинством голосов, а если они разделились поровну, то принимается также наиболее благоприятный для подсудимого ответ. Под «другими вопросами», порядок дачи ответов на которые регламентирована ч. 4 ст. 343 УПК РФ, следует понимать те частные вопросы, которые ставятся присяжным заседателям после основного вопроса о виновности (ч. 3 ст. 339 УПК РФ).

На каждый вопрос, поставленный в вопросном листе, дается ответ в утвердительной форме: «да» или отрицательный «нет» с обязательными кратким пояснением («да, доказано», «да, виновен» и др.).

Ответы заносятся старшиной в вопросный лист непосредственно после каждого из соответствующих вопросов. Иной способ заполнения вопросного листа признается нарушением уголовно-процессуального закона: «Вопреки требованиям закона (ч. 8 ст. 343 УПК РФ) ответ на вопрос № 13 внесен старшиной присяжных заседателей в вопросный лист не непосредственно после вопроса, а на оборотной стороне другого листа. Вердикт содержит большое количество недопустимых исправлений» [2].

Если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий, старшина, с согласия большинства, вписывает после него слова «без ответа». Верховный Суд РФ отметил, что «...по смыслу закона, подобный вариант ответа — это право присяжных заседателей, но не их обязанность. Подобную конструкцию ответа старшина может применить лишь с согласия большинства присяжных заседателей.

Если такого большинства не будет, старшина обязан вносить отрицательный ответ на все либо часть основных вопросов в рамках одного деяния при голосовании за такой ответ шести и более присяжных заседателей» [3].

Если ответ на вопрос принимался голосованием, старшина указывает после ответа результат подсчета голосов. Несоблюдение этого требования признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора [7, с. 89].

В соответствии с ч. 6 ст. 343 УПК РФ, при вынесении вердикта «виновен» присяжные заседатели вправе изменить обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого, путем исключения из признанных доказанными события преступления и причастности к его совершению подсудимым отдельных обстоятельств. Возможность такой формы ответов присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы, должен разъяснить председательствующий в напутственном слове [6, с. 102].

Верховный Суд РФ не рассматривает реализацию присяжными заседателями указанного права как проявление противоречивости вердикта: «Доводы жалоб осужденного о том, что вердикт коллегии присяжных заседателей является противоречивым, так как присяжными заседателями признано единогласно доказанным, что деяние имело место за исключением «... и его семьи (жены, сына и дочери)», являются несостоятельными.

В соответствии с ч. 6 ст. 343 УПК РФ, при вынесении вердикта "виновен" присяжные заседатели вправе изменить обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого» [4].

Вопросный лист с ответами коллегии присяжных подписывается старшиной присяжных заседателей. Остальные присяжные заседатели его подписывать не должны.

Верховный Суд РФ не оценивает наличие отдельных опечаток в вопросном листе как существенное нарушение уголовно-процессуального закона [5].

Список литературы:

1. Кассационное определение ВС РФ от 06.03.2013 г. № 22-013-2сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).
2. Кассационное определение СК УД ВС РФ от 26.10.2010 г. № 31-О10-24сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).
3. Кассационное определение СК УД ВС РФ от 17.04.2013 г. № 72-О13-22сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).
4. Кассационное определение СК УД ВС РФ от 29.01.2013 г. № 19-О13-1СП [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).

5. Кассационное определение СК УД ВС РФ от 14.06.2012 г. № 84-О12-11СП [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).
6. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М.: Р. Валент., 2006.
7. Насонов С.А. Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. М.: Р.Валент, 2003.
8. Определение СК УД ВС РФ от 01.03.2005 г. № 51-О05-8сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).
9. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.03.2014).

СЕКЦИЯ 9.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БАНКРОТСТВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НУЖДЫ КАК ПРИЗНАК ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

Малолетнева Веста Константиновна

*аспирант Института экономико-правовых исследований
НАН Украины,*

Украина, г. Донецк

E-mail: vessta18@yandex.ru

STATE PURPOSES AS A SPECIFIC FEATURE OF GOVERNMENT PROCUREMENT AND STATE ORDER (A CASE-STUDY ON UKRAINE)

Maloletneva Vesta Konstantinovna

*post-graduate Student of the Institute of Economics and Legal Research
of the National Academy of Sciences,*

Ukraine, Donetsk

E-mail: vessta18@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется такой признак государственных закупок Украины как особая цель их осуществления — удовлетворение государственных нужд. Автором проводится сравнение функций государственных закупок и государственного заказа, а также анализ значения категории государственных нужд при формировании и реализации государственного заказа.

ABSTRACT

The present paper is dedicated to the problem of defining the notion of government procurement in Ukraine. In this context a specific feature of government procurement, namely, state (governmental) purposes is analyzed in the article. Additionally, the author of the article conducted the analysis of significance of state (governmental) purposes in formation and implementation of state order as well as the comparison of the functions of government procurement and state order.

Ключевые слова: государственные закупки; государственный заказ; государственные нужды.

Keywords: government procurement; state order; state (governmental) purposes (needs).

Украинскими исследователями в настоящее время ведется дискуссия относительно определения понятия государственных закупок [19; 26]. Согласно ст. 1 Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок» государственные закупки — это приобретение заказчиком товаров, работ и услуг за государственные средства в порядке, установленном настоящим Законом [7]. Из данного определения можно выделить основные признаки государственных закупок: 1) особый субъект — заказчик, который определяется как распорядитель государственных средств; 2) источники финансирования закупок — государственные средства. Некоторыми авторами выделяется отдельный признак государственных закупок — особая цель их осуществления. Предлагается определять государственные закупки, как закупки осуществляемые с особой целью — для удовлетворения государственных нужд, определяя их как общественные нужды в товарах, работах и услугах, которые имеют высокую степень социальной необходимости и обеспечиваются за счет государственных средств [26, с. 8, 13]. Однако, такая точка зрения является спорной, так как закрепление данного признака государственных закупок может привести к возникновению проблем на практике.

Целью данного исследования является определение роли такого признака государственных закупок как особая цель их осуществления, а именно удовлетворение государственных нужд. Кроме того, цель работы заключается в установлении функций государственных закупок и государственного заказа, а также значения такого признака как особая цель осуществления — удовлетворение государственных нужд при формировании и реализации государственного заказа.

Для проведения исследования необходимо установить содержание и разницу таких понятий как нужда и потребность, которые в научной литературе часто употребляются как взаимозаменяемые. В украинской научной литературе и законодательстве понятия нужда и потребность употребляются как синонимы. В русско-украинских и украинско-русских словарях перевод понятия «потребность» осуществляется через понятие «нужда» и наоборот [1, с. 114, с. 450; 6, с. 267]. Кроме того, такой позиции придерживается и российский законодатель. Например, в Законе Российской Федерации (далее — РФ) от 28 мая 1992 г., который уже утратил силу, государственные нужды определялись как *потребность* РФ в продукции, необходимой для решения общенациональных проблем, реализации социально-экономических, оборонных и научно-технических, природоохранных и других целевых программ, а также иных задач. В качестве «потребности» РФ или ее субъектов государственные нужды понимались и в других законах. В ч. 1 ст. 3 Федерального Закона (далее — ФЗ) РФ «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» государственные нужды также определялись как *потребность* в товарах, работах, услугах, необходимых, например для осуществления функций и полномочий РФ, государственных заказчиков и т. д. Таким образом, по мнению законодателя, нужда — это потребность [5, с. 47]. Если обратиться к толковым словарям, можно прийти к выводу, что нужда определяется как потребность в чем-либо или в ком-либо [10, с. 421; 24]. Кроме того, в экономическом словаре Б.А. Райзберга указывается понятие потребности, которое определяется как виды продукции, товаров, услуг, вещей, в которых *нуждаются* люди, которые они желают, стремятся иметь, использовать [21, с. 258]. По содержанию данное понятие совпадает с определением государственных и муниципальных нужд, приведенном в проекте Федерального Закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг», согласно которому данные нужды — это товары, работы и услуги необходимые для осуществления государственных функций и т. д. [18]. Исходя из вышеизложенного, в тексте статьи такие понятия как «нужда» и «потребность» употребляются в качестве синонимов.

В настоящее время Украина ведет переговоры по присоединению к Соглашению Всемирной торговой организации по государственным закупкам (далее — СГЗ). Кстати, РФ уже получила официальный статус наблюдателя в Комитете ВТО по государственным закупкам, и обязана в течение четырех лет с момента обретения членства в ВТО

инициировать переговоры по присоединению к СГЗ. Соглашение было принято в 1994 г. [28]. В 2006 г. в нее были внесены изменения, и в ближайшем времени новая редакция СГЗ должна вступить в силу [29]. Изменения в Соглашении коснулись определения государственных закупок, что привело к некоторым коллизиям в практике осуществления закупок в рамках ВТО. Новое понятие государственных закупок закрепляет, что закупки должны осуществляться для «государственных нужд», что не требовалось в предыдущей редакции Соглашения 1994 г. Поскольку определение понятия «государственные нужды» не содержится в тексте СГЗ, это создает проблему в решении того, какие именно закупки должны включаться в сферу действия Соглашения. Как отмечается в зарубежной литературе, главный вопрос заключается в том, могут ли закупки государственных заказчиков для собственных потребностей считаться такими, которые направлены на удовлетворение государственных нужд [30, с. 909]. Следует отметить, что в Договоренности о толковании ст. XVII ГАТТ 1994 г. проводится разграничение между импортом для государственных (правительственных) нужд и для использования государственными (правительственными) предприятиями [2]. Если понятие государственные (правительственные) нужды не включает закупки для собственных потребностей заказчика, большинство закупок, особенно государственных и коммунальных предприятий, не будут охватываться Соглашением. Это в свою очередь уменьшает эффективность сферы действия Соглашения [30, с. 910].

По мнению П. Ванга, включение в ст. II СГЗ 2006 г. такой фразы как «для государственных нужд» обуславливается формальным приведением формулировки определения государственных закупок СГЗ в соответствие со ст. III:8 ГАТТ и ст. XIII:1 ГАТС, которые содержат исключения госзакупок из принципа недискриминации и наибольшего благоприятствования, а следовательно не уменьшают сферу действия Соглашением. Установление указанного требования приводит к проблемам в определении того, что именно охватывается понятием государственных закупок [30, с. 910]. Вследствие чего страны-участницы Соглашения во время определения его сферы действия используют понятие государственных закупок, которое закреплено в национальном законодательстве. Например, Канада в Приложении сферы действия СГЗ закрепила собственное определение государственных закупок, согласно которому к ним не относятся закупки между двумя государственными заказчиками или государственными предприятиями [27]. Такая тенденция делает СГЗ обязательным лишь на уровне базовых принципов недискриминации

и наибольшего благоприятствования, оставляя процедурные правила на усмотрение стран-участниц, что значительно затрудняет доступ к рынкам вследствие отсутствия унифицированных международных правил в сфере госзакупок.

В законодательстве РФ такой признак как государственные и муниципальные нужды играет принципиальную роль при определении государственного заказа. Например, согласно ст. 1 ФЗ «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» сфера действия данного нормативного акта распространялась на отношения, связанные с размещением заказов для удовлетворения государственных, муниципальных нужд и потребностей бюджетных учреждений. При этом в указанном Законе давалось определение как государственных и муниципальных нужд, так и нужд бюджетных учреждений. Например, под государственными нуждами понимались потребности РФ, государственных заказчиков, которые обеспечиваются за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов РФ и внебюджетных источников финансирования, в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий РФ, государственных заказчиков (в том числе и для реализации федеральных целевых программ), для исполнения международных обязательств РФ, в том числе для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует РФ, либо потребности субъектов РФ, государственных заказчиков в товарах, работах и услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий субъектов РФ, государственных заказчиков, в том числе для реализации региональных целевых программ [17].

Вышеуказанный проект ФЗ «О Федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» также закреплял понятие государственных и муниципальных нужд. При этом, попытки закрепить универсальное определение государственных (муниципальных) нужд привели как к возникновению проблем на практике, так и к дискуссиям среди ученых относительно разграничения государственных (муниципальных) нужд и собственных потребностей заказчиков.

Некоторые авторы отрицают наличие собственных нужд заказчиков и относят их к потребностям государственным (муниципальным) [23, с. 10; 5, с. 54], другие предполагают возможность существования у государственных и муниципальных заказчиков собственных потребностей, которые являются отличными от государственных [3, с. 21]. Для решения данной проблемы законодателем

к определению государственных и муниципальных нужд была добавлена категория потребностей государственных и муниципальных заказчиков, то есть, под государственными и муниципальными нуждами понимались не только потребности соответствующего публично-правового образования (РФ, субъектов РФ, муниципальных образований), но и потребности государственных и муниципальных заказчиков. Следовательно, государственные и муниципальные заказчики обязаны размещать заказы в соответствии с требованиями законодательства [6, с. 54].

Как указывают некоторые российские авторы, именно цель заключения государственного или муниципального договора — обеспечение государственных или муниципальных нужд, является квалифицирующим признаком поставки товаров. Однако, в связи с отсутствием четких признаков содержания таких потребностей и объективного выражения данной цели, невозможно квалифицировать договор таковым, принимая во внимание указанный признак в качестве единственного основания. Вследствие этого квалификация поставки товаров для государственных или муниципальных нужд является возможной только при совокупности основных признаков, например, таких как особый субъект, финансирование и т. д. П.С. Тарабаев приходит к заключению, что главным критерием для отнесения потребности в государственных выступает источник финансирования — бюджетные средства [23, с. 10]. Исходя из этого, можно сделать вывод о формальной роли понятия государственных и муниципальных нужд в законодательстве РФ, ведь фактически решающее значение играют источники финансирования государственного заказа и субъекты — государственные заказчики, которые являются распорядителями бюджетных средств.

Согласно украинского законодательства, даже если заказчик будет осуществлять закупку для удовлетворения собственных нужд, однако финансироваться такая закупка будет за счет государственных средств, он обязан соблюдать требования законодательства по госзакупкам, то есть, финансирование играет решающую роль.

Следовательно, выделение такого признака государственных закупок как «удовлетворение государственных потребностей» является нецелесообразным и может привести к возникновению проблем на практике. Кроме того, нецелесообразность выделения данного признака именно для государственных закупок обуславливается и самой сущностью госзакупок, которые являются лишь инструментом эффективного и рационального использования государственных средств и должны использоваться преимущественно для материально-

технического обеспечения заказчиков. Однако, категория государственных нужд должна играть важную роль в отношениях по формированию и реализации государственного заказа, которое выступает не просто инструментом рационального использования государственных финансов, а является одним из основных средств государственного регулирования хозяйственной деятельности. С помощью государственного заказа удовлетворяются как общественные потребности (достигается поддержка отечественных товаропроизводителей, стабильность важнейших отраслей экономики, формируются стратегические резервы государства, обеспечиваются прогрессивные структурно-технологические изменения в производстве), так и частные интересы конкретных субъектов хозяйствования путем обеспечения их гарантированным уровнем загрузки производственных мощностей [20, с. 8; 4, с. 8]

В Украине кроме института государственных закупок, общие положения о которых установлены в Законе Украины «Об осуществлении государственных закупок», существует институт государственного заказа, нормы о котором закреплены в Хозяйственном кодексе Украины (далее — ХКУ) [25] и в Законе Украины «О государственном заказе для удовлетворения приоритетных государственных потребностей» [11].

Если в Законе Украины «Об осуществлении государственных закупок» решающую роль в определении госзакупок играет такой признак как источник финансирования — государственные средства [7] то в ХКУ и Законе Украины «О государственном заказе для удовлетворения приоритетных государственных потребностей» для определения государственного заказа кроме государственных средств, принципиальное значение имеет такое понятие как «приоритетные государственные нужды». Ст. 13 ХКУ и ст. 1 Закона Украины «О государственном заказе для удовлетворения приоритетных государственных потребностей» определяют государственный заказ как средство государственного регулирования экономики путем формирования на договорной основе состава и объемов продукции (работ, услуг) для государственных нужд, размещение государственных контрактов на поставку (закупку) продукции (выполнения работ, оказания услуг) среди субъектов хозяйствования, независимо от их формы собственности. Именно приоритетные государственные потребности выступают одним из признаков разграничения государственных закупок и государственного заказа.

Если теоретически понятие государственных нужд имеет принципиальное значение при определении государственного заказа, то в практике хозяйствования оно не играет почти никакой роли, что объясняется несовершенством нормативно-правовой базы.

Определение приоритетных направлений госзаказа отнесено к компетенции Кабинета Министров Украины (далее — КМУ). При отсутствии какого-либо нормативно закреплённого методического обоснования выбора приоритетов последний делает это по собственному усмотрению, поэтому установленные направления не согласуются с приоритетами, закреплёнными в стратегических и программных документах страны. Они не соотносятся с важнейшими государственными целевыми программами и согласно выводам Счетной палаты Украины практически не имеют влияния на развитие экономики и удовлетворение общественных нужд [4, с. 8]. Из 120 государственных (целевых) программ лишь треть были учтены при формировании госзаказа в 2010—2011 гг., с 2005 г. не пересматривались его критерии [22]. Согласно Постановлению КМУ № 689 «О государственном заказе на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на 2012 г.» направлениями государственного заказа определены только сферы культуры, выпуска печатной продукции, получения прироста запасов полезных ископаемых, поставки продукции социального назначения, проведения земельной реформы, разработки важнейших новейших технологий [12]. Указанные направления устанавливались и в предыдущих Постановлениях о объемах государственного заказа на 2009 г., 2010 г., и 2011 г. [13, 14, 15], то есть остаются без изменений. Следует отметить, что объемы финансирования указанных направлений являются мизерными. В 2011 г. расходы для госзаказа на поставку продукции социального назначения составляли лишь 275 тыс. грн. [15]. По сравнению с государственными закупками расходы на государственный заказ являются незначительными. Согласно Постановлению КМУ «О государственном заказе на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на 2012 г.» в структуре расходов Государственного бюджета на 2012 г. государственный заказ (без учета оборонного) устанавливался в пределах 2,8 млрд. грн., тогда как на осуществление государственных закупок было выделено 428 млрд. грн. [12].

Как указывают некоторые авторы, анализ законодательства в отношении содержания таких потребностей указывает на то, что сущность госзаказа как регуляторного инструмента реализации приоритетов развития страны искривляется и сужается. Приоритетные потребности государства истолковываются, с одной стороны, слишком размыто, как «потребности Украины в товарах, работах и услугах, необходимых для решения важнейших социально-экономических проблем», а с другой — вполне конкретно, как потребности для обеспечения функционирования органов государственной власти,

которые содержатся за счет Государственного бюджета Украины». И такая двойственность свела госзаказ только к средству содержание госапарата и инструмента удовлетворения им своих частных интресов [4, с. 8].

Необходимо указать и на тот факт, что порядок формирования государственного заказа, который закреплен в Постановлении КМУ «О Порядке формирования и размещения государственных заказов на поставку продукции для государственных потребностей и контроля за их выполнением» от 29 февраля 1996 г. № 266 [16] носит лишь формальный характер и полностью базируется на старом законодательстве, не учитывая требования Закона «Об осуществлении государственных закупок». Указанное свидетельствует о необходимости реформирования нормативного обеспечения отношений, складывающихся по поводу государственного заказа, в частности, приведения в соответствие современного законодательства, практики хозяйствования и порядка формирования государственного заказа, определения приоритетных государственных потребностей. Ведь именно с помощью государственного заказа должна осуществляться реализация государственных и межгосударственных целевых программ. Например, согласно Плану мероприятий по выполнению Государственной программы активизации развития экономики на 2013—2014 гг. определены потребности в обновлении и расширении имеющегося парка автомобильной техники, который планируется реализовать путем формирования государственного заказа на автомобильную технику [8]. Согласно Постановлению КМУ «Об утверждении плана мероприятий по развитию и реализации экспортного потенциала Украины и расширения внешних рынков сбыта товаров отечественных товаропроизводителей на период до 2015 г.» должно обеспечиваться формирование государственного заказа на высокотехнологичную экспортоориентированную продукцию отечественного производства [9].

На основании анализа законодательства и научной литературы можно сделать следующие выводы:

1. Является нецелесообразным выделение такого признака государственных закупок как их осуществление для удовлетворения государственных потребностей. Государственные закупки следует относить лишь к инструменту эффективного и рационального расходования государственных средств.

2. Такой признак как приоритетные государственные нужды играет важную роль в определении государственного заказа, который выступает одним из основных средств государственного регулирования хозяйственной деятельности.

Список литературы:

1. Ганич Д.И., Олейник И.С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. 7-е изд., доп. и перераб. К.: А.С.К., 1999. — 560 с.
2. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г.: Соглашение от 15.04.1994 г. // Официальный Вестник Украины. — 2010. — № 84. — Ст. 2989.
3. Ивлиев М.Ф., Шерстобитов А.Е. Об участии государственных и муниципальных учреждений в гражданском обороте // Законодательство. — 2006. — № 12. — С. 19—22.
4. Киндзерский Ю. Государственная контрактная система в модели государства-предпринимателя: основы формирования в Украине // Экономист. — 2011. — № 9. — С. 8—13.
5. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ как средство государственного регулирования экономики: правовые вопросы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. — 251 с.
6. Новый українсько-російський, російсько-український словник 50 000 слів / [ред. О.П. Івакін]. К.: Вид-во “Аконіт” 1999. — 723 с.
7. Об осуществлении государственных закупок: Закон Украины от 01.06.2010 г. № 2289-VI (по состоянию на 04.04.2013) // Ведомости Верховной Рады Украины. — 2010. — № 33. — Ст. 471.
8. Об утверждении Государственной программы активизации развития экономики на 2013—2014 гг.: Постановления Кабинета Министров Украины от 27.02.2013 г. № 187 // Официальный вестник Украины. — 2013. — № 24. — Ст. 807.
9. Об утверждении плана мероприятий по развитию и реализации экспортного потенциала Украины и расширения внешних рынков сбыта товаров отечественных товаропроизводителей на период до 2015 г.: Постановление Кабинета Министров Украины от 16.11.2011 № 1206-р // Правительственный курьер. 2011. № 226.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус.яз., 1990. — 921 с.
11. О государственном заказе для удовлетворения приоритетных государственных потребностей: Закон Украины от 22.12.1995 г. № 493/95-ВР (по состоянию на 22.06.2012) // Ведомости Верховной Рады Украины. — 1996 г. — № 3. — ст. 9.
12. О государственном заказе на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на 2012 год: Постановление КМУ от 01.08.2012 г. № 689 // Правительственный курьер. 2012. № 151.
13. О государственном заказе на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на 2009 г. Постановление КМУ от 22.04.2009 г. № 384 // Правительственный курьер. 2009. № 82.

14. О государственном заказе на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд в 2010 г. Постановление КМУ от 29.12.2010 г. № 1249 // Правительственный курьер. 2011. № 5.
15. О государственном заказе на закупку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд на 2011 г. Постановление КМУ от 22 июня 2011 г. № 673 // Правительственный курьер. 2011. № 140.
16. О Порядке формирования и размещения государственных заказов на поставку продукции для государственных потребностей и контроля за их выполнением: Постановление КМУ от 29 февраля 1996 г. № 266 / Верховная Рада Украины. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/266-96-%D0%BF> (дата обращения 10.01.2014).
17. О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный Закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (утратил силу) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/12141175/> (дата обращения 10.01.2014).
18. О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг: Проект Федерального Закона № 68702-6 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94776>.
19. Петруненко Я.В. Хозяйственно-правовые основы государственных закупок в Украине: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Одесса, 2013. — 20 с.
20. Подцерковный О. Правовая природа отношений в сфере государственного заказа // Предпринимательство, хозяйство и право. — 2003. — № 5. — С. 8—11.
21. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА, 1999. — 479 с.
22. Система госзаказов в Украине неэффективна — Счетная палата // Закон и бизнес. — 2012. — 10 января. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://zib.com.ua/ua/7265sistema_derzhzhamovlennya_v_ukraini_neefektivna_rahunkova_pa.html (дата обращения 10.01.2014).
23. Тарабаев П.С. Гражданско-правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. — 30 с.
24. Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/887722> (дата обращения 10.01.2014 г.).
25. Хозяйственный кодекс Украины: Закон Украины от 16.01.2003 г. № 436-IV (по состоянию на 05.07.2012) // Ведомости Верховной Рады Украины. — 2003. — № 18, № 19—20, № 21—22. — Ст. 144.
26. Юдицкий А.Л. Правовое регулирование закупок товаров, работ и услуг за государственные средства: автореф. дис. юрид. наук. К., 2013. — 18 с.

27. Canada, Annex 7 «General notes» // GPA/113. — P. 6116.
28. Overview of the Agreement on government Procurement [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/gproc_e/gpa_overview_e.htm.
29. Revised WTO Agreement on Government Procurement to come into force on 6 April 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.wto.org/english/news_e/news14_e/gpro_11mar14_e.htm (дата обращения 10.01.2014).
30. Wang P. Coverage of the WTO's Agreement on government procurement: challenges of integrating China and other countries with a Large State Sector into the Global trading system // Journal of International Economic Law. — 2007. — Vol. 10. — № 4. — P. 887—920.

СЕКЦИЯ 10.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Индрисова Зара Нальбиевна

*аспирант Кубанского Государственного Аграрного Университета,
РФ, г. Краснодар*

E-mail: viva-bella@yandex.ru

THE PROBLEMS OF THEORETICAL CONSOLIDATION AND LEGISLATIVE DEVELOPMENT OF INFORMATIONAL LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

Indrisova Zara Nalbievna

*graduate student of the Kuban State Agrarian University,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье дается теоретическое осмысление понятия «информационное право», его юридической сущности и основных характеристик в контексте формирования информационного общества. В статье приведен краткий анализ этапов формирования правовых норм российского информационного законодательства. На основе проведенного анализа, строится вывод о том, что проблема требует незамедлительного принятия комплексных мер, которые должны быть направлены на усовершенствование законодательных норм.

ABSTRACT

The article contains legal theoretical definition of the concept of «informational law», its juridical essence and fundamental characteristics

in the context of formation of informational society. In the particular article the short stage analysis of the formation of legal norms in Russian informational law. On the basis of the analysis the author concludes that problem requires immediate complex measures which shall be directed to improvement of legislative norm.

Ключевые слова: информационное общество; информационное право; глобализация; информационная безопасность; теория права.

Keywords: informational society; information law; globalization; information security; theory of law.

Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался заметным переходом общества к новой форме среды обитания, а именно — информационной. В рамках этого перехода общество вступило в качественно новые отношения, а также приобрело новое лицо, изменившись до неузнаваемости. Основные институты современного общества стали измеряться новыми критериями, основными показателями его развития стали так называемые, «информационные векторы». Критерий информативности стал не просто популярным показателем, он стал системообразующим для всех областей деятельности современного человеческого общества.

Подобное стало возможным благодаря тому, что информация теперь воспринимается как феномен, создающий состояние «инфосферы планеты, воспринимается в качестве основы новой цивилизационной волны» [2, с. 4]. Впервые юридическим сообществом были предприняты попытки осмысления информационного феномена и обличения его в соответствующую правовую форму еще в 60—70 гг., во времена так называемых, «кибернетических чтений» [1, с. 5], проходивших в рамках ежегодного Всесоюзного симпозиума по проблемам правовой кибернетики. Развитие общества, всеобщая глобализация, появление персональных компьютеров в начале 80-х гг. детерминировали технологический взрыв, следствием которого стало усиление роли научно-технического прогресса на все сферы общественных отношений информационного типа. Не заставили себя ждать первые попытки законодательного оформления эти процессов. Таким образом, в начале 90-х гг. были приняты первые законодательные акты, явившиеся системообразующими для формирования информационного законодательства. Вместе с тем, по причине экономических, социальных и политических процессов, проистекающих в России того времени, этот процесс пошел на спад и возобновился только в 2001 г. после принятия Федеральной целевой

программы «Электронная Россия» [4, с. 4—9], обретая, тем самым, новое развитие.

Необходимо подчеркнуть, что «точкой отсчета» формирования самой отрасли права стал 2000 г., ознаменовавшийся официальным закреплением дисциплины «информационное право». Однако многие представители науки восприняли официальное признание научной дисциплины как «обособленность», что не замедлило появление критических позиций, касательно отраслевого несовершенства данной дисциплины. Однако, не произошло бы выделения информационного права в отдельную дисциплину, если бы нормативная основа не развивалась бы столь бурно, и сама практика не показала бы очевидность важности принятия решения о формировании новой научной дисциплины.

В настоящее время можно констатировать тот факт, что теоретических и научных исследований в области информационного права мало [5, с. 96]. Превалирующими являются исследования прикладного характера, а также сегмент публикаций малых, все более журнальных форм. Несмотря на это, в этой сфере уже накоплен необходимый объем теоретических знаний, позволяющий структурировать правовые исследования по проблематике информационного права. Преобладающее количество исследований направлено на законодательную и нормативную область права, что в свою очередь, характеризует стремительное ориентирование на формирование правовой науки в данной области. Значимой проблемой остается решение вопросов, связанных с оказываемым влиянием информатики на всю систему правовой науки в целом. Данная проблема является специальной проблемой теории права, не ограничивающейся исключительно констатацией существования новых факторов, имеющих значения для современного общества.

Информационное право по-прежнему имеет статус «молодой» отрасли права, не имеющей вполне сформированной базы теоретического и нормативного фундамента [3, с. 370]. Однако, можно утверждать, что отрасль научных знаний прошла свой критический этап становления и стала предметом научной классификации знаний в юриспруденции и объектом изучения и внимания ученых.

Можно констатировать тот факт, что на данном этапе наиболее развитыми направлениями информационного права являются: изучение вопросов информационной безопасности, в том числе проблеме сферы действия государственной тайны; проблема существования правовой информатики; курс на разрешение проблемы права на информацию. Ряд научных исследований очертил область общих

проблем функционирования информационного права: вычленение предмета и метода правового регулирования; трансформация многих правовых институтов в силу существования новых предметных областей отношений, а именно — информации, как таковой, информационных технологий и институтов собственности, а главное, наличие исключительных прав, опосредованных всемирной глобализацией. Наличие целого сегмента проектов законов в области информационного права свидетельствует о необходимости глубокого анализа вопросов данной области. Приоритетной является трактовка институтов «свобода информации» именно с теоретико-правовой точки зрения. Согласно Доктрине информационной безопасности, в информационной сфере можно выделить четыре составляющих национальных интересов Российской Федерации:

1. построение системы защиты информационных ресурсов от несанкционированного доступа, нацеленность на обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем на территории российского государства;

2. взятие курса на развитие российских информационных технологий, индустрии средств информатизации, коммуникации и связи;

3. достоверное обеспечение действия информационной политики в Российской Федерации;

4. гарантированность соблюдения прав и свобод человека и гражданина в области получения и использовании информации.

Каждое из перечисленных выше направлений состоит из определенных задач, решение которых состоит в использовании специальных средств и методов. Обеспечение защиты информационной безопасности в Российской Федерации предполагает существование общих систематизированных норм правового регулирования общественных отношений в данной области, которые создают основу для нормального функционирования информационной сферы в целом, исключая или минимизирующие опасность информационных преступлений. В свою очередь, практика свидетельствует о наличии одних и тех же нормативно-правовых актов, призванных обеспечивать информационную безопасность. Вся совокупность норм, составляющих информационное законодательство, направлена на регулирование определенного сектора устоявшихся информационно-коммуникационных общественных отношений и не предназначена для реагирования на возникающие отступления от привычной сферы регулирования.

Подводя итоги существованию и формированию российского законодательства в информационной сфере, нельзя не отметить

его отставания от развития динамично растущей базы отношений информатизации самых различных сфер жизни современного общества. Необходимо обозначить главенствующие задачи этой сферы, решение которых не должно заставить себя ждать.

1. Неполучение должного нормативного оформления отношений в сфере формирования и использования информационного ресурса, что связано с развитием практики применения электронного документооборота.

2. Законодательная непроработанность вопроса интеллектуальной собственности, отсутствие должного внимания к проблеме включения в интеллектуальную собственность исключительных прав на информационные ресурсы, что приводит к росту преступности в информационной сфере, существованию явления «обхода закона», как следствие — ослаблению информационной безопасности.

3. Всемирная глобализация обостряет необходимость законодательного закрепления права на информацию. Проблема свободы доступа, получения и распространения, хранения и иного использования информации в современных условиях выхода правовых отношений за пределы национально-правового регулирования, а вместе с тем, и за пределы страны в геополитическом смысле, требует упорядочивания национального законодательства и приведение его в соответствие с международно-правовыми нормами.

4. Развитие процесса информатизации бизнеса, коммерческих структур и иной, полезной на общесоциальном уровне, деятельности определяет вектор направленности правового обеспечения потребностей субъектов различных видов деятельности. Информатизация пронизывает все сферы общественной деятельности.

Подводя итог вышеуказанному, стоит подчеркнуть, что внимание к проблеме законодательного регулирования информационной жизни общества стоит как никогда остро. Этому способствовало возрастание роли информационно-коммуникационных сетей в условиях всеобщей глобализации, и как следствие, решение проблемы должно охватывать уровень не только национального законодательства, но уровень международного права. Можно констатировать тот факт, что поиски решения этих сложнейших правовых проблем, сущность которых заключается в необходимости обеспечения максимально возможной свободы доступа, использования, хранения информации, находящейся в национальных и трансграничных телекоммуникациях — с одной стороны, и необходимости защиты информационных ресурсов от преступных посягательств, исходящих от пользователей глобаль-

ных коммуникаций и сетей — с другой, находятся исключительно в стадии развития.

Список литературы:

1. Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс. М, 1978. — С. 5
2. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: Правовые проблемы. М., 2003. — С. 4.
3. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учеб. М.: Маркет ДС, 2007. — С. 370.
4. Основные направления нормативного правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. // Информационное общество. — 2001. — № 4. — С. 4—9.
5. Цыганов В.И. Теория государства и права: Тезисы лекций. Нижний Новгород: Изд-во "Вектор-ТиС", 2007. — С. 96.

СЕКЦИЯ 11.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ СУДИМОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алтыншин Алик Гаязович

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Сибайского института (филиала) БашГУ, РФ, Республика
Башкортостан, г. Сибай*

Галиуллин Надир Кадирович

Шагабалова Ляйсан Бирхатовна

*студенты 4 курса Сибайского института (филиала) БашГУ,
РФ, Республика Башкортостан, г. Сибай
E-mail: cskacskacskacska@inbox.ru*

LEGAL NATURE AND CONSEQUENCES OF A CONVICTION UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION

Altynshin Alik Gayazovich

*senior lecturer in Civil Law and Procedure Sibai Institute (branch)
of the Bashkirian state University,
Russia, Republic of Bashkortostan Sibay*

Galiullin Nadir Kadirovich

Shagabalova Lyaisan Birkhatovna

*a fourth-year students of the law faculty
of Sibay Institute (branch) of the Bashkirian state University,
Russia, Republic of Bashkortostan, Sibay*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам определения правового значения судимости в уголовном праве. Статья раскрывает содержание понятия, сроков, снятия судимости. Особое внимание обращается на уголовные и общеправовые последствия исследуемого понятия.

ABSTRACT

The article is devoted to the issues of determining the legal effect of a conviction in criminal law. The article reveals the content of concepts, terms, expunging the criminal record. Particular attention is drawn to criminal and legal consequences of the studied concepts.

Ключевые слова: судимость; последствия судимости; исчисления срока судимости; снятие судимости.

Keywords: consequences of a criminal conviction; calculation of term of conviction; the removal of a conviction.

Судимость существенно влияет на правовое положение человека, определяющее во многих случаях его социальную позицию и роль в обществе. Судимый человек для общества становится изгоем, «преступником навсегда». Наличие судимости устанавливает и правовые ограничения, а погашение и снятие судимости, в свою очередь позволяют эти ограничения снять.

Именно поэтому к вопросу погашения или снятия судимости следует подходить с особым вниманием, учитывая вопросы правовой сущности и социальной природы судимости. Судимость имеет прямое

отношение к исполнению наказания, адаптации лиц, отбывших наказание — проблеме сложной и многогранной, охватывающей комплекс вопросов нравственного, психологического и практического характера.

Судимость — это элемент, составная часть уголовной ответственности, которая следует за фактом совершения преступления; это особое правовое положение лица, созданное фактом его осуждения судом к определенной мере наказания за совершенное преступление.

Судимость оказывает воспитательное воздействие на судимых лиц. В определенной степени предупреждает совершение преступлений и со стороны других лиц, которые видят негативные последствия совершения преступления и судимости. Наличие таких последствий побуждает лицо своим поведением доказать свое исправление, заслужить уважение у окружающих и добиться тем самым судебного снятия судимости.

С другой стороны, судимость отрицательно воздействует на ресоциализацию личности. Судимый человек может навсегда остаться преступником в глазах окружающих. Поэтому судимость, возможно, косвенно воздействует на совершение такими лицами новых преступлений.

Если предупредить повторное преступление со стороны судимого лица не удастся, то институт судимости содействует назначению виновным более строгих мер наказания с целью уменьшения рецидива. В таких случаях прошлая судимость выступает как признак, отражающий специфически повышенную опасность виновного.

По существу, судимость означает официальное удостоверение факта осуждения лица за определенное преступление и сопряжена с некоторыми элементами ограничения прав этого лица. Правовой статус гражданина, имеющего судимость, носит несколько усеченный характер.

Последствия судимости можно классифицировать на общеправовые и общесоциальные последствия.

Общесоциальные последствия выражаются в том, что граждане относятся к судимому лицу с определенным недоверием и осуждением того факта, что он совершил преступление, причинив вред гражданам, обществу, государству. Например, наличие судимости не препятствует выдвижению данного лица в качестве кандидата в депутаты в органы власти или органы местного самоуправления. Однако кандидат обязан сообщить об этом факте, что может повлиять на оценку данного лица избирателями, которые отдадут предпочтение другим кандидатам.

Последствия общеправового характера касаются правоограничений в области гражданского, трудового, административного, конституционного права. Это, в частности, выражается в ограничениях в выборе профессии и места работы. Работодателю не составляет труда узнать о прошлом гражданина, особенно если это «темное» прошлое. С 2007 года МВД России начало создавать единые базы данных, в которые вошли фамилии всех судимых страны. Рынок труда не поощряет тех, кто, будучи в свое время осужден, решил вернуться к нормальной жизни: судимость — «черная метка», с которой очень сложно устроиться на работу.

Есть сферы, в которые по закону не берут людей даже после погашения судимости: прокуратура, ФСБ, полиция, суды и т. д.

В соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», статьей 29 пунктом 1: «сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции в случае осуждения его за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно наличие судимости, в том числе снятой или погашенной» [6].

В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 21.11.2011) «О прокуратуре Российской Федерации» статьей 40.1. п. 2: «лицо не может быть принято на службу в органы и учреждения прокуратуры и находиться на указанной службе, если оно имело или имеет судимость» [7].

В соответствии с Федеральным законом от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 08.12.2011) «О Федеральной службе безопасности» статьей 16: «граждане Российской Федерации не могут быть приняты на службу или на работу в органы федеральной службы безопасности, а военно-служащие и гражданский персонал органов федеральной службы безопасности могут быть уволены со службы или с работы по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, либо в случае наличия судимости в настоящее время или в прошлом, в том числе снятой или погашенной...» [5].

С 7 января 2011 года вступили в силу новые статьи Трудового Кодекса РФ, запрещающие трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства гражданам, ранее имевшим судимость или подвергавшимся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности [3].

Среди общеправовых ограничений можно назвать следующие положения:

1) Осужденные к лишению свободы и отбывающие наказание по вступившему в законную силу приговору суда не могут быть избранными в представительные органы власти и управления. 2) Лица, имеющие судимость, не могут обучаться в некоторых учебных заведениях. 3) Лица, имеющие судимость, не имеют права на приобретение, хранение и ношение охотничьего и другого огнестрельного оружия и оружия самообороны. 4) Ограничения в выезде за границу (например, США, ограничивает въезд на их территорию лиц, имеющих судимость за некоторые преступления). 5) Ограничения в выборе места жительства и в свободе передвижения по территории Российской Федерации. 6) Лица, имеющие судимость не могут быть приняты на работу в некоторые, предприятия, учреждения и организации, в т. ч. государственные, прежде всего, «режимные», учебные и другие. 7) Лица, имеющие судимость и отбывающие наказание, не подлежат призыву на действительную военную службу. Лица, уже отбывшие наказание, но имеющие судимость, подлежат ограниченному призыву и могут проходить службу не во всех частях и родах войск [2, с. 659]. 8) При заполнении официальных анкет лицо обязано сообщать о наличии у него судимости 9) Судимость препятствует лицу в усыновлении ребенка 10) Над некоторыми категориями лиц, имеющих судимость, может устанавливаться административный надзор органов внутренних дел [1, с. 269].

Исходным моментом исчисления срока судимости является приговор суда. Лицо судимо в течение отбывания наказания и после определённого в ч. 3 ст. 86 УК РФ срока, который при осуждении лица не к лишению свободы составляет 1 год и при лишении свободы в зависимости от тяжести совершённого преступления различаются (для совершивших преступления небольшой и средней тяжести — 3 года, тяжкие преступления — 6 лет, особо тяжкие — 8 лет). Исключение из этих сроков погашения судимости указывается в ч. 4 ст. 86 УК РФ: «если осуждённый в установленном законом порядке был досрочно освобождён от наказания или неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом наказания, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного наказаний» [4].

Лицо, освобожденное от наказания, считается не судимым. Уголовный закон предусматривает два способа прекращения судимости: погашение и снятие судом. Погашение судимости происходит без специального решения суда, и для подтверждения того, что лицо не является более судимым, не требуется никаких официальных

документов. Снятие судимости осуществляется когда, не истек установленный в законе срок погашения судимости, и лицо доказало, что ведет законопослушный образ жизни;

Судимость по уголовному праву России в разные периоды и в настоящее время является средством обеспечения безопасности общества и государства от преступлений и лиц, их совершающих. Поэтому необходимо тщательное изучение проблем данного института, дальнейшее совершенствование в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья и законных интересов граждан, безопасности государства.

Список литературы:

1. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть. Учебник под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рагога, А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М. 2006. — 553 с.
2. Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. У26 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. — 720 с.
3. Трудовой кодекс российской федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 21.03.2014).
4. Уголовный кодекс Российской федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 1.03.2014).
5. Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2014).
6. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2014).
7. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2014).

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПРАКТИКИ ОСОБОГО ПОРЯДКА
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

Купрейченко Анастасия Борисовна
магистрант Северо-Кавказского филиала
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»,
РФ, г. Краснодар
E-mail: pirania@bk.ru

**TOWARDS QUESTIONS OF LEGISLATIVE CONTROL
AND PRACTICE OF SPECIAL PROCEDURE
OF LITIGATION**

Anastasia Kupreychenko
master's degree student of North Caucasus affiliate
of FSBEI HVE Russian Academy of Justice,
Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Автор, исследуя проблемы законодательного регулирования и судебной практики особого порядка судебного разбирательства, обращает внимание на необходимость внесения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство изменений, связанных с назначением наказания при наличии в действиях подсудимого рецидива и установлением личности потерпевшего в судебном заседании. Приходит к выводу об отсутствии нарушения принципа состязательности сторон в случае принятия судьей по собственной инициативе решения о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

ABSTRACT

Author studying questions of legislative control and judicial practice of special procedure of litigation pays attention to the necessity of introduction of amendments to criminal and criminal procedure legislation, which are connected with imposition of punishment if having repetition in actions of a defendant and victim's identification in court session. The author has come to the conclusion about absence of violation of adversarial principle in case

of judge's decision on his own motion about termination of special procedure and assignment of criminal trial per standard procedure.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; исследование и оценка доказательств; принцип состязательности сторон; назначение наказания; рецидив; установление личности потерпевшего.

Keywords: special procedure of litigation; examination and evaluation of evidence; adversarial principle; imposition of punishment; repetition, victim's identification.

Одной из ключевых новаций уголовного судопроизводства России при принятии в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [14] (далее — УПК РФ) явилось появление и развитие такого упрощенного способа производства по уголовным делам как «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», регламентируемый главой 40 УПК РФ.

О целесообразности данного нововведения высказывалось множество противоречивых точек зрения. Противники выказывали мнение о неполноценности особого порядка судебного разбирательства с точки зрения его соответствия принципам уголовного процесса — состязательности, равноправия сторон, непосредственности, презумпции невиновности, законности, обоснованности и справедливости приговора [2, с. 69; 6, с. 76—77; 9, с. 11]. Сторонники отмечали, что такая форма судебного разбирательства значительно упрощает громоздкий судебный процесс и позволяет быстро рассмотреть значительное количество уголовных дел, по которым возможно принятие судебных решений без проведения судебного разбирательства, кроме того, налицо существенная экономия затрачиваемых бюджетных средств [5, с. 40; 1, с. 37; 12, с. 4].

По прошествии более десяти лет применения главы 40 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что данный институт прижился на почве российского уголовного судопроизводства и, как показывает статистика [10; 11], довольно широко применяется на практике. Данные по количеству уголовных дел, рассмотренных в порядке рассматриваемой главы, от общего числа дел, оконченных производством с вынесением приговора, приведены в таблице.

Таблица 1.

Год	Российская Федерация	Ставропольский край
2010	63,79 %	74 %
2011	59 %	67,95 %
2012	67,74 %	78,87 %
1 полугодие 2013	68,90 %	79,57 %

Не смотря на то, что в настоящее время большинство дел рассматривается в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, без сомнения, проблемы законодательного регулирования и применения особого порядка судебного разбирательства — основные и наиболее дискуссионные для российского уголовного судопроизводства.

Наверное, самым актуальным вопросом остается проблема исследования и оценки доказательств, так как от качества, полноты и всесторонности оценки доказательств судом зависит принятие им законных, обоснованных и справедливых решений по делу.

Часть 5 ст. 316 УПК РФ установлено, что судья в случае применения особого порядка не производит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу.

Следует с сожалением отметить, что некоторые судьи при поступлении к ним уголовного дела в первую очередь смотрят в протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с обвинительным заключением (актом) и материалами дела, заявлено ли подсудимым ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства, и если да — ограничиваются исключительно прочтением обвинительного заключения (акта).

Ю.Ю. Воробьева описывает один из таких случаев, имевших место в судебной практике Оренбургской области:

«Органами предварительного следствия М. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 222, ч. 1 ст. 158, ч. 2 п. «б» ст. 158 УК РФ.

В явке с повинной М. указал, что совершил преступления 19.07.2003 и в ночь на 20.07.2003. Данный факт подозреваемый подтвердил при осмотре места происшествия. Согласно справке, имевшейся в материалах уголовного дела, М. с 18.07.2003 по 23.07.2003 находился в приемнике-распределителе УВД г. Орска, что исключает возможность совершения им преступлений. Таким образом, у него было алиби, которое ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании не проверялось.

В связи с чем, отмечает судебная коллегия, нельзя признать правильным вывод суда, что обвинение обоснованно и подтверждается собранными по делу доказательствами» [3].

Вместе с тем УПК РФ не освобождает судью от изучения материалов уголовного дела на предмет доказанности вины подсудимого. В ч. 7 ст. 316 УПК РФ указано, что суд для постановления обвинительного приговора должен прийти к выводу, что «обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами», собранными по уголовному делу.

В этой связи судья до принятия решения об удовлетворении ходатайства подсудимого должен не только убедиться в причастности и виновности лица в инкриминируемом ему деянии, но и, тщательно изучив материалы дела, оценить каждое доказательство, имеющееся в деле, с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Анализ норм ч. 3 ст. 314 и ч. 6 ст. 316 УПК РФ указывает, что судья вправе не удовлетворять ходатайство обвиняемого и по собственной инициативе назначить судебное разбирательство в общем порядке, если у него возникли сомнения в обоснованности обвинения.

Однако при изучении практики такие случаи не выявлены. Это связано с тем, что судьи считают, что, принимая решение о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке самостоятельно, они нарушают заложенный ст. 15 УПК РФ принцип состязательности сторон. По этой же причине судьи по собственной инициативе не производят судебные действия, направленные на получение доказательств, несмотря на то, что право суда на собирание подобных доказательств закреплено в ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Такое мнение представляется ошибочным, поскольку суд, в данном случае, выполняет «функцию осуществления правосудия, а не функцию обвинения либо защиты» [4], следовательно, принцип состязательности сторон не нарушается.

В этой связи автор считает необходимым, с целью исключения каких-либо сомнений, придать нормам УПК РФ, устанавливающим право судьи по собственной инициативе принимать решение о назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке, императивный характер. В частности предлагается установить обязанность судьи по изучению материалов дела, оценке доказательств, имеющихся в деле, с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, и, в случае возникновения сомнений в обоснованности обвинения,

не удовлетворять ходатайство обвиняемого и назначать судебное разбирательство в общем порядке.

Представляется, что такие изменения позволят сориентировать органы предварительного расследования и суд, на принятие исчерпывающих мер по установлению обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Это будет способствовать исключению случаев фальсификации доказательств, оговоров и самооговоров, и, как следствие, постановления неправосудных приговоров.

Еще одной немало важной проблемой является назначение наказания при вынесении приговора, постановленного без проведения судебного разбирательства.

В 2012 году Институтом проблем правоприменения проведено исследование, целью которого было выяснить, как реально назначается наказание осужденным, выбравшим особый порядок судебного разбирательства [13].

Исследование показало, что согласие обвиняемого на рассмотрение его дела в особом порядке практически не дает ему дополнительных преимуществ, а для преступлений небольшой тяжести подсудимый, выбравший особый порядок судебного разбирательства, даже проигрывает.

Это связано с тем, что в России подавляющее большинство осужденных в любом случае получают наказание, существенно ниже максимального вне зависимости от порядка рассмотрения дела.

Существует много проблем, связанных с назначением наказания, остановимся на одной: назначение наказания при наличии рецидива в действиях подсудимого.

Частью 7 ст. 316 УПК РФ установлено, что при особом порядке судебного разбирательства наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

В п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (ред. от 03.12.2013) «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» судам разъяснено только о возможности назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление [8].

К сожалению, законодатель до сих пор в Уголовном кодексе Российской Федерации [15] (далее — УК РФ) так и не разрешил вопрос особенности назначения наказания в случае согласия подсудимого с предъявленным обвинением, в действиях которого усматривается рецидив преступлений. Пленумы Верховного суда РФ,

затрагивающие вопросы особого порядка судебного разбирательства [7; 8], также не дают ответ на указанный вопрос.

Между тем, проблема существует. Если следовать дословному толкованию нормы ч. 7 ст. 316 УПК РФ, то суд не может назначить подсудимому, в том числе и при наличии такого отягчающего обстоятельства, как рецидив преступлений, наказание, превышающее две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Однако на практике судьи часто не придерживаются этого правила и назначают наказание с применением ч. 2 ст. 68 УК РФ. При этом одновременно указывают и требования ч. 5 ст. 62 УК РФ и ч. 2 ст. 68 УК РФ, например:

«В связи с постановлением приговора без проведения судебного разбирательства, суд определяет срок наказания подсудимому с учетом требований ч. 5 ст. 62 УК РФ, в соответствии с которой срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Ввиду наличия рецидива преступлений суд назначает наказание по правилам ч. 2 ст. 68 УК РФ, то есть не менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса».

По мнению автора, для решения данной проблемы необходимо внести соответствующие изменения в ст. 68 УК РФ. Например, дополнить указанную статью ч. 4 следующего содержания: «Срок или размер наказания при любом виде рецидива преступлений, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

Автор считает необходимым обратить внимание еще на одну проблему, не обсуждаемую ранее, — вопрос установления личности потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Указанная проблема постоянно возникает на практике. Некоторые судьи и секретари судебного заседания считают, что раз ст. 316 УПК РФ не предусматривает установление личности потерпевшего,

то ее устанавливать не надо и соответственно не надо указывать в протоколах судебного заседания.

При рассмотрении уголовного дела в обычном порядке личность потерпевшего устанавливается перед допросом (ст. 277, ч. 2 ст. 278 УПК РФ).

Однако, в связи с тем, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства судебное следствие не проводится, то, соответственно, и потерпевший не допрашивается.

Вместе с тем, обязательным условием для удовлетворения ходатайства подсудимого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства является согласие на это потерпевшего (ч.ч. 4, 6 ст. 316 УПК РФ). Следовательно, личность потерпевшего должна устанавливаться в обязательном порядке.

В связи с этим предлагается изложить второе предложение ч. 4 ст. 316 УПК РФ, регулирующей порядок проведения судебного заседания и постановления приговора без проведения судебного разбирательства, в следующей редакции: «При участии в судебном заседании потерпевшего судья устанавливает его личность, разъясняет ему порядок и последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства и выясняет у него отношение к ходатайству подсудимого».

С особым порядком судебного разбирательства связано немало проблем. По мнению автора, рассмотрены самые актуальные из них.

Список литературы:

1. Анненков А., Дадонов С., Морозова И., Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 37.
2. Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 69.
3. Воробьева Ю.Ю. Исследование в судебном заседании обстоятельств уголовного дела, рассматриваемого в особом порядке судебного разбирательства. // Уголовный процесс. — № 2. — 2006. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.ugpr.ru/arhiv/14_fev_2006/topic146_issledovanie_v_sudebnom_zasedanii_obstoyatelstv_ugolovnogogo_dela_rassmatrivaemogo_v_osobom_poryadke_sudebnogo_razbiratelstva.html (дата обращения 05.02.2014).
4. Дорошков В.В. Особый порядок судебного разбирательства. // Уголовное судопроизводство. — 2010. — № 3. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.02.2014).
5. Лазарева В. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. — 1999. — № 5. — С. 40.

6. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки. М. 1997. — С. 76—77.
7. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 // Российская газета. № 286. 20.12.2006.
8. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 // Российская газета. № 13. 24.01.2007.
9. Печников Г. Система «здорового юридического смысла» в уголовном процессе // Российская юстиция. — 1998. — № 3. — С. 11.
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.02.2014).
11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей Ставропольского края [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://usd.stv.sudrf.ru/modules.php?name=stat> (дата обращения: 12.02.2014).
12. Совет судей голосует за сделки о признании вины // Российская юстиция. — 1998. — № 6. — С. 4.
13. Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Порядок особый — приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения») // СПб: ИПП ЕУ СПб. — 2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_gl_40_UPK_fin.pdf (дата обращения 15.12.2013).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ -2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Матвеева Яна Максимовна

*юрист Санкт-Петербургский государственный университет,
ООО «Автомаг-Путер»,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: yana.lawyer@mail.ru*

ACTUAL PROBLEMS OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY DUE TO THE RECONCILIATION WITH THE VICTIM

Matveeva Yana Maksimovna

*lawyer St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы освобождения от уголовной ответственности, в том числе в связи с примирением с потерпевшим, безусловна. Изучение современной судебной практики и научной литературы позволило сделать выводы о наличии проблем в правоприменительной практике, возможное решение которых предложено автором.

ABSTRACT

Relevance of a subject of release from criminal liability, including in connection with reconciliation with the victim, is unconditional. Studying of last jurisprudence and scientific literature allowed to draw conclusions on existence of problems in the law-enforcement practice which possible solution is proposed in the present by the author.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; примирение с потерпевшим; возмещение ущерба; восстановительное правосудие; проблемы примирения с потерпевшим; медиация.

Keywords: release from criminal liability; reconciliation with the victim; compensation of damage; recovery justice; reconciliation problems with the victim; mediation.

Примирение с потерпевшим, как основание освобождения от уголовной ответственности, является одной из форм медиации [18, с. 124—125].

В российском уголовном праве процедура примирения предполагает наличие двух субъектов примирения — виновного лица и потерпевшего, при участии третьей стороны — государства. При этом уполномоченный правоприменительный орган вправе освободить от уголовной ответственности виновное лицо на основании ст. 76 УК РФ, но не обязан, что вызывает обоснованную критику. Сложилась определенная судебная практика, согласно которой суд по своему усмотрению, учитывая смягчающие иотягчающие обстоятельства, личность виновного и другие обстоятельства дела, приходит к выводу о невозможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон [12, 13].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» дано разъяснение, согласно которому при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ, суд должен также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, «включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие иотягчающие наказание» [14].

Таким образом, суд вправе, основываясь на субъективной оценке всех обстоятельств дела и личности виновного, решать вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности. На взгляд автора, российский законодатель мог бы обратиться к опыту зарубежных стран в части медиации и внести в уголовный закон изменение, предполагающее освобождение лица от уголовной ответственности в императивном порядке в тех случаях, когда примирение с потерпевшим состоялось.

В уголовно-правовой норме о примирении с потерпевшим не определен круг деяний, при совершении которых может применяться данная норма. В связи с этим, как отмечают некоторые ученые, возникает вопрос: при совершении любого преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, возможно примирение с потерпевшим или нет? [1, с. 43—44] Ввиду отсутствия ясного ответа в уголовном законе и Постановлении Пленума

Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», проблемой теоретической и правоприменительной можно считать вопрос о возможности применения ст. 76 УК РФ при совершении преступления, посягающего на несколько объектов, и, причиняющего вред, в первую очередь, публичным охраняемым интересам, и во вторую очередь — интересам физического или юридического лица, то есть потерпевшего.

Н.В. Артеменко и А.М. Минькова обоснованно указали на то, что при совершении многообъектного преступления, где одним из объектов выступают общественные и государственные интересы, а также при совершении преступления, посягающего на единственный объект — охраняемые интересы общества и (или) государства, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим невозможно, при наличии определенных условий и оснований, может иметь место освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием [1, с. 44].

Верховный Суд РФ придерживается позиции о возможности применения ст. 76 УК РФ в случаях, когда страдают интересы не только отдельного лица (потерпевшего), но и публичные интересы. Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 19-О13-8сп, было указано, что хотя К. совершила преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 297 УК РФ, а именно, проявила неуважение к суду, оскорбив судью, ввиду того, что К. примирилась с потерпевшей и загладила причиненный вред, она подлежит освобождению от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ [9]. В кассационном представлении государственного обвинителя ставился вопрос об отмене постановления об освобождении от уголовной ответственности К., поскольку, по мнению обвинения, «по ст. 297 УК РФ основным объектом является нормальная деятельность суда по осуществлению правосудия, а дополнительным — честь и достоинство личности, в данном случае судьи, поэтому уголовное дело прекращению за примирением с потерпевшей быть не может», а «сведений о том, что подсудимая приняла меры направленные на заглаживание причиненного вреда нормальной деятельности суда по отправлению правосудия вследствие проявленного ею неуважения, стороной защиты не представлено» [9].

Позиция государственного обвинителя представляется автору верной, в том числе, и по той причине, что судья — представитель судебной власти, осуществляющий определенные полномочия

от имени Российской Федерации, возмещение вреда которому не свидетельствует о возмещении вреда, причиненного общественным отношениям по нормальному функционированию системы правосудия и судебной власти, как одной из ветвей государственной власти.

По мнению автора, позиция судебной практики по этому вопросу должна быть единообразной и соответствующей выше приведенной аргументации, что возможно путем закрепления соответствующего разъяснения в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», которое предлагается изложить в следующей редакции:

«В случае совершения преступления, причиняющего вред не только потерпевшему, но и интересам общества и (или) государства, не допускается освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. При наличии определенных уголовным законом оснований и условий, в таких случаях возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Таким же образом должен решаться вопрос и в тех случаях, когда преступлением причиняется вред только интересам общества и (или) государства».

Следующей проблемой применения ст. 76 УК РФ является необходимость разграничения между освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением сторон и прекращением уголовного дела вследствие примирения обвиняемого и потерпевшего по делам частного обвинения в порядке ст. 20 УПК РФ.

Некоторые ученые отмечают, что имеется коллизия между двумя нормами: в соответствии со ст. 20 УПК РФ независимо от того, какое количество преступлений было совершено обвиняемым ранее, суд обязан прекратить уголовное дело, если обвиняемый примирился с потерпевшим, что не соответствует требованию ст. 76 УК РФ о совершении преступления впервые, как одного из условий освобождения от уголовной ответственности [6, с. 44].

По мнению автора, нельзя согласиться с такой точкой зрения по той причине, что речь идет не о коллизии норм, а о разных процедурах применения норм восстановительного правосудия.

А.В. Бриллиантов отмечал, что ст. 76 УК РФ подлежит применению только по делам частного-публичного и публичного обвинения [4, с. 94]. В подтверждение сказанного, ученый приводит случай из судебной практики: дело Ю. (ранее судимого), который совершил преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ, и в судеб-

ном заседании потерпевшие заявили о примирении с подсудимым и о нежелании привлечения Ю. к уголовной ответственности. Мировой судья вынес постановление о прекращении уголовного дела на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ, которое было рассмотрено надзорной инстанцией, отменившей это постановление на том основании, что в соответствии со ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, уголовное дело подлежит прекращению, только если преступление было совершено впервые, а Ю. был ранее судим. Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила постановление надзорной инстанции с указанием на то, что ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ применяются только в отношении частно-публичных и публичных дел [4, с. 94—95]

Очевидно, что примирение сторон по делам частного обвинения и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим — две разные процессуальные процедуры, в связи с чем коллизия, по мнению автора, отсутствует. Однако ограничить сферу применения ст. 76 УК РФ под силу только закону о внесении соответствующих изменений в УК и УПК РФ.

Как известно, ст. 76 УК РФ закрепляет обязанность лица, подлежащего уголовной ответственности не только примириться с потерпевшим, но и загладить причиненный преступлением вред. Основанием прекращения уголовного дела частного обвинения, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, является примирение с потерпевшим, но понятие и содержание примирения с потерпевшим отсутствует, что дает возможность понимать под этим, используя системное толкование ч. 2 ст. 20, ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ, любое примирение потерпевшего и виновного лица, не относящееся к возмещению причиненного материального или морального вреда. Изучение судебной практики показывает, что судьями, решающими вопрос о применении ч. 2 ст. 20 УПК РФ, как правило, не конкретизируется, в чем выразилось примирение с потерпевшим [11, 15].

Во избежание совершения судами ошибок, подобных тем, которые были указаны выше, в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» предлагается внести разъяснение по этому вопросу и изложить его в следующей редакции:

«По делам частного обвинения ст. 76 УК РФ подлежит применению в тех случаях, когда потерпевший настаивает на возмещении причиненного ему вреда.

В иных случаях, когда потерпевший примирился с обвиняемым, дела частного обвинения подлежат прекращению на основании ч. 2

ст. 20 УПК РФ. При этом по смыслу ч. 2 ст. 20 УПК РФ, уголовные дела частного обвинения подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым даже в том случае, когда обвиняемый совершил преступление не впервые. В таких случаях не допускается отказ в прекращении уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, на том основании, что по требованию ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, преступление должно быть совершено впервые».

В случае освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, решение проблемы возмещения вреда приобретает большее значение по той причине, что заглаживание причиненного вреда, наряду с примирением с потерпевшим, это обязательное условие для выполнения виновным лицом, и, как определил Верховный Суд РФ в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», способы заглаживания вреда и размер возмещения определяются потерпевшим [14].

Примирение виновного лица с потерпевшим оформляется процессуальным актом соответствующего органа власти, в котором зачастую не конкретизируется, какой вид вреда был причинен и возмещен потерпевшему [2, 7, 8].

Правильной представляется позиция судов, которые удовлетворяют иски о взыскании денежной компенсации вреда (в том числе морального) с работодателя, чей работник совершил преступление в процессе исполнения своих трудовых обязанностей и был освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Например, Петроградским районным судом г. Санкт-Петербурга был частично удовлетворен иск потерпевшего к государственному бюджетному учреждению, работник которого ненадлежащим образом оказал медицинские услуги, в результате чего наступила смерть жены потерпевшего [3]. При этом верна аргументация суда при вынесении подобного решения: тот факт, что потерпевший примирился с виновным, характеризует только их взаимоотношения и не лишает потерпевшего права обратиться в суд с иском о компенсации морального вреда в соответствии с п. 1 ст. 1068 ГК РФ.

В подобных случаях законность предъявления и удовлетворения иска о возмещении вреда не вызывает сомнений, но остается неясным, каким образом решать спор, когда подобный иск предъявляет потерпевший к обвиняемому, который был освобожден от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, при соблюдении прочих условий, определенных в законе, становится возможным, когда лицо, подлежащее уголовной ответственности, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред. Таким образом, в тот момент, когда потерпевший примиряется с лицом, подлежащим уголовной ответственности и принимает от него возмещение вреда способами и в размере, которые определяет сам потерпевший, он лишается права требовать дополнительного возмещения вреда в гражданском судопроизводстве. Как указывалось ранее, суды в постановлениях об освобождении от уголовной ответственности, зачастую не конкретизируют, какой именно вред был причинен и возмещен потерпевшему. Отсутствие такого указания, как считает автор, может на практике приводить к таким случаям, когда потерпевший сможет получить денежную компенсацию морального вреда в рамках гражданского судопроизводства, и, формально, суд, удовлетворяющий такой иск, будет прав.

Ввиду предотвращения возможных злоупотреблений со стороны потерпевшего, необходимо включить соответствующее разъяснение в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» и изложить его в следующей редакции:

«В случаях освобождения от уголовной ответственности по основаниям, связанным с возмещением причиненного преступлением вреда, судам в постановлениях об освобождении от уголовной ответственности следует указывать, какой вред был причинен преступлением и какой вред (имущественный и (или) моральный, иной вред) и в каком объеме был возмещен».

Автором рассмотрены актуальные проблемы института примирения с потерпевшим, требующие решения в связи с отсутствием единообразия судебной практики.

Как одна из основных форм медиации в России, данный институт содержит в себе большой потенциал для решения некоторых уголовно-правовых конфликтов мирным путем, восстановления прав потерпевшего и возмещения вреда, причиненного преступлением. Однако для реализации такого потенциала необходимо не только реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и единообразие применения норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Список литературы:

1. Артеменко Н.В., Минькова А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. // Российский судья.2006. № 7.
2. Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга, дело № 1-262.
3. Архив Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга, дело № 2-3548/11.
4. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практическое пособие. М., 2013. — 112 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. «Собрание законодательства РФ», — 29.01.1996, — № 5, — ст. 410.
6. Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования: монография. М.: 2011. — 224 с.
7. Кассационное Определение Ленинградского областного суда от 21 июля 2010 г. № 22-1315/2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 27.12.2013).
8. Кассационное Определение Ленинградского областного суда от 15.07.2010 № 22-1282/2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru>(27.12.2013).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 19-О13-8сп. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru>. (дата обращения: 04.01.2014).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 19-О13-8сп. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 26.12.2013).
11. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2006 № 69-ДП06-14. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 26.12.2013).
12. Определение Ленинградского областного суда от 10.08.2011 № 22-1551/2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<http://www.consultant.ru>. (дата обращения 04.01.2014).
13. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.07.2012 № 22-4103/12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<http://www.consultant.ru>. (дата обращения 25.12.2013).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

15. Постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 24.02.2005 № 44у-23/05. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<http://base.consultant.ru> (дата обращения 27.12.2013).
16. Уголовный кодекс Российской Федерации. «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. «Российская газета», № 249, 22.12.2001.
18. Шатихина Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве. Дисс. ... канд.юрид.наук. СПб.: 2004. — 228 с.

**ПРОБЛЕМЫ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ
С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В КАЗАХСТАНЕ**

Нургалиев Бахыт Молдатьяевич

*д-р юрид. наук, профессор, директор
НИИ Карагандинского университета «Болашак»,
Республика Казахстан, г. Караганда*

Лакбаев Канат Саметович

*д-р юрид. наук, доцент, в.н.с.
НИИ Карагандинского университета «Болашак»,
Республика Казахстан, г. Караганда*

PROBLEMS TO STRENGTHEN THE FIGHT AGAINST ORGANIZED CRIME IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF LEGAL POLICY IN KAZAKHSTAN

Nurgaliev Bahyt Moldatjaevich

doctor of laws, full professor, director of Scientific-research institute of Bolashak Karagandy University, Republic of Kazakhstan, Karagandy

Lakbaev Kanat Sametovich

doctor of laws, associated professor, leading researcher of Scientific-research institute of Bolashak Karagandy University, Republic of Kazakhstan, Karagandy

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан в сфере борьбы с организованной преступностью в свете Концепции правовой политики на 2010—2020 годы. На основе положительного опыта наиболее развитых государств мира в действующее законодательство внесен комплекс кардинальных мер, обеспечивающих адаптацию законодательства Казахстана к международным нормам. Данная работа продолжается в рамках разрабатываемых проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

ABSTRACT

This article discusses the questions of improving the legislation of the Republic of Kazakhstan in the sphere of fight against organized crime in the light of the Concept of Legal Policy for 2010—2020. On the base of positive experience of most developed countries in the current legislation introduced complex of cardinal measures to ensure adaptation of Kazakhstan legislation to international norms. This work is being continued in the development projects of the Criminal and Criminal Procedure Codes.

Ключевые слова: «Концепция правовой политики»; «борьба с организованной преступностью»; «финансирование организованной преступности»; «процессуальное соглашение»; «негласные следственные действия».

Keywords: "The Concept of Legal Policy"; "organized crime"; "financing of organized crime"; "procedural agreement"; "secret investigative actions".

В начале 2002 г. в Казахстане Указом Президента была утверждена Концепция правовой политики на период до 2010 года [5]. За это время существенно обновились основные отрасли национального законодательства, в том числе и в особенности Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. В настоящее время вступила в действие следующая Концепция на период с 2010 по 2020 годы, в рамках которой будет продолжаться судебно-правовая реформа [6].

Вот лишь некоторые новеллы, принятые в рамках осуществленной этой реформы — это, прежде всего, проблема смертной казни, сфера применения которой сокращена и ограничена исключительно террористическими преступлениями, сопряженными с гибелью людей, и особо тяжкими преступлениями, совершенными в военное время, что в условиях Казахстана означает фактическую отмену смертной казни; повсеместное внедрение технических средств для фиксации процесса отправления правосудия, что направлено на повышение объективности рассмотрения дел и др.

Казахстан, как и многие страны СНГ, усиливает борьбу с организованной преступностью и коррупцией. Последние несколько лет законодательное обеспечение этого направления правоохранительной деятельности существенно активизировалось. При этом в значительной степени учитывается правотворческий и практический опыт зарубежных стран. Например, в статье 324 Уголовного кодекса Бельгии изложены квалифицирующие признаки руководства и участия в деятельности преступной организации. В Уголовно-процессуальном кодексе Германии статьи 11а, 11е, посвященные институту «скрытых расследований», регламентируют деятельность внедренных сотрудников полиции, ведущих негласное производство по уголовному делу. В Италии, согласно Закону «О чрезвычайных мерах по координации борьбы с мафиозной преступностью», введен институт Префекта, координирующего усилия всех государственных органов в борьбе с организованной преступностью [9].

Далее. В разработанном и прошедшем несколько чтений в Государственной Думе РФ законопроекте по усилению борьбы с организованной преступностью, в значительной степени учтен закон РФ 2009 года [8], которым внесены принципиальные поправки в диспозицию ст. 210 УК РФ с точки зрения расширения признаков объективной стороны создания и руководства преступным сообществом (преступной организацией). Аналогичные нормы уже внедрены в казахстанское законодательство. Более того, с учетом проблем российской правоприменительной практики, дано конкретное понятие так называемого «лица, занимающего высшее положение

в преступной иерархии» (согласно ст. 210 УК РФ). В УК РК в ст. 235-1 оно определяется как «лицо, занимающее лидирующее положение», и им признается лицо, «наделенное руководителями организованных групп полномочиями по координации преступных действий». Представляется, что такая дефиниция в достаточной мере соответствует современным криминологическим представлениям об организованной преступной среде.

Усилиями казахстанской научной общественности (в которых активное участие принимали и авторы, входившие в состав разработчиков законопроектов) криминализовано такое деяние, как финансирование деятельности организованных преступных формирований и банд (ст. 235-4 УК РК), что позволяет бороться с таким явлением, как «общаки» и другие ассоциированные фонды накопления и распределения преступных доходов [3]. Накопленная правоприменительная и судебная практика уже подтверждает правильность акцента на «подрыв» финансовой основы криминалитета.

Следует отметить и своевременную криминализацию транснациональных форм организованной преступности (ст.ст. 31, 235-2, 235-3 УК РК), что соответствует положениям Конвенции ООН против транснациональной преступности 2000 года, которая ратифицирована Казахстаном в 2008 году.

Накопленный научный и практический опыт борьбы с преступностью в Казахстане позволил предпринять попытку (надеемся, что она будет удачной) пойти несколько дальше и в УПК законодательно введен так называемый «особый порядок уголовного преследования организованной преступности», на который давно указывают ведущие российские и украинские специалисты в области изучения организованной преступности, такие как Долгова А.И. [2], Овчинский В.С. [7] и др.

Законодательно закреплен особый порядок представления в виде облегченного доступа в уголовный процесс материалов ОРД по делам об организованной преступности. При этом, в целях защиты источников информации, введен институт представительства в суде должностного лица органа-субъекта ОРД, который без указания на личность источника своими показаниями будет удостоверяет подлинность полученных материалов, если существует угроза со стороны участников организованной преступности [3]. Представляется, что это будет способствовать реальной правоприменительной практике в этой важной сфере. В дополнение к этим мерам в рамках усиления борьбы с криминалитетом прорабатывается вопрос

о разработке профильного Закона о противодействии организованной преступности.

Следует отметить, что и здесь основная идея может быть взята из законопроекта РФ 1995 года, который, к сожалению, так и не стал в России Законом в свое время. Особенно интересны его аспекты, связанные с особым порядком уголовного преследования и направленные на ликвидацию экономических корней организованной преступности. Некоторые из этих моментов уже внесены в казахстанское законодательство. Кроме российского опыта в данной сфере, адаптируются в законопроекте нормы украинского, кыргызского и белорусского специальных Законов о борьбе с организованной преступностью [4].

Достаточно серьезные изменения ожидаются и уже в наступившем 2014 году в сфере уголовного и, особенно, уголовно-процессуального законодательства Казахстана. Например, в новой редакции проекта УПК в целях искоренения укрытия преступлений и сообщений о преступлениях (заимствована из правоприменительной практики стран Западной Европы и УПК Украины 2012 года). Нашел свое место в проекте как «процессуальное соглашение» узаконенный в России, Украине и ряде других стран институт «досудебного соглашения о сотрудничестве», основывающийся на широко применяемой за рубежом «делке о признании вины» [1].

Предполагается введение таких фигур, как процессуальный прокурор и следственный судья, что направлено на повышение качества досудебного расследования. Следственному судье новым УПК предоставляется широкий спектр прав по контролю за ходом досудебного расследования (санкционирование мер пресечения, рассмотрение жалоб и ходатайств, и т. д.). В целях оптимизации процесса и повышения качества расследования ликвидируется институт возврата судом уголовных дел на доследование. Суд будет выносить обвинительный приговор или оправдает подсудимого.

Повышается роль оперативно-розыскной деятельности в раскрытии наиболее серьезных преступлений, в связи с чем, вводится институт «негласных следственных действий», которые проводятся с использованием средств и методов ОРД в тех случаях, когда фактические данные необходимо получить без ведома определенных участников уголовного процесса (в законодательстве европейских стран такие институты носят название «специальные следственные приемы и методы» или «особые методы розыска»). Тем самым, отпадает необходимость в специальной процедуре

легализации результатов ОРД, через которую в настоящее время не может пройти большинство таких материалов.

В целях надлежащей правовой защиты жертв преступлений предполагается создание государственного специального фонда, из которого будет компенсироваться часть затрат, понесенных ими в результате преступления.

В новом бюджете страны для борьбы с организованной преступностью предусмотрено финансирование внедрения современных технологий и оптимальных систем управления силами и средствами криминальной полиции. С этой целью, по аналогии с развитыми странами, во всех крупных городах и областных центрах страны созданы Центры оперативного управления (ЦОУ), располагающие многочисленными (от нескольких десятков до нескольких сотен) камерами слежения, расположенными в самых оживленных и криминогенно опасных регионах. Высокие технологии и компьютерные новшества повсеместно стали внедряться в работу следственно-оперативных служб, что уже сейчас дает положительные результаты в раскрытии и расследовании уголовных дел, в том числе и по организованной преступности.

Список литературы:

1. В Совете Европы назвали новый УПК Украины образцовым.// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ostro.org/general/politics/news/429956/>. Дата обращения 07.02.14.
2. Долгова А.И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними //Прокурорская и следственная практика. № 3-4.М., 2005. — С. 164.
3. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия организованной преступности, террористической и экстремистской деятельности» от 21 ноября 2011 года // Казахстанская правда. 2011. 3 декабря.
4. Закон Кыргызской Республики «О противодействии организованной преступности.// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.kenesh.kg/Articles/1946_PROTIVODEJSTVII_ORGANIZOVANNOJ_PRESTUPNOSTI.aspx. Дата обращения 07.02.14.
5. Концепция правовой политики Казахстана на период с 2002 по 2010 годы. // Юридическая газета от 2.01.2002 г., № 40.
6. Концепция правовой политики Казахстана на период с 2010 по 2020 годы //Казахстанская правда от 7.09.2010 г., № 188 (25635).

7. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография. Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, В.П. Яблокова, М., Инфра-М, 2007. — С. 397.
8. Турецкий Н.И. Новый формат противодействия преступности. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.crime.vl.ru/index.php?p=3880&more=1&c=1&tb=1&pb=1. Дата обращения 17.02.14.
9. Федеральный закон РФ от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса РФ». // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.consultant.ru/law/hotdocs/7630.html. Дата обращения 17.02.14.

**НАЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ,
ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО
ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
КАК ФОРМА УЧЁТА СОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВИЮ**

Шшикин Алексей Александрович

*канд. юрид. наук, доцент, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал) ДГТУ,*

РФ, г. Шахты

E-mail: naukatgp@yandex.ru

**THE IMPOSITION OF A MORE LENIENT
PUNISHMENT THAN THAT PROVIDED
FOR THE OFFENSE AS A FORM
OF ACCOUNT ASSISTANCE TO INVESTIGATION**

Shishkin Aleksey Aleksandrovich

*candidate of Juridical sciences, Associate Professor,
Institute of services industry and businesses (DGTU branch),*

Russia, Shakhty

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется законодательная регламентация, механизм действия и степень влияния смягчающих обстоятельств на процесс назначения наказания. Анализируются статьи Уголовного кодекса

Российской Федерации, содержащие нормы о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Выявляются цели такого наказания, а также мнения специалистов в данной области. Оцениваются положительные и отрицательные стороны указанной нормы.

ABSTRACT

The article refers to the legislative regulation, mechanism of action and the degree of influence of mitigating circumstances on the process of sentencing. The author analyzes articles of the Criminal Code of the Russian Federation, containing rules on the imposition of a more lenient sentence than provided for the offense. The article studies objectives of the punishment, and opinions of experts in the field. The author estimates positive and negative aspects of this provision of law.

Ключевые слова: преступление; назначение наказания; смягчающие обстоятельства; суд.

Keywords: crime; imposition of punishment; mitigating circumstances; the court.

В теории уголовного права характеристика института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, обычно сводится к рассмотрению его юридической природы в рамках ст. 64 Уголовного кодекса РФ, нередко - лишь к комментарию этой статьи. При этом немало конкретных вопросов применения данного института остается за пределами научного анализа. Один из главных — вопрос о соотношении рассматриваемого института с другими, посредством которых может быть смягчена участь осужденного при назначении наказания (ст. ст. 62, 73 Уголовного кодекса РФ), либо — что не менее важно — о соотношении ст. 64 Уголовного кодекса РФ со специальными правилами назначения наказания (специальными началами назначения наказания), предусмотренными в ст. ст. 65—70 Уголовного кодекса РФ [4].

Объясняя наличие в Уголовном кодексе ст. 64 УК РФ, специалисты зачастую обходят стороной вопрос о том, почему именно эта статья, а, например, не ст. 73 Уголовного кодекса РФ была применена судом в той или иной ситуации. В этом случае если и обсуждается, то другой вопрос — о возможности одновременного применения институтов назначения менее строгого наказания и условного осуждения.

В источниках, в которых поставленный выше вопрос затрагивается, институт назначения более мягкого наказания, чем предус-

мотрено за данное преступление, называется «чрезвычайным смягчением наказания» [6], а его социально-правовое значение усматривается в разрешении тех ситуаций, когда даже минимальное наказание, предусмотренное в санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, оказывается исходя из обстоятельств дела слишком суровым, не отражающим общественную опасность конкретного преступления.

Основываясь на опубликованной судебной практике применения ст. 64 Уголовного кодекса РФ, Ф.Б. Гребенкин приводит ряд примеров, когда в качестве основания назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, выступала совокупность смягчающих наказание обстоятельств. По делу Кульпиной, осужденной по п. «д» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ с применением ст. 64 Уголовного кодекса РФ, Владимирским областным судом к шести годам лишения свободы, Президиум Верховного Суда РФ смягчил назначенное наказание до трех лет лишения свободы на том основании, что Кульпина является матерью четверых детей, из которых двое малолетние; преступлению способствовало противоправное поведение потерпевшего, вызвавшее состояние сильного душевного волнения. «Кульпина раскаялась в содеянном, положительно характеризовалась по месту жительства и работы... много внимания уделяла воспитанию детей, следила за их учебой в школе. На период заключения под стражу Кульпиной двое ее малолетних детей переданы под опеку престарелой бабушке, которая в силу своего возраста не может создать надлежащие условия для их жизни и воспитания» [1].

Остается неясным, почему с учетом всех обстоятельств дела из поля зрения суда выпал вопрос о возможности применения условного осуждения (ст. 73 Уголовного кодекса РФ) или, о применении отсрочки отбывания наказания, предусмотренной ст. 82 Уголовного кодекса РФ. К сожалению, остались без внимания эти вопросы и в работе Ф.Б. Гребенкина.

Приведенный обзор судебной практики применения института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, позволяет сделать ряд выводов.

1. Социально-правовое значение института, предусмотренного в ст. 64 Уголовного кодекса РФ, состоит в разрешении тех ситуаций, когда даже минимальное наказание, предусмотренное в санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, оказывается исходя из обстоятельств дела слишком суровым. Однако такое усмотрение и его реализация не должны игнорировать те обстоятельства, которые, хотя и в открытом перечне, но предусмотрены в законе, тем более

в увязке с жестким императивом о существенном уменьшении степени общественной опасности совершенного преступления.

2. Предусмотренная законом обязательная корреляция исключительных обстоятельств с общественной опасностью совершенного преступления, во-первых, зачастую не учитывается и, во-вторых, включает в себя исключительные обстоятельства, характеризующие преимущественно не преступление, а лицо, его совершившее (совершение преступления впервые, положительно характеризующий материал, несовершеннолетие, тяжелое (крайне тяжелое) состояние здоровья, престарелый возраст и т. п.). Не предпринимая в данном случае оценку такой практики с точки зрения ее целесообразности, с точки зрения действующего закона ее следует признать спорной.

3. Отсутствие в специальной и учебной литературе примеров исключительных обстоятельств, оправдывающих применение ст. 64 Уголовного кодекса РФ, можно объяснить открытым перечнем таких обстоятельств в ч. 1 и ч. 2 ст. 64 УК РФ: «Исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств». В такой ситуации, теперь проблема не в том, какое обстоятельство из числа смягчающих, может быть признано исключительным, а в том, уменьшает ли оно, и если да, то насколько существенно, степень общественной опасности совершенного преступления. Как показывает анализ судебной практики, именно этого ей как раз и недостает в применении ст. 64 Уголовного кодекса РФ

Таким образом, далеко не всегда признание того или иного обстоятельства либо совокупности обстоятельств исключительными сопровождается выводом суда о том, что они при этом существенно уменьшают степень общественной опасности совершенного преступления.

По статистическим данным Верховного Суда РФ за 2007—2008 гг., практика назначения наказания за убийство при отягчающих обстоятельствах в сопоставлении с законодательными санкциями за эти преступления (лишение свободы на срок от 8 до 20 лет, пожизненное лишение свободы либо не применяемая в настоящее время, но и не отмененная законодательно смертная казнь) выглядит по ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ следующим образом: пожизненное лишение свободы назначалось в 0,6 % случаев; наказание от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы — около 14 % случаев. Между тем на долю убийств по ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ в 2007 г. приходилось 23 % от общего числа убийств, квалифицируемых по этой статье, а в 2008 г. этот показатель составил 20 % [3].

Не лучшим образом обстоит дело и с назначением наказания за причинение тяжкого вреда здоровью по ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса РФ. Здесь наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет назначалось в 2007 г. в 6 %, а от восьми до десяти лет — в 23 % случаев (и это при санкции Особенной части Уголовного кодекса РФ в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет!). Разбой по ч. 4 ст. 162 Уголовного кодекса РФ (санкция — лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом или без такового) наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет лишь в 12 % случаев. По ч. 3 ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ (санкция — лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет со штрафом или без такового) — лишение свободы от пятнадцати до двадцати лет — менее 0,2 %; от десяти до пятнадцати лет — 5,3 %. Резервы действующих санкций также практически не используются: их верхние пределы едва ли не полностью игнорируются судебной практикой. Происходит это на фоне высокого уровня рецидива по рассматриваемым видам преступлений и их распространенности.

Таким образом, практика назначения наказаний за преступления в сфере экономической деятельности показывает, что в 2009 г. к наказанию в виде лишения свободы за такие преступления было осуждено всего лишь 14 % (в 2008 г. — 16,6 %), а доминировали при этом условное осуждение (в 2009 г. 39 % — к лишению свободы, 2 % — к иным видам наказаний; в 2008 г. 40,7 % — к лишению свободы, 1,8 % — к иным видам наказаний) и наказание в виде штрафа (36 % — в 2009 г., 32,6 % — в 2008 г.) [3].

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что удельный вес сурового уголовного наказания, предусмотренных санкциями норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, невысок. Это уже и есть «чрезвычайное смягчение наказания», и происходит оно в судебной практике в рамках общих начал назначения наказания, без применения специальных средств (за исключением ст. 73 Уголовного кодекса РФ), в том числе института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Это свидетельствует о завышенности верхних пределов санкций соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса РФ, либо о неправильном применении действующего уголовного закона.

При определении роли института, предусмотренного ст. 64 Уголовного кодекса РФ, наряду с оценкой характера санкций норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, необходимо учитывать еще одно немаловажное обстоятельство: несовпадение понятий

пределов санкций статей Особенной части Уголовного кодекса РФ и пределов назначения наказания.

В этой связи Т.В. Непомнящая определяет четыре ситуации, когда пределы назначения наказания не совпадают с пределами санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ: 1) санкция статьи не содержит весь набор основных видов наказаний, которые фактически суд вправе применить к осужденному (такое может иметь место в случае, предусмотренном, например, ст. 55 Уголовного кодекса РФ); 2) санкция статьи не содержит весь набор дополнительных видов наказаний (ст. ст. 47, 48 Уголовного кодекса РФ); 3) пределы назначения наказания применительно к некоторым категориям осужденных являются заведомо более узкими по сравнению с пределами санкции. Санкция ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ предусматривает среди прочего наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет. Однако максимальный срок лишения свободы для лиц, не достигших 18 лет, за совершение данного преступления — десять лет, а минимальный предел в этом случае сокращается наполовину; 4) в Уголовном кодексе РФ предусмотрены специальные случаи, когда суд при назначении наказания может «проигнорировать» и нижний (ст. 64 Уголовного кодекса РФ), и верхний (ст. ст. 69, 70 Уголовного кодекса РФ) пределы санкции либо вообще постановить о реальном неприменении назначенного им наказания (ст. 73 Уголовного кодекса РФ). К последнему случаю автор относит еще и ситуацию, когда суд «вправе вообще не применять наказание, указанное в санкции», и ссылается при этом на ст. ст. 81, 83 Уголовного кодекса РФ. Однако, что тогда автору следовало бы, во-первых, назвать и ст. 82 Уголовного кодекса РФ, предусматривающую возможность отсрочки отбывания наказания; во-вторых, не очень уместно рассуждать о соотношении понятий пределов санкции и пределов назначения наказания, поскольку последнее не исполняется (за исключением случаев освобождения от отбывания наказания).

Так или иначе, названные случаи смягчения наказания, предусмотренного санкцией статьи (за исключением тех, которые регламентированы ст. ст. 64, 73 Уголовного кодекса РФ), являются дополнительным реально действующим фактором применительно к первичной («стартовой») нормативной правовой основе. В своей совокупности эти два обстоятельства уже сами по себе без применения специальных начал назначения наказания создают серьезный нормативный потенциал для смягчения наказания при его назначении. В связи с этим еще более актуализируется вопрос о социально-

правовом назначении института, предусмотренного ст. 64 Уголовного кодекса РФ.

Ближе всего к ст. 64 Уголовного кодекса РФ по социально-правовому значению является институт условного осуждения (ст. 73 Уголовного кодекса РФ), который и в период действия УК РСФСР 1960 г., и при действующем Уголовном кодексе РФ традиционно выступает одной из самых распространенных мер, применяемых на стадии назначения наказания.

Согласно ч. 1 ст. 73 Уголовного кодекса РФ, в основе решения суда об условном неприменении назначенного наказания лежит вывод о том, что исправление осужденного возможно без реального отбывания наказания. При этом в сферу возможного применения условного осуждения могут попадать даже те лица, которым наказание в виде лишения свободы назначается до восьми лет включительно, причем вне какой-либо связи с категорией совершенного преступления. Между тем изначально практика законодательной регламентации рассматриваемого института начиная с законодательства советского периода предусматривала достаточно жесткие требования к его применению. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. устанавливает три условия: «Когда преступление, по которому судом определено наказание в виде заключения под стражу, совершено осужденным: 1) впервые и притом 2) при исключительно тяжелой степени обстоятельств его жизни, 3) когда опасность осужденного для общества не требует немедленной изоляции его...» (п. 26) [2]. УК РСФСР 1922 г., сохранив указанные требования, дополнил последнее из них еще более жестким условием «и даже назначения ему принудительных работ...» (ст. 36) [8].

Однако в последующем, исключив в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. из числа условий применения рассматриваемого института первые два и, тем самым стерев все формальные требования к его применению, законодатель последовательно указывает сначала о «степени опасности осужденного», оценка которой давала суду право постановить об условном осуждении (УК РСФСР в редакции 1926 г. [7]), а затем о формировании убеждения суда о «нецелесообразности отбывания виновным назначенного наказания» (ст. 44 УК РСФСР 1960 г. [5]) с дополнением в 1996 г. указания на названный выше срок лишения свободы (ст. 73 Уголовного кодекса РФ).

Отмеченные колебания в регламентации института условного осуждения не могли не влиять на объяснение социально-правового его назначения в теории уголовного права.

В специальной литературе социально-правовое назначение института условного осуждения в различные периоды развития уголовного законодательства объяснялось по-разному. Возникнув в отечественном законодательстве советского периода как результат реализации идеи поиска альтернативы краткосрочному лишению свободы, высказанной в литературе в конце XIX — начале XX в., этот институт в современном его состоянии превратился фактически в альтернативу наказанию в виде лишения свободы в целом: по данным судебной статистики за 2008—2009 гг., удельный вес лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы на срок до восьми лет, в общем количестве осужденных к этому виду наказания составляет около 95 % [3]. К сожалению, эта альтернатива сопровождается и некоторым негативом, свойственным для лиц, осуждаемых к наказанию в виде лишения свободы: в числе лиц, условно осужденных к лишению свободы, из года в год возрастает количество лиц с неснятыми и непогашенными судимостями (в 2008 г. этот показатель составил 14,5 %, в 2009 г. — 16,9 %, в 2010 г. — 19,3 %) [3]. Официальные данные о состоянии рецидива среди условно осужденных отсутствуют, можно предположить, что этот показатель составляет никак не ниже 10—15 %, характерных для 80-х гг. прошлого столетия.

Список литературы:

1. Гребенкин Ф.Б. Уголовное наказание и его назначение: Учеб. пособие. Киров, 2009. — С. 148—154.
2. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // "СУ РСФСР", — 1919, — № 66, — ст. 590
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>], (дата обращения 19.03.2014).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.
5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960), (ред. от 30.07.1996) // «Ведомости ВС РСФСР», — 1960, — № 40, — ст. 591.
6. Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Р. Сундурова. Казань, 2003. С. 474; Полный курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 16: Преступление и наказание. С. 900—902.

7. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [<http://docs.cntd.ru/document/901757374>], (дата обращения 18.03.2014).
8. Юридическая Россия: Федеральный правовой портал // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [<http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523>], (дата обращения 18.03.2014).

СЕКЦИЯ 12.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ОСОБЕННОСТИ ЗАКУПОК ДЛЯ НУЖД БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Пивоварова Ольга Николаевна

*канд. ист. наук, доцент Кубанского Государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: onp_09@mail.ru*

FEATURES PURCHASES FOR THE NEEDS BUDGETARY INSTITUTIONS IN CONTRACT SYSTEM

Olga Pivovarova

*Ph.D., Associate Professor of Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются новшества законодательства, регулирующего процедуру закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд применительно к бюджетным учреждениям в соответствии с требованиями действующих нормативно-правовых актов. Используемый метод — сравнительно-аналитический. В результате проведенного исследования сделан вывод о целесообразности применения нового порядка осуществления закупок для нужд бюджетных учреждений в рамках принятой контрактной системы.

ABSTRACT

This article discusses new legislation governing the procurement of goods, works and services for public and municipal needs in relation

to budgetary institutions in accordance with the requirements of existing regulations. The method used is the comparative. The study concluded that the use of the new procedure for procurement for the needs of public institutions under the federal contract system.

Ключевые слова: бюджетное учреждение; приносящая доход деятельность; контрактная система.

Keywords: budgetary institution; income-generating activities; the contract system.

Проведение эффективной бюджетной политики является приоритетным направлением финансовой деятельности публично-правового образования. В связи с этим при регулировании бюджетных отношений необходимо создавать условия и использовать механизмы, способствующие повышению эффективности в процессе управления бюджетными средствами, усилению ответственности участников бюджетного процесса при осуществлении операций по расходованию выделяемых средств из бюджетов.

Усиленное внимание к вопросам развития финансово-правовых механизмов управления государственными финансами, обусловлено усложняющимися социально-экономическими отношениями, преобразованиями в бюджетной сфере, а также негативным влиянием мирового финансового кризиса, вызвавшим острую потребность экономии бюджетных средств.

Наряду с необходимостью экономии, и даже в большей мере, необходимо отметить возросшую значимость эффективного расходования бюджетных средств, достижения тех целей, которые государственный или муниципальный заказчик ставил перед собой, осуществляя закупку. Ведь, как показала практика, зачастую, потребности заказчика не возможно удовлетворить, не осуществляя достаточно объемных затрат: допустим, речь идет о поставке и пусконаладке наисовременнейшего оборудования, об услугах «узких» специалистов, о реконструкции сложных объектов, представляющих историческую и культурную ценность. При закупке некоторых видов товаров, работ, услуг, приоритетом выступает не цена сама по себе, а именно необходимость осуществить запланированное, и, причем, при стопроцентном соблюдении всех требований к качеству.

В качестве одного из инструментов государственного воздействия на социально-экономические процессы, можно рассматривать создаваемую в стране Контрактную систему, основополагающим документом которой стал Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ

(ред. от 28.12.2013) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4], явившийся следующей ступенью реформирования системы государственного заказа в Российской Федерации.

Согласно ставшему традиционным подходом к данному определению за период действия Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [5], под государственными нуждами понимаются обеспечиваемые за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности государственных и муниципальных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления их функций и полномочий (в том числе для реализации целевых программ), для исполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация,

Под муниципальными нуждами понимаются обеспечиваемые за счет средств местных бюджетов и внебюджетных источников финансирования потребности муниципальных образований, муниципальных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления органами местного самоуправления соответствующих функций и полномочий.

Резюмируя вышесказанное, автор приходит к выводу, что приобретение на средства, выделенные из бюджета любого уровня различных товаров, услуг и работ для удовлетворения государственных и муниципальных нужд — это и есть государственные закупки.

Проведение закупок требует от заказчика полноты и четкости планирования, тщательной обоснованности расходов и строгой отчетности.

Универсальность и единообразие процедур осуществления закупок получателями бюджетных средств изначально устанавливались Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [5].

Между тем, бюджетная система Российской Федерации продолжает реформироваться, и важным этапом бюджетной реформы, направленной на повышение эффективности бюджетных расходов по обеспечению потребностей граждан в государственных (муниципальных) услугах, увеличению их доступности и качества, стал вступивший в силу Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [6].

Федеральным законом от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ внесены поправки более чем в два десятка федеральных законов. В том числе, важные изменения внесены и в Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», Кодекс РФ об административных правонарушениях, а также в Бюджетный кодекс РФ.

Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ является основным правовым актом по регулированию функционирования учреждений бюджетной системы, в ходе реализации которого изменился правовой статус действующих ранее бюджетных учреждений.

Статья 120 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1] была дополнена новыми положениями, согласно которым государственные или муниципальные учреждения могут быть автономными, бюджетными или казенными. Порядок финансового обеспечения их деятельности регулируется соответствующими нормативно-правовыми актами.

Казенные учреждения заключают государственные контракты, тогда как бюджетные учреждения — гражданско-правовые договоры. В рамках Федерального закона от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ [5] правовой статус данных документов был равнозначен, и порядок принятия бюджетных обязательств для данных видов учреждений был процедурно одинаков.

Между тем, утвержденная контрактная система в Российской Федерации впервые за весь период существования регламентированного процесса закупок для государственных и муниципальных нужд предоставила бюджетным учреждениям возможность изменить порядок принятия бюджетных обязательств, например, в части средств от иной приносящей доход деятельности.

Согласно нормам, содержащимся в пункте 3 части 2 статьи 15 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [4], при наличии Положения о закупках, принятого бюджетным учреждением в соответствии с частью 3 статьи 2 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [7] и размещенного в единой информационной системе, данное учреждение вправе осуществлять в соответствующем году с соблюдением требований Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ и Положения закупки за счет средств, полученных

при осуществлении им иной приносящей доход деятельности от физических лиц, юридических лиц, в том числе в рамках предусмотренного его учредительными документами основных видов деятельности.

Бюджетные учреждения вправе осуществлять закупки для собственных нужд с применением норм Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [7]. Исключение законодатель установил для средств субсидий и средств, получаемых учреждением в рамках обязательного медицинского страхования. Данная норма — беспрецедентна. Подобной практики не существовало ранее. До января 2014 года все денежные средства, которыми располагало, так или иначе, из различных источников финансирования бюджетное учреждение, оно должно было тратить только по единым определенным правилам, установленным Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ. Более того, текст самого закона о закупках отдельными видами юридических лиц, не содержал до недавнего времени корреспондирующих норм, совсем не затрагивая в своей сфере регулирования бюджетные учреждения.

Согласно положениям пункта 2 статьи 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8] бюджетное учреждение осуществляет свою деятельность в соответствии с предметом и целями деятельности, определенными в соответствии с федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, муниципальными правовыми актами и уставом.

Из пункта 4 статьи 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ следует, что бюджетное учреждение вправе осуществлять иные виды деятельности, не являющиеся основными видами деятельности, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, и соответствующие указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах.

Министерство финансов Российской Федерации и Федеральное казначейство в целях реализации Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [2] разъяснило, что бюджетные учреждения при осуществлении закупок товаров, работ, услуг должны заключать гражданско-правовые договоры от имени учреждения.

В соответствии с частью 1 статьи 15 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муници-

пальных нужд», который вступил в силу 1 января 2014 года, бюджетные учреждения осуществляют закупки за счет субсидий, предоставленных из бюджетов различных уровней, и иных средств в обязательном порядке в соответствии с требованиями Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 15 [4].

По мнению автора, основной акцент при рассмотрении нововведений, касающихся порядка расходования денежных средств бюджетным учреждением, необходимо сделать именно на том, что применение иного порядка при закупках товаров, работ, услуг для нужд бюджетного учреждения, это — право, а не обязанность. Причем, право, которое приобретается строго по итогам выполнения определенных Федеральными законами процедур его реализации.

До 1 апреля 2014 года бюджетные учреждения вправе принять правовой акт в соответствии с частью 3 статьи 2 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в отношении закупок, предусмотренных частью 2 статьи 15 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [4] и осуществляемых в 2014 году. Указанные правовые акты в случае их принятия бюджетными учреждениями также должны быть размещены до 1 апреля 2014 года на Официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг.

При этом считаем необходимым отметить, что в соответствии с частью 2 статьи 2 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ [7] Положение о закупке является документом, который регламентирует закупочную деятельность заказчика и должен содержать требования к закупке, в том числе порядок подготовки и проведения процедур закупки (включая способы закупки) и условия их применения, порядок заключения и исполнения гражданско-правовых договоров бюджетного учреждения, а также иные связанные с обеспечением закупки положения, например, требования к составу и порядок работы закупочной комиссии.

Если нормы Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [4] предусматривают определенные процедуры закупок и четкий порядок их осуществления, а также ответственность за отклонения заказчика, в том числе, от регламентированных законом сроков, то положения Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ носят рамочный характер, предписывая заказчику самостоятельно сформировать Положение о закупке, в соответствии с которым он и будет осуществлять

закупочную деятельность следующий календарный год после его утверждения.

Данное Положение о закупках должно содержать подробное описание порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг. Данный порядок бюджетное учреждение устанавливает с учетом, наряду с другими, требований Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [9]. Это означает, что формируя данный порядок, учреждение должно устанавливать единые подходы и критерии оценки заявок, а также единые требования ко всем возможным участникам закупки, которая будет осуществляться на основании утвержденного Положения.

Основные принципы, продекларированные в законе о защите конкуренции, обязательны для применения во всех закупках, осуществляемых за счет бюджетных средств. При этом, независимо от того, закупает ли заказчик товары по нормам Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ или его закупки осуществляются на основании Положения, заказчик обязан обеспечить равноправие участников: ко всем поставщикам, подрядчикам, исполнителям, которые подают заявки на участие в закупках, предъявляются одинаковые, заранее известные таким участникам требования, а также предоставляются равные права на получение информации о процедуре закупки, разъяснение заказчиком содержания документации о закупке, а также мотивировочной части протоколов рассмотрения заявок на участие.

В своем Положении о закупках бюджетное учреждение самостоятельно устанавливает не только виды способов закупки, но и условия выбора этого способа. Будет ли бюджетное учреждение проводить открытые конкурсы, и в каких случаях, будет ли использоваться при закупках товаров, работ, услуг запрос коммерческих предложений, возможны ли конкурентные переговоры, что учреждение закупит так называемыми прямыми договорами: все эти вопросы регулируются бюджетным учреждением в Положении.

Безусловно, возможность организовать закупочный процесс в учреждении с учетом особенностей как его государственного или муниципального задания, так и организационно-штатной структуры или иных специфических факторов, например, территориальной удаленности или близости от основных хозяйствующих субъектов функционирующего рынка закупаемых учреждением товаров, работ, услуг, — это очень важная составляющая процесса повышения эффективности расходов, осуществляемых бюджетным учреждением. Данной самостоятельности нет у казенных учреждений, поэтому, зачастую, закупки по объективным причинам, например, из-за предус-

мотренных законодательством сроков проведения процедуры закупки, осуществляются гораздо медленнее, чем того требуют нужды ежедневного функционирования учреждения.

Строго регламентирован предельный размер средств, которые заказчик может израсходовать на свои нужды без использования конкурентных способов закупки, и размер это весьма скромен — 5 % от суммы средств, выделенных на все закупки заказчика на текущий год. Для бюджетных учреждений есть возможность в Положении предусмотреть любой порядок закупки, в том числе установить случаи закупки у единственного поставщика по своему усмотрению.

Положение о закупках бюджетного учреждения утверждается учредителем в силу норм части 3 статьи 2 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ [7]. Следует отметить, что существуют подзаконные акты, так или иначе регламентирующие действия заказчика, осуществляющих закупочную деятельность согласно Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ [7]. Например, в части обязанности проводить закупки в электронной форме.

Осуществление закупок в соответствии с нормами Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ предусматривают реализацию отдельного (от документов, формируемых бюджетным учреждением как заказчиком согласно требованиям Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ) документооборота: правовых актов бюджетного учреждения, документов по планированию (Планов закупок, размещаемых на Официальном сайте), ведение отчетности, в том числе по количеству и суммам заключенных договоров. Разделив в текущем году имеющиеся в распоряжении денежные средства по двум направлениям: подлежащим освоению по нормам Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и подлежащим освоению по нормам Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ, бюджетное учреждение в течение всего текущего финансового года должно будет вести соответствующий учет и соблюдать ограничения в отношении каждого из видов средств. Например, включать в План-график, формируемый в силу требований Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, только средства субсидии (и средств, получаемых в рамках обязательного медицинского страхования), и иных, не подлежащие освоению, согласно утвержденному Положению о закупках, средств.

Согласно требованиям части 3 статьи 15 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ разработанное, утвержденное и размещенное в установленном порядке на Официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг бюджетным учреждением Положение о закупках не подлежит изменению в текущем году [4].

В течение всего календарного года до 31 декабря бюджетное учреждение будет осуществлять закупки согласно самостоятельно установленным правилам и процедурам, а это — немалый срок, заставляющий серьезно и ответственно задуматься о том, стоит ли реализовывать данное право, предусмотренное законодателем.

Тем не менее, возможность, на взгляд автора, работать в рамках Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ, установленную Федеральным законом о контрактной системе, нужно расценивать, как преференцию бюджетным учреждениям, так как у них появляется возможность самостоятельно в индивидуальном порядке с учетом особенной функционирования учреждения, а также специфики государственного или муниципального задания организовать процедурную часть закупок. Это позволит, по мнению автора, существенно оптимизировать закупочную деятельность бюджетных учреждений и будет способствовать повышению результативности и эффективности закупок.

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.94 г. (в ред. от 11.02.13 г.) // СПС «Консультант-Плюс» (17.02.2014).
2. Письмо Минфина России № 02-13-10/141, Казначейства России № 42-7.4-05/2.3-41 от 21.01.2013 «О гражданско-правовых договорах бюджетных учреждений» // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).
3. Письмо Минэкономразвития России от 29.03.2013 № Д28и-367 // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).
5. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (ред. от 23.07.2013) // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).
6. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).

7. Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).
8. Федеральный закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).
9. Федеральный закон от № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «Консультант Плюс» (17.02.2014).

Научное издание

**«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ»**

Сборник статей по материалам
XXXV международной научно-практической конференции

№ 3 (35)
Март 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 31.03.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3